V ФРЕЙДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ СУБЪЕКТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции

Серия «Эпоха психоанализа»

V ФРЕЙДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ СУБЪЕКТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Международная научно-практическая конференция

(Санкт-Петербург, 3 апреля 2021 года)

Материалы и доклады

Под редакцией профессора М. М. Решетникова

Восточно-Европейский Институт психоанализа
Санкт-Петербург
2021

УДК 159.9
ББК 88
Ф86

Рецензенты:

Авакумов Сергей Владимирович — *канд. психол. наук, доцент*
Артемова Янина Владимировна — *канд. психол. наук, доцент*
Саврацкая Елена Юрьевна — *канд. психол. наук, доцент*

СЕРИЯ: «Эпоха психоанализа»

V Фрейдовские чтения: психология и психоанализ субъекта нашего времени. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, проведенной в АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа» 03.04.2021 г. / Под ред. проф. М. М. Решетникова. — Санкт-Петербург: ВЕИП, 2021. — 285 с.

ISBN 978-5-91681-043-1

В сборнике представлены статьи практикующих психологов и психоаналитиков, преподавателей высшей школы и студентов, освещающие основные психоаналитические представления о специфике субъекта нашего времени. Авторы рассматривают психоаналитические проблемы и понятия через призму современных культурологических, социальных и философских исследований; раскрывают теоретические и прикладные аспекты психологии; затрагивают актуальные вопросы психотерапевтической теории и практики. Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся пониманием современного субъекта, а также исследованиями в области психологии и психоанализа.

Авторский коллектив: *Беркутова В.В. (составитель и ответственный редактор), Богач Е.В., Боева Г.Н., Буланов С.О., Воронов И.А., Гафурова Ю.С., Гржибовская В.В., Гурина Е.С., Гусенцова Н.А., Ким М.Ю., Ким О.А., Кудрявцева С.В., Куликова О.Ю., Лабанова А.М., Левчук В.А., Ломоносова Н.С., Мелехин А.И., Пантелеева Г.В., Савельева С.С., Сенаторова Е.В., Сенчило В.В., Скибинцева Н.В., Терехова Н.С., Тихопой В.В., Токарева В.И., Толкачева О.Н., Усатых Г.Н., Шарова А.Б.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

ФЕНОМЕН «ПАДЕНИЯ ОТЦА» В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ

Беркутова Вероника Валерьевна
психоаналитик, старший преподаватель
кафедры теории психоанализа АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье речь идет о концепции «падения отца», обсуждаемой в психоаналитических текстах второй половины XX — начала XXI в. Автор прослеживает истоки понятия; дает его определение, связанное с инстанцией Я-Идеала и функционированием символического закона; вводит в исторический и клинический контекст. В тексте также обсуждаются возможности практики психоанализа и становления субъекта в эпоху упадка отцовского образа.

Ключевые слова: психоанализ, эдипов комплекс, падение отца, патриархат, Я-Идеал, современный субъект

— Старикашка! — сынок обратился к отцу, —
Голова твоя так поседела,
Что стоять вверх ногами тебе не к лицу!
Не пора ли бросать это дело?

— В детстве я не рискнул бы, — ответил старик, —
Вдруг да что-то стрясется с мозгами!
Но теперь, убедившись, что риск невелик,
Я люблю постоять вверх ногами!

Л. Кэрролл «Алиса в Стране Чудес»

Назад к Эдипу

Еще со времен З. Фрейда мы ожидаем от психоанализа не только терапевтического эффекта при работе с пациентами, но и

объяснения феноменов окружающей нас жизни — культуры, искусства, религии. Некоторые философы приспособили психоанализ к интерпретации явлений из области политики и социологии, и все потому, что, обращаясь к пониманию субъекта, невозможно обойтись без осмысления того контекста (исторического, языкового, идеологического), в котором тот или иной субъект сформировался.

Одним из важнейших факторов для определения специфики психического становления является семья. Сложно переоценить вклад, внесенный Фрейдом в понимание семейных отношений. Теория психосексуального развития подробно исследует появление ребенка в семье, его отношения со всеми значимыми взрослыми (отцом, матерью, нянями и воспитателями), а также братьями и сестрами, и то влияние, которые эти взаимоотношения оказывают на дальнейшие связи с людьми во взрослом возрасте. Более того, психоанализ объясняет и множество мотивов, которые побуждают людей создавать собственную семью и производить на свет ребенка. В настоящее время все более ясной становится идея о том, что ребенок — симптом семейных отношений, высвечивающий напряженные области взаимодействия между взрослыми участниками семейной системы, их бессознательные конфликты и желания. Распространению этих идей во многом способствовало развитие детского психоанализа, инициированное Г. Хуг-Хельмут, А. Фрейд, М. Кляйн, В. Ф. Шмидт, Д. В. Винникоттом, Ф. Дольто.

Еще в первые этапы становления человеческой культуры семья теряет свою биологическую подоплеку и выходит на уровень социальных символических связей: если материнство еще имеет отношение к биологии, то отцовство сразу же становится предметом веры или договоренности, поскольку до изобретения генетических исследований и анализов ДНК его не всегда можно было точно подтвердить. Во многих племенах отцовство относилось к области мистического, когда считалось, что женщину оплодотворил дух того или иного тотемного животного.

Исследуя образы родителей и роли, которые они играют в жизни ребенка, необходимо прежде всего обратиться

к понятию эдипова комплекса, появляющегося на фаллической стадии психосексуального развития. Под эдиповым комплексом в широком смысле понимается совокупность любовных и враждебных желаний и импульсов ребенка, направленных на родителей. Согласно наблюдениям Фрейда, в положительной форме развития комплекса Эдипа сын соперничает со своим отцом за любовь и внимание матери; в негативной форме — ребенок идентифицируется с противоположным по полу родителем и влюбляется в родителя одного с ним пола. Этот комплекс достигает вершины в возрасте от четырех—шести лет, после чего наступает угасание сексуального интереса в латентном периоде.

Как отмечает «Словарь по психоанализу» Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса, «эдипов комплекс — основа структурирования личности и формирования человеческих желаний» [5, с. 203]. Прохождение Эдипа имеет фундаментальное значение, поскольку именно тогда решаются вопросы выбора пола и сексуальной ориентации, отношения к собственному телу и сексуальности, формируются бессознательные представления, способные повлиять на ход всей будущей жизни. Эдипов треугольник встречается в мифологии и культуре различных сообществ, даже если у них не существует концепции нуклеарной семьи. Подчеркивая его универсальность, Фрейд писал в комментариях к «Трем очеркам по теории сексуальности»: «Перед каждым родившимся на свет человеком встает задача преодолеть эдипов комплекс» [7, с. 140].

Угасание эдипова комплекса сопровождается формированием Сверх-Я как инстанции, выполняющей роль внутреннего надзирателя, и Я как посредника между миром влечений и принципом реальности, включающим в том числе различные семейные и социальные требования. Эдипов комплекс налагает табу на непосредственное исполнение желаний и связывает воедино желание и закон. В действительности, разрешение эдипова комплекса представляет собой чрезвычайно сложный процесс, поскольку он должен учитывать и определенным образом прописать варианты отношений со всеми участниками семейного треугольника, а также различные нюансы взаимоотношения полов.

При разрешении эдипова комплекса в психическом пространстве решается несколько задач. Во-первых, происходит бессознательный выбор объекта любви, который впоследствии будет совершен во взрослой сексуальной жизни. Во-вторых, осуществляется установление главенства генитальной (фаллической) сексуальности над частичными влечениями. В-третьих, в процессе интроекции отцовского закона и запрета на инцест происходит окончательное формирование инстанций Я, Оно и Сверх-Я. В-четвертых, формируются многочисленные бессознательные идентификации. В фазе Эдипа ребенок получает не только предписание: «будь как твой отец», но и запрет: «ты не можешь полностью стать таким, как отец, не можешь окончательно занять его место, так как есть вещи, которые тебе не дозволены».

Отцовские ипостаси

Свою роль в Эдипе играют как мать, так и отец. Большое внимание концептуализации их функций уделено в V семинаре Ж. Лакана под названием «Образования бессознательного» (1957—1958). Именно там подробно объясняется концепция Имени Отца и трех тактов прохождения Эдипа. Как отмечает Лакан, в большинстве сообществ, в отличие от матери, которая связана с ребенком биологическим фактом рождения, отец имеет символический характер — как тот, кто утверждает этого ребенка как собственного. Таким образом, отец у ребенка появляется благодаря слову, означающему признания. В первые месяцы развития младенец вполне может обходиться без отца, полностью довольствуясь материнской заботой. В это время именно мать (или замещающая ее фигура) призвана удовлетворять все потребности и желания малыша. Тем не менее уже тогда отец начинает присутствовать в виде образа и слова, фигурирующего в речи матери.

По Лакану, функция отца заключается в том, чтобы внедриться в полные наслаждения и тревог отношения матери и ребенка для установления там закона. То, что зачастую представляется прекрасным симбиозом, где все желания и потребности ребенка удовлетворяются словно сами по себе, оказывается

не таким уж радужным миром. В ситуации симбиоза ребенку грозит опасность навсегда остаться объектом материнского желания и манипуляций, поскольку в это время мать может делать с ребенком все, что ей захочется. Этот период Лакан называет временем материнского каприза. Конечно, как правило, мать желает ребенку только добра и действует «ради его же блага», однако всегда сохраняется опасность, что она руководствуется собственными представлениями, не вдаваясь в рассуждения о том, что будет благом для самого ребенка.

При вступлении в эдипальную фазу ребенок входит в отношения символического треугольника, где власть матери ограничивается законом отца. Отныне она не одна претендует на место истины, и ребенок, который обретает речь как инструмент для выражения собственных желаний, получает символическую защиту от всепоглощающего материнского каприза.

Лакан подчеркивает, что речь при этом идет не только о «запрете на инцест» для самого ребенка, который был открыт еще во фрейдовских размышлениях о комплексе Эдипа, но также о том, что запрету подвластна сама мать, которая вместе с ребенком вынуждена подчиняться определенному символическому порядку. В этом смысле Лакан немного переворачивает концепцию комплекса кастрации, отмечая, что ребенок открывает не столько возможность собственной кастрации, сколько кастрацию безграничного материнского Другого, который оказывается подвластен символическому закону. Это значительно меняет представления о прохождении Эдипа у мальчиков и девочек, поскольку снимает их биологическое противопоставление в отношении кастрационного комплекса, открывая возможность теории сексуации.

Как и у Фрейда, в концепции Лакана комплекс кастрации оказывается внутренней пружиной эдипова комплекса. Однако Лакан настаивает на том, что «первое лицо, которое в диалектике отношений между субъектами предстает как кастрированное — это мать» [4, с. 405]. И дело здесь не в том, что мать буквально «лишена пениса», будучи женщиной, а в том, что до этого этапа мать воспринимается как всесильное и всемогущее существо, от чьей благосклонности зависит благополучие ребенка. И только обнаружение третьего элемента в этой

системе, места отца, разделяет «диадные» отношения и открывает для ребенка тот факт, что желание матери направлено куда-то в сторону, что он не единственный объект ее устремлений. В этом смысле на «месте отца» потенциально может обнаружиться любой объект: собственно биологический отец ребенка или какой-либо другой человек; младший брат или сестра; материнская работа или увлечение и т. д.

В работе «Тотем и табу» [8] Фрейд интерпретирует миф об убийстве отца как историю установления закона, давшего начало человеческой культуре и основам системы родства в результате появившегося после убийства отца чувства вины. Лакан выводит функцию отца за пределы семейной или исторической ситуации и перемещает ее в область символического. Понятие «Имя Отца» становится для него означающим, «которое дает закону опору» [4, с. 168]. Таким образом, Имя Отца, вписанное в логику метафоры, занимает место определенной функции, устанавливающей символический порядок.

Уже здесь мы замечаем, что «отец» как понятие расщепляется, начинает приобретать какие-то особые функции, не всегда имеющие прямое отношение к отцу как непосредственному участнику семейных отношений. Ипостаси отца, через призму теории Лакана, следует рассматривать в трех регистрах: воображаемом, символическом и реальном. *Реальный отец* — это биологический аспект, условно говоря, тот сперматозоид, чье соединение с яйцеклеткой способствовало физическому зарождению субъекта. Его не следует путать с отцом реальности, фактическим отцом — тем, кто буквально будет соответствовать этому именованию в семье (это может быть и отец, и отчим, и друг семьи). *Воображаемый отец* — это образ отца, который складывается у ребенка на основе взаимодействия с ним. Если по каким-то причинам фактический отец в семье отсутствует, воображаемый, в отличие от него, всегда будет занимать важное место в психике ребенка как миф о причине его появления на свет и как возможность идентификации с отцом (например, через воспоминания и рассказы матери).

Наконец, *символический аспект отца* — это сам язык, закон, который определяет возможность отношений между людьми. С помощью этого закона ребенок получает ответ

на загадку собственного существования, изобретает фантазм, отвечающий на вопрос, зачем и почему появился на свет. В символической парадигме отношения ребенка выстраиваются не с фактическим отцом, а с отцовским словом. Именно поэтому среди психоаналитиков есть мнение, что эдипов комплекс может потенциально преодолеть любой субъект, в том числе воспитывающийся в гомосексуальной паре или в так называемой «неполной» семье (где есть только ребенок и мать или бабушка).

В V семинаре, озаглавленном «Образования бессознательного», Лакан посвящает фрагмент одной лекции «разновидностям отцовской несостоятельности», предостерегая аналитиков от вульгарного прочтения жалоб пациента на «отсутствие отца» или его «слабость». Как мы уже сказали, Эдип может сложиться даже в тех случаях, когда отца вообще нет. «В отношении несостоятельности отца я хотел бы просто-напросто заметить, — говорит Лакан, — что никогда не известно, в чем именно он несостоятелен» [4, с. 192]. Здесь появляется идея о метафоре, которая на долгое время вынесет вопрос о символической функции на первый план.

В контексте метафоры Имени Отца речь идет о символической функции, привносящей понятие порядка и закона. Отцовская метафора служит ответом на вопрос о месте ребенка в человеческом мире и о его позиции по отношению к желанию Другого. В данном случае речь идет о метафоре как установлении первоначального смысла, порождающего возможность образованиях новых смыслов в течение жизни субъекта. Именно символический отец открывает ребенку возможность быть взрослым и брать ответственность за то, каким взрослым он станет, то есть быть желающим субъектом и нести за это желание ответственность.

Подобное «расщепление» отца на различные ипостаси приводит к интересным эффектам и множеству вопросов, которыми задаются психоаналитики. Например, как соотносятся воображаемая и символическая отцовские функции? Может ли одна работать без другой? Правда ли, что на символическом уровне функцию отца может буквально выполнить что угодно:

младший ребенок, материнская работа или увлечение, посторонний мужчина (врач, учитель)?

Другой круг вопросов связан с уже упомянутыми факторами культуры и исторического контекста. Какие воздействия на становление субъекта оказывают метаморфозы, происходящие с современными семьями, с патриархальными ролями мужчины и женщины? Что происходит в семьях, где ребенок был рожден от суррогатной матери или анонимного донора спермы? Влияет ли на установление инстанции закона воспитание в однополой семье?

Чем ближе мы продвигаемся от Фрейда к современности, тем больше возникает вопросов. Несмотря на то что на глубинном уровне все они взаимосвязаны, пытаясь ответить сразу на все, мы рискуем заблудиться в море теорий. Чтобы оставаться на плаву, выберем ориентиром разговор о «падении отца», о котором западные аналитики рассуждают уже не одно десятилетие. Интересно при этом, что отечественные специалисты довольно редко пользуются данным понятием; сложно сказать, с чем это связано — со спецификой социального контекста или с тем, что пока еще никто не ставил перед собой задачи применить концепт падения отца к российской действительности.

Обнаружение «падения отца»

Понятие «падения отца» передается на французском языке различными терминами: «la chute du père», «le déclin du père», «l'évaporation du père», «la dégringolade du père», «le naufrage de la figure paternelle». Все они связаны с оттенками значений «упадок», «крах», «снижение», «провал», «ослабление», «затухание», «улетучивание». Следует разобраться, о какой ипостаси отца идет речь в данном концепте. Впервые об упадке отца заговорил Ж. Лакан. В работе 1938 года «Семейные комплексы в формировании индивида» он отмечает: «Я не тот, кто скорбит о так называемом ослаблении семейных связей. <…> Но как мне представляется, за социальным упадком отцовского образа (un déclin social de l'imago paternelle)

проявится огромное количество психологических последствий» [11, с. 60].

Образ (имаго) отца — часть идентификаций, приобретаемых в процессе прохождения Эдипа. Как пишет Лакан, этот образ создает у представителей обоих полов формы Я-Идеала. Так, у мальчика формируется идеал «мужества», у девочки — «девичества». Через посредничество отцовской власти происходит открытие социальной связи, которое с помощью действующего эдипального конфликта вводит в бессознательное обещанный идеал. В XV веке, считает Лакан, имела место революция, порожденная христианством и связанная со свободой выбора брачного партнера, чьи отголоски слышны и в наши дни: в современной культуре именно брак, а не семья, становится преобладающим социальным фактом, а брачные связи с уходом религии оказываются все менее крепкими (многие социологи определяют распространенную в наше время форму брака как «серийную моногамию» — череду семей и отношений). Семья уменьшается до минимальной квазибиологической группы, способной к размножению. В супружеской семье психика ребенка формируется, с одной стороны, интроецированными образами взрослых (Я-Идеалом), а с другой — стремлением выйти за родительские ограничения.

Как отмечает Ж.-А. Миллер в «Критическом прочтении "Семейных комплексов"», в этом тексте Лакан превозносит отцовскую роль, так что даже готов приписать исчезновению отцовского персонажа в истории субъекта изменение форм отношений с объектами. Воображаемые формы необходимо переупорядочить, собрать под знаком означающего. Миллер связывает образ отца с возможностью любой сублимации, направленной к удовлетворению желания. С возникновением отцовского образа в Эдипе появляется совершенно иной тип объекта, пригодный для идентификации с идеалом, а не для получения удовлетворения в качестве объекта любви (каким должна стать материнская фигура). «Ценность его предприятия в комплексе Эдипа, — отмечает Миллер, — заключается в том, чтобы позволить нам перейти от смертоносного материнского другого, от подобия как другого, которое также несет в себе смерть, к другому сублимированному, заведующему тем, что

может заключить соглашение между субъектом и его существованием» [12, с. 49]. В данном тексте Лакана еще не хватает концептуализации Другого с большой буквы, но она уже намечается.

Как полагает Лакан, роль отцовского образа может быть схвачена через исследование фигур великих мужчин, от Корнеля до Прудона. Даже те из них, кто в XIX столетии сам занимался критикой патерналистской семьи и власти, еще не были лишены отношений с традиционным образом отца. Однако современность отмечена кризисом отцовского образа, и возможно, как отмечает Лакан, сам психоанализ не лишен связи с этим кризисом: ведь «именно в Вене, бывшей центром государства, представляющего собой "плавильный котел" самых разнообразных форм семьи (от наиболее архаичной до наиболее развитой, от последних агнатических объединений славянских крестьян и далее — через феодальный и купеческий патернализм — до наиболее редуцированных типов семейств мелкого буржуа и самых декадентских форм неустойчивого брака), сын еврейского патриархата и изобрел комплекс Эдипа» [12, с. 61]. Не случайно Фрейд, хотя и с удовольствием исполнял функции отца семейства, поощрял интеллектуальное развитие своих сестер и с большим вниманием и серьезностью относился к участию женщин (например, Лу Андреас-Саломе, С. Шпильрейн) в развитии психоанализа.

То, что находится в ядре большинства неврозов, описанных Фрейдом, Лакан предлагает рассматривать как «великий невроз нашего времени». «Опыт, — пишет Лакан, — приводит нас к тому, что мы обозначаем как главную детерминанту в индивидуальности отца: всегда так или иначе недостающего, отсутствующего, униженного, расщепленного или фальшивого. Именно эта недостаточность, согласно нашей концепции Эдипа, иссушает инстинктивный порыв, в равной степени нанося ущерб диалектике сублимаций. Зловещие крестные феи, поселившиеся в колыбели невротика, — бессилие и дух утопии — запирают его устремления, как в том случае, когда он душит в себе те творения, ожидаемые от него миром, куда он пришел, так и в случае, когда в объекте, против которого он предлагает

восстать, невротик не распознает своего собственного душевного порыва» [12, с. 61].

М. Зафиропулос в книге «От мертвого отца к упадку отца семейства. Куда идет психоанализ?» [17] критически рассматривает тезисы, выдвинутые Лаканом в конце 1930-х. Он отмечает, что в этот период Лакан мог находиться под влиянием социологии Э. Дюркгейма, который видел в распаде современной семьи мотив для роста самоубийств и потому придавал фигуре отца и патриархальным идеалам большую значимость.

В докладе «Индивидуальный миф невротика» [10] 1953 года Лакан возвращается к вопросу о падении отца, но говорит о нем совершенно иначе, через призму структурализма. Он еще раз отмечает, что миф об эдиповом комплексе имеет ценность, поскольку придает дискурсивную рамку тому, что не может быть отражено в форме абсолютной истины. Он предлагает внести в миф об Эдипе структурные модификации, а именно разделить знаменитый треугольник на четыре составляющих: фигура отца становится отныне раздвоенной, представленной символической функцией имени отца и понятием отцовского образа. При этом образ отца всякий раз оказывается «разжалованным», недостающим. В этом тексте также упоминается о свойственной современности деградации отцовской фигуры (une dégradation de la figure du père), но уже в контексте специфики построения невроза. Так, недостаточность отцовского образа становится конституциональным фактором формирования любого невроза, не связанным с определенными чертами современности.

Например, в случае невроза навязчивости Человека с крысами образ отца расщепляется на одновременно грозного (избивающего маленького сына) и кастрированного (вечно в долгах, вынужденного жениться не по любви на богатой женщине), а также дублируется образом друга, к которому можно обратиться в беде или потребовать разрешить вопрос о том, кем Человек с крысами является: великим человеком или преступником. На это же место встает в переносе сам Фрейд. Расщепление провоцирует и амбивалентность влечений: единовременное задействование либидинальных и агрессивных тенденций. Подобные отношения с нарциссическим двойником

грозят невротику навязчивости появлением идентификации смертоносного порядка. Так, эдипов комплекс следует рассматривать не столько через фигуру треугольника, сколько через фигуру квадрата: драма невротика заключена в специфической форме нарциссического удваивания и выстраивании особого типа отношений с образом отца.

Статья «Индивидуальный миф невротика» ставит важную и сложную проблему: получается, что не совсем верно в лакановском представлении понимать функцию отца как чисто символическую, которую может выполнить кто угодно, кто сместит вектор желания матери и положит запрет на ее наслаждение ребенком (другой мужчина, младший брат или сестра, материнское увлечение или работа). Точнее, символическую функцию, придание имени, и правда может совершить, кто угодно, однако прохождение Эдипа оказывается все-таки «не без отца», поскольку отношения с его образом, его ипостасью на уровне воображаемого регистра, являются не менее значимыми. Именно они будут задавать структуру идентификации с идеалом и придавать индивидуальный узор мифу каждого невротика.

Итак, размышления, сделанные Лаканом на тему нашей современности, послужили основой для множества попыток концептуализировать отцовское падение. Интересно, что попытки эти носят самый противоречивый, порой полярный характер: от полного отрицания «упадка» и нивелирования значимости изменений до катастрофизации ситуации и заявлений о конце субъекта и начале психотической эры.

Дискуссия об «упадке отцовского образа»

В уже упомянутой нами работе Зафиропулос отмечает, что полемика, развернувшаяся в начале XXI века вокруг упадка отцовского образа, сама по себе оказывается либидинально заряженной. Часть психоаналитиков принялась отстаивать отца, будто бы движимая собственным семейным романом невротиков, другая часть — отрицать проблему и предлагать альтернативные интерпретации.

Первые отмечают, что, с одной стороны, в своей личной истории каждый невротик должен пережить своеобразный крах отца после Эдипа, чтобы впоследствии занять его место во взрослом возрасте (и в свою очередь пережить еще один «крах» — уже через передачу позиций собственному ребенку). С другой стороны, на протяжении истории роль отцовского образа в обществе действительно была довольно велика, особенно в патриархальной системе координат. Отцы возводились в культ, их почитали за образец, на них было принято равняться. Упадок отцовского образа означает, что в наше время отец больше не может служить той опорой, на которую ориентируется ребенок, отвечая на вопрос о том, как правильно жить.

В эпоху Новейшего времени каждому новому поколению приходится искать собственные идеалы и решения проблемы жизни и смерти, а на индивидуальном уровне многим субъектам не хватает препозиций для идентификации. Ослабление отца связывается некоторыми аналитиками с такими страданиями нашего времени, как анорексия и селфхарм, насильственные и ненасильственные самоубийства, меланхолия, наркомания, всевозможные узаконенные перверсии и т. д.

«Возникает вопрос о том, что происходит с отцовской функцией в наши дни, — пишет Д. Ольвут. — Уже в 1938 году Лакан говорит об упадке отцовского imago, которое продолжает ослабляться стремительными темпами. Фигура отца деградирует, и это находит свое отражение в учении Лакана — появляется теория всеобщего бреда, бреда для всех. "Все бредят" означает, что Эдип оказывается всего лишь одной из возможных форм бреда» [6, с. 82]. Так, на место отсутствующего отца приходит симптом как метафора, как ответ на вопрос, что я делаю в этом мире. В таком случае психоанализ становится одним из способов воссоздать уникальную фигуру отца в воображаемом и символическом аспектах, на которую можно было бы опереться в своей психической жизни.

Психоаналитик Ж. Кароз в статье «Невроз без отца?» [9] выделяет следующие типы современных отцов как следствие падения его образа:

1. *Демократичный отец* — нерелигиозный, располагающий, феминистично настроенный, заботливый. Это интересный тип отца, который тем не менее таит опасность размывания различий в семейной системе и даже сам может начать претендовать на то, чтобы занять место матери в ситуации наслаждения ребенком как объектом.

2. *Означивающий отец* — тот, который считает, что достаточно символической отцовской функции, что его реальное присутствие между ребенком и матерью не является необходимым. Этот отец мыслит свою функцию исключительно как передачу закона, которому не обязательно при этом служить примером и образцом.

3. *Старомодный отец* — тот, кто верит в возможное возвращение к монотеистическому отцу. По его мнению, мы переживаем трудные времена, и все наладится, как только мы немного придем в себя, чтобы восстановить былой отцовский авторитет. Это отец в свете своего бессилия. Такой отец отравляет все вокруг, поскольку представляет собой попытку воображаемой реинкарнации отца, не имеющего больше той символической основы, которая была у него когда-то. Отец, равняющийся только на религию, был естественным патогенным фактором для XIX столетия. Начиная с XX века, подобный отец становится сильно токсичным, если порой не оказывается в роли шута, которого хочется высмеять.

4. *Отец как плохой толкователь желания матери*. Будучи «на короткой ноге» с ребенком, он дискредитирует это желание, не дает желанию матери обрести какой-то иной фокус, нежели направленный на ребенка как на единственный объект.

5. *Отец как плохой толкователь женского наслаждения* (отец Гамлета), который не показывает, как сделать женщину причиной своего желания. Хуже того, он оскорбляет женское наслаждение.

6. *Отец, который не занимается вмешательством наслаждения окружающего мира в семейную ячейку*, не ограждает, не указывает свою четкую позицию по отношению к интернету, порнографии и т. д. Отец, который отдает свою семью во власть течения бесконечных и противоречивых

информационных потоков, не привносит понятия границы и ориентира, не дает ощущения защиты от наслаждения Другого.

7. *Разбушевавшийся отец* — тот, кто бесстыдно пользуется языком, кто оставляет неизгладимые раны у членов своей семьи, кто говорит без цели, без разбора и необдуманно, обо всем и ни о чем, кто не ставит завесы перед собственными наслаждениями и малодушием.

Данную классификацию можно было бы продолжить. По мнению Кароза, ни один из этих типов не оказывает того успокаивающего и обнадеживающего воздействия, как делал в былые времена «добрый отец семейства». Интересно при этом, что в современных психоаналитических текстах речь вовсе не идет о том, что нужно срочно восстановить утраченный авторитет отца на глобальном уровне. Это, разумеется, невозможно в силу различных причин: от политических и социальных до культуральных и религиозно-философских. К тому же, когда авторитет отца еще присутствовал, то в обществе, как и в семье, существовало немало иных проблем, которые также приводили к образованию неврозов. Речь идет о том, чтобы эти изменения осмыслить и работать с ними в клинике.

От отца к сыновьям

Несколько иную позицию занимают М. Зафиропулос, Ж. Помье, Ж. Седа. Они смещают разговор с вопроса об отце как функции в судьбе невротика к вопросу об отце орды из «Тотема и табу», а также к следствиям его мифического убийства для культуры в целом.

В статье «Упадок отцовского образа» Ж. Седа отмечает, что становление субъекта не может избежать вопроса экономики упадка и инвестиций в образ отца. Само падение может происходить «на трех уровнях, имеющих различное значение для субъекта:

1) уровень, связанный с ролью реального отца в развитии каждого ребенка: только выходя из-под его влияния, ребенок сможет занять свое собственное место;

2) уровень, затрагивающий культурное и религиозное измерение, с осуществлением разрыва с мифическим всемогущим

отцом, Urvater (прародителем), которого Фрейд подробно рассматривает в "Тотеме и табу";

3) формирование субъекта также неизбежно проходит через ослабление фигуры большого Другого, от которого каждый должен избавиться, чтобы стать субъектом, того большого Другого, являющегося матрицей наших интрапсихических конструкций. В этой архаичной, интрапсихической фигуре большого Другого, предшествующей всякой идентификации на сцене реальности, разыгрывается, по Фрейду, недифференцированность между собой и другим, то есть ужас перед любой сепарацией как фактором индивидуации» [16, с. 186].

Идентификацию Седа понимает как череду постоянных разотождествлений с другими: отцом, матерью и прочими важными фигурами нашего детства. Чтобы войти в собственную историю, необходимо идти вместе с отцом, против него или рядом с ним, но он обязательно должен быть отдельной фигурой, оставившей при этом след в психическом. Психика субъекта должна встретиться с пустотой, нехваткой, из которой впоследствии он сможет изобрести собственное место.

Подчинение власти, отцу или иной символической фигуре является проблемой культуры и социума, начиная с античности. В традиционных обществах отец часто брал на себя роль жреца, то есть посредника между живыми членами семьи и умершими, он являлся носителем функции на службе у мертвых. Такое нередко случалось в истории, когда тот или иной человек воплощал как самого себя, так и еще какую-либо функцию (например, царь считался наместником бога). Психоаналитик также, работая с субъектом, одновременно выполняет несколько функций, в частности, может стать воплощением какой-либо значимой для анализанта фигуры, то есть он по умолчанию соглашается быть репрезентантом кого-то другого, кто составляет часть сингулярной истории субъекта.

Возвращаясь к «Тотему и табу», отметим, что миф об отце орды имеет не столько культурное, сколько внутрипсихическое измерение. Закон, установившийся после первобытного отцеубийства, должен был осуществить акт успокоения. «Социальные правила, — отмечает Зафиропулос, — действительно выводятся из убийства отца, и именно первоначальная

ненависть к отцу, обращенная законами угрызений совести в преданную любовь, закладывает фундамент силы божественной идеализации, от которой невротик ожидает гармонизации наконец-то умиротворенного мира» [18, с. 162]. Однако постепенно нечто странное начало происходить с самой системой закона, что выявило его внутреннюю противоречивость и неустойчивость.

Как показала история, можно многое оправдать именем мертвого отца, чтобы поддержать его кажимость и состоятельность. Ж. Помье отмечает, что идеалы мертвого отца неоднократно объединяли под своими флагами толпы людей, не только в примере со «священными» войнами, но и в том случае, когда ориентиры были вполне светскими: «маленькие отцы народов», от Наполеона до Сталина, демонстрировали завидное постоянство отцовского самозванства. И в наше время сильны консервативные тенденции; иногда создается впечатление, что чем ниже авторитет отца в психике субъекта, тем больше раздувается образ его земных заместителей: правителей, религиозных лидеров, известных ученых и т. д. (чем не стесняются пользоваться многие не особо щепетильные к закону индивидуумы). Помье отмечает, что мы далеки от того времени, «в котором мог бы господствовать человек Просвещения, человек науки, хозяин своей судьбы», не нуждающийся ни в каких авторитетах, как, впрочем, и от того, чтобы балом правили «подростки, не знающие никакого бога, страдающие новыми формами патологий в наказание за свою дерзость» [13, с. 158].

Помье иначе, чем Зафиропулос, трактует проявление влечений в мифе об отцеубийстве. По его мнению, чувство вины у сыновей не могло бы возникнуть, не будь у них первоначальной гомосексуальной эдипальной страсти к отцу орды. Если бы предварительно они не любили объект убийства, не появилось бы и ненависти по отношению к нему, которая часто является следствием любви. Именно страсть, зараженная ужасающим их самих инцестуозным желанием, толкнула сыновей на убийство: «Повсеместно случается, когда дети испытывают инцестуозное желание к своему отцу, коррелирующее с фантазией соблазнения как у девочек, так и у мальчиков. Но поскольку этот грезящийся инцест может их убить, они предпочитают фантази-

ровать об отцеубийстве, соразмерном их собственному желанию: это время, когда Танатос удваивает Эрос» [14, с. 59—60]. После всего этого ненависть и жесткость была направлена на собственных сыновей — чтобы они сами никогда не посмели совершить подобного, — а к отцу в результате вытеснения сохранились только нежные почтительные чувства, впрочем, довольно сильные.

Идея, выдвигаемая Помье, довольно радикальна: он утверждает, что в современности с отцовским образом не происходит ничего особенного, что тот начал свое «падение» на заре времен, как раз в эпоху мифа об убийстве отца орды, и с тех пор не прекращал угасать. Так, например, именно убийство и оскопление Хроноса зачинает историческое время человеческой цивилизации. Падение отца подстегнуло прогресс и своеобразное развитие демократии: отныне все общественные вопросы решались договором братства сыновей.

Еще одним следствием убийства праотца стала тенденция ко все большему его одухотворению: сначала он представлял собой тотем, но был при этом излишне «живым», материальным. Когда идолы были уничтожены, началось наступление поли-, а затем и монотеизма, утверждающего бога, не имеющего даже имени и образа. В дальнейшем отец все более одухотворялся, так что в итоге растворился в атеизме науки, которая установила всеобщую причинность и абсолютную истину знания. В наше время даже те, «чьи повседневные привычки продлевают идентификационную религиозность, живут в своего рода практическом атеизме: как только они принимают таблетку аспирина, причинность зла перестает быть божественной» [14, с. 60].

И все это время мы могли наблюдать случаи ослабления отца: так, в Гефсиманском саду Христос уже упрекал отца за то, что тот его покинул. Жанна д'Арк жаловалась на слабость короля, чью веру превосходила даже вера бедной провинциальной женщины. На протяжении всей истории отцы нередко исчезали и оставляли детей без внимания: отправлялись в походы и на войны, продолжавшиеся годами; в голодные годы уходили на заработки; совершали рискованные путешествия;

умирали от болезней и эпидемий; садились в тюрьмы или приговаривались к смертной казни.

Таким образом, делает вывод Помье, отец семейства в нашу эпоху отсутствует не больше, чем в прежние времена. Однако то, что действительно происходит, это не столько упадок отцовского образа, сколько упадок господства сыновей, принимающих себя за отцов, или, иными словами, падение самого патриархата. Веками он царил на Земле во имя отождествления мужчин с мертвым отцом. Судьба, предвещающая, что каждый отец обречен на смерть, свержение и кастрацию, сделала мужчин жестокими по отношению к собственным сыновьям, в которых они видели противников, а также сформировала особое отношение к женщинам. Упадок патриархата не означает по умолчанию крах закона или всеобщей первертизации, он всего лишь демонстрирует психическую истину субъекта о том, что во взрослой жизни отца не существует.

Интересно, как при этом меняет форму отношение к женщинам. Как отмечает Помье, первоначально женщины были отвергнуты из страха кастрации: «Одним камнем — два удара: отец был отправлен на небеса, а женское отвергнуто, поскольку причиной отцеубийства является страх кастрации (феминизации). Чувство вины по отношению к первому порождало просьбу о прощении, в то время как второе вызывало желание... но греховное желание! Эта близость вины и желания сделала женщину воплощением греха. Если бы не вытеснение, клятва отцеубийства должна была бы предстать первоначальным злом. Но так как его причиной был страх феминизации, то удар был открыто обращен против женщины. Амбивалентность в отношении женского била наперекор той же амбивалентности в отношении отца. Пока чувство вины перед ним оставалось наиболее сильным, женское было подавлено. И по мере того как религиозная вера истончалась, женское поднимало голову» [14, с. 64].

Развитие науки также расшатывало сыновье господство: если, как выяснилось, на небе нет никаких богов, то как мужчины могут продолжать повелевать женщинами в наказание за судьбу, которой сами они якобы избежали? Так вопрос об упадке отца оборачивается исследованием функции матери:

в конце концов, именно женское желание приводит к открытию влечения к познанию, вкушению запретного плода с Древа познания добра и зла. Радикальной реакцией на такие изменения являются всевозможные фундаменталистские движения, актуальные в наши дни: они пытаются вернуть отцу божественный статус Абсолюта, не желая столкнуться с вытесняемой ими собственной феминностью. Среди общих черт фундаментализма Помье называет обращение к единственной Книге, ненависть к науке и женскому, а также «поистине наивное обличение наслаждения, как будто в нашей долине слез следовало бы только страдать» [14, с. 65].

Итак, некоторые психоаналитики в вопросах упадка предлагают сместить фокус внимания с отца на сыновей. Как выясняется, падение отца, вызвавшее все большее его одухотворение, началось давно и было вполне закономерным. Само убийство отца орды несло в себе зерно будущего абсолютного краха, когда обнаружится непристойная изнанка сыновьей клятвы, скрывающей под собой инцестуозные стремления и страх кастрации. Следовательно, «упадок отцовского образа» затрагивает не только воображаемое, но и символическое, поскольку отсылает к несостоятельности инстанции закона.

Образ и закон: пересечение в фантазме

В книге «Будущее отца. Как изменится его место в семье и обществе?» Ж.-П. Винтер ставит множество вопросов о возможности быть отцом в наше время. Он также отстаивает идею, что «чисто символической» функции имени отца недостаточно, необходимо участие отцовского образа и желания по отношению к ребенку. Винтер пишет, что архаический отец орды сохраняет свое место в психике под видом фантазма, а фантазм являет собой сплетение символического и воображаемого регистров, следовательно, для его образования имени не достаточно. Фантазм об отцеубийстве организует инстанцию Сверх-Я, репрезентант «воли отца» в бессознательном, а она, в свою очередь, наделяет субъекта правами и обязанностями, которые ограничивают его наслаждение. Таким образом, история с отцеубийством разделяет понятия воли и желания:

отныне субъект умеет различать собственную волю, мощь своего желания и общий закон.

Как отмечает Винтер, «единственная универсальность закона состоит в самом факте его существования: все народы без исключения имеют свои законы, и все люди живут с ощущением, хотят они того или нет, что у них есть определенные обязательства. То же самое выражает фрейдовское понятие Сверх-Я. Содержимое обязательств зависит от той или иной принадлежности людей и от их личной истории, но этому закону подчиняются все. Согласны мы или нет, мы должны ему следовать» [2, с. 114]. Итак, речь об упадке отцовского образа тесно связывается с законом, основанном на первобытном убийстве. А само «падение отца» начинает соотноситься не только с воображаемым регистром, но и символическим, и все чаще звучит понятие «крушение отцовской фигуры» как таковой.

Мир без отца становится сообществом братьев, которые не могут определиться, какое место они занимают в семейной иерархии. Истории братьев, как правило, связаны либо с понятием ревности и соперничества (Каин и Авель, Этеокл и Полиник), либо с неистовством нарциссической идентификации, когда вокруг оказываются только маленькие другие, похожие друг на друга. В изолированном обществе братьев все «одинаковые» и способны только любить или ненавидеть друг друга. При отсутствии отца, вводящего принцип иерархии, теряется возможность видеть различия. Отсюда тенденция нашей эпохи к поискам коллективных идентичностей («братские» организации преступников, экстремистов и т. д.). И кто-то рано или поздно начнет стремиться занять место отца орды, которому якобы подвластно любое наслаждение. Возможен и другой вариант: соревнование братьев за то, чей образ отца лучше (как это часто происходит в религиозных системах).

Винтер пишет, что если символическая идентификация с отцом не удалась, то на ее место придет идентификация имажинарного типа, гораздо более тоталитарно настроенная по отношению к субъекту. Символическая идентификация всегда частична, так как проходит по черте, и обращаться с ней можно различным образом, будь то принятие или отрицание:

«присутствуя, как тень, среди идеалов личности, эта идентификация оставляет место для внутренней работы психического, которая необходима для выработки неповторимости каждого человека» [2, с. 137]. Имажинарная идентификация «затапливает» субъекта целиком и дает ему не так много возможностей вырваться и отстраниться.

Закон, который еще недавно мыслился как оплот символического, якобы лишенного телесного статуса, вдруг открыл свою обратную сторону, где прослеживается связь с энергией влечений и наслаждением. Это неудивительно, так как закон был «запятнан» наслаждением еще в тот момент, когда положил конец материнскому капризу и тотальному устремлению, направленному на ребенка. Х. Алеман в книге «Об освобождении. Психоанализ и политика» пишет: «Закон не есть то, чем он пытается казаться — инстанция супер-эго, категорический императив или наследник эдипова комплекса; с каким бы символическим благородством он ни представлял себя, неустранима его структурная связь с влечением к смерти» [1, с. 209]. Алеман отмечает своеобразный крах символической фикции Новейшей эпохи.

Можно сделать вывод, что раньше эта фикция маскировалась сцеплением с отцовским образом (будь то отец семейства или божественный отец), и потому какое-то время подобная конструкция могла держать на себе общественные отношения, однако как только воображаемая часть с упадком патриархата дала трещины, обнажились проблемы и с символическим, которое оказалось не без связи с влечениями. Интересно, что нечто похожее часто происходит и на индивидуальном уровне (при развязывании невроза или психоза): субъект обнаруживает угрозу борромеева узла распасться и изобретает симптом, чтобы его поддержать.

По мнению Алемана, ослабление закона парадоксальным образом ведет не к ослаблению, а к усилению Сверх-Я, которое становится избыточным. «Так называемое отвержение Отца, в которое мы можем включить и крах институциональной программы, полностью совместимо с призывом супер-эго наслаждаться» [1, с. 212], — пишет Алеман. Чем больше различные институции (политические, социальные, бюрократи-

ческие) теряют свою легитимность, тем больше они увеличивают свою власть. В обществе субъект реализует конституциональные особенности своего бессознательного, в том числе мазохистическое стремление к мрачному удовлетворению Сверх-Я, потребность в наказании за долг и вину. Проблема заключается в самом свойстве Закона выдвигать требования, превышающие способность субъекта повиноваться. Такова непристойная изнанка Закона, и условием политики, по мысли Алемана, всегда была возможность обнаружить в нем брешь.

Вопрос о наслаждении и законе затрагивается в статье «А-сексуальное насилие» А. Зупанчич. Исследовательница отмечает, что культурные, цивилизационные конфигурации и требования «не могут быть сведены к символическим правилам, запретам и ограничениям, но также включают в себя и производят новые формы и даже предписания наслаждения (аспект "предписаний" был добавлен Лаканом). Для Фрейда это по сути означало, что, имея дело с влечениями и регулируя их, культура сама отчасти принимает жизнь влечений и их логику, так что их уже нельзя просто противопоставлять, они работают в своеобразном и порой разрушительном соучастии» [3, с. 52]. Таким образом, бреши, помехи и сбои в функционировании социальной системы, прописанной законом, на самом деле являются составной частью самой системы, указывающей на феномен встречи с нередуцируемым наслаждением.

В работе, посвященной характеристике психоза в нишидни, Д. Ольвут пишет, что «для Фрейда культура опирается на трагедию Эдипа, эта трагедия является чем-то вроде аппарата, призванного регулировать наслаждение. В координатах Эдипа горизонт дискурса определен запретом. Однако в истории наступает такой момент, когда отцовство оказывается лишь фикцией. Отмечу, что это и есть условие возникновения психоанализа как такового. Сам факт того, что отцовская функция затронута в эту эпоху, позволяет Фрейду сделать его открытие — психоанализ. <…> В контексте пошатнувшейся отцовской функции, Фрейд находит в психозе продуктивный дискурс, способный обойтись без веры в отца. Современная эпоха такова, что мы переходим от веры в отца к вере в симптом» [6, с. 83]. Итак, речь идет уже не только об образе,

но и о функции. Симптоматическое решение, сингулярное в каждом конкретном случае, может стать ответом на феномен ослабления отца — будь то в поле воображаемого или символического (или, точнее, в моменте пересечения этих регистров, где рождается смысл).

Ориентиры нашего времени

Какие выходы видятся психоаналитикам из сложившейся ситуации? Один из них показывает М. Рекалькати в статье «Наследование и передача желания». Он анализирует фильмы К. Иствуда «Малышка на миллион» и «Гран Торино» через призму теории упадка отца и приходит к выводу, что в этих фильмах показан один из вариантов поддержания отца через серию личных встреч и изобретений. Если «семейная» связь не работает, если кровное родство, которое становится все более банальным в свете науки и теряет свой таинственный аспект, все меньше значит для субъектов нашего времени, это еще не значит, что они не могут выстраивать связи иным способом.

В эпоху «испарения» как воображаемых, так и символических аспектов отца его желание сохраняется и по-прежнему остается важным. «Мы особо настаиваем на следующем, — пишет Рекалькати, — то, что осталось от отца во времена упадка его символической функции, это возможность свидетельства, воплощенного в том, что в этике означает жить своим желанием как долгом» [15, с. 51]. В фильмах Иствуда часто повествуется история, когда кровные, генеалогические узы оказываются неудачными. Главный герой «Малышки на миллион» и «Гран Торино», которого играет сам Иствуд, это отец, чьи отношения с собственными детьми не задались: они колеблются между отсутствием связей и циничным конформизмом. В «Малышке на миллион» Фрэнки посылает своей дочери кучу писем, которые возвращаются непрочитанными — признак прерванной связи, где желание одного не находит никакого признания в желании Другого. В «Гран Торино» после смерти жены главного героя их дети, которые собираются на поминки, интересуются исключительно наследством, не стесняясь делить его при живом еще отце.

Однако Иствуд, как полагает Рекалькати, вовсе не намерен очернить семейную связь, совсем наоборот. Но чтобы выявить ценность этой связи, ее необходимо отцепить от любого биологического или религиозного залога. Семейная связь теряется, чтобы быть восстановленной на ином уровне: это показывает, что за передачей семейной линии стоит нечто иное, чем просто физиология. Наследство не наследуется «само собой»; чтобы его передать, необходимо создание иной общности, чем генетическое родство, — общности желания.

В «Малышке на миллион» Фрэнки словно удочеряет Мэгги, отвечая на ее желание стать профессиональным боксером, а также на ее выбор его в качестве тренера. Он признает ее право быть исключительной: тренироваться в зале, где занимаются только мужчины. Принцип: «Я не тренирую девчонок!» должен быть пересмотрен под напором ее желания. Акт отцовства возникает здесь как личное принятие, как нарушение всеобщего порядка нормативной морали, традиционного разделения полов. Со стороны Мэгги желание возникает не на уровне каприза, а на стороне долга, той самой воли отца, которой она следует.

В фильме «Гран Торино» также поднимается вопрос о передаче и поддержании желания. Для Тао, беженца из семьи хмонгов, встреча с пожилым соседом Уолтом, ветераном Корейской войны, который ненавидит «узкоглазых», становится непростым испытанием. Интересно, что, как отмечает Рекалькати, Уолт вовсе не собирается воплощать собой идеальную модель для идентификации (он напрямую говорит, что не хочет быть образцом для подражания), однако «способен воплощать закон, поддерживающий желание, способен свидетельствовать о том, что возможно затянуть узел, удерживающий вместе желание и закон» [15, с. 56]. До знакомства с Уолтом Тао не мог найти себе место в этой стране и городе: первоначально кажется, что у него нет иного пути, чем вступить в преступную («братскую») банду кузена, который предлагает свой взгляд на отношения с законом. Однако Тао колеблется и не понимает, в каком направлении ему идти. Более того, он представляет единственного мужчину в доме, полном родственниц женского пола, и не может ухватить ту идентификационную черту, которая легитимировала бы его место мужчины.

Обряд инициации, предложенный уличной бандой, — наплевать на закон, который все равно имеет кучу прорех и плохо работает, и украсть у соседа автомобиль Гран Торино. Иной обряд, предлагаемый Уолтом, опирается на американские ценности уходящей эпохи: усердную работу, жертвоприношение через труд (в гегелевском смысле Arbeit как удерживания «аппетита в узде», то есть принятия необходимости сублимации для получения удовольствия в противовес ничем не сдерживаемому наслаждению). Уолт открывает Тао возможность символической идентификации, вписанной в культуру: он уводит его с улицы, рассказывает о ценности работы, поощряет начать ухаживания за девушкой. Отцовская функция приобретает здесь вид дара, передачи желания, которое получает встречное признание. Оказалось, что есть способ стать мужчиной, не поддаваясь мачистской перекройке, сохранив при этом уважение к старшим и женщинам, любовь к работе в саду, без необходимости вступать в отношения подавления.

Уолт — не идеальный отец и не тот, кто способен вызвать уважение через страх, у него множество собственных проблем и сожалений. Однако этика отцовства, подчеркивает Рекалькати, это отнюдь не только этика «хорошего примера» (который, оставаясь исключительно в воображаемом регистре, мог бы рассыпаться в прах от любого дуновения ветерка сомнения). Напротив, наиболее ценное свидетельство, которое отец обязан дать в эпоху своего «испарения», следующее: единственный, кто имеет значение, это тот, «кто способен абстрагироваться от идеала, кто не вещает о том, что есть истинная праведная жизнь» [15, с. 57]. Когда Уолт впервые спасает Тао от банды, он делает это просто потому, что защищает свой газон, свою собственность. Однако он опирается на закон, на свою веру в закон, и потому в конце фильма решает сделать всех свидетелями непристойного разгула наслаждения, циркулирующего в банде. Он приносит в жертву свою жизнь, которая вот-вот должна угаснуть из-за болезни, чтобы восстановить справедливость. Рекалькати называет это отречением от наслаждения жизнью во имя восстановления порядка вещей, во имя нового прочерчивания символической границы, ранее казавшейся затертой.

Интересно, что персонажи Иствуда в обоих фильмах по характеру скорее напоминают типичных «белых мужчин среднего класса», которые, казалось бы, автоматически должны выступать за патриархальный порядок и поддерживать националистические идеи. Однако они задаются вопросами, на которые религия в лице священников не способна найти ответ. И в обоих случаях герои делают неожиданное исключение, как только сталкиваются со «случаем», с субъектом, который затрагивает их лично и ломает все догматические стереотипы и предзаданные способы видения мира.

Итак, отец нашего времени — не идеал и не отец семейства, пытающийся тщетно удержать зажатые в кулаке поводья патриархального управления кровными узами, но тот, кто способен поддерживать свое желание, не давая волю «мерзавцам», пользующимся прорехами в структуре закона, чтобы удовлетворять собственное наслаждение. Он не преследует цели спасения мира или человечества, довольствуясь локальными актами, и никак не соотносится с фигурой идеализированного супергероя, на появление которого уповают массы. Однако, как отмечает Рекалькати, во времена испарения или перестройки отцовской функции ценность свидетельства не только не убывает, но и напротив, становится более существенной и решающей. Желание по-прежнему требует опоры на закон, пусть тот больше и не соответствует статусу религиозного Абсолюта. Наследование отныне может происходить в логике дарения, однако требует больших ресурсов для личного изобретения, поскольку не обеспечивается семейным и общественным порядком, но размещается в акте признания исключения и придает ценность случаю.

В заключение

Как Фрейд, так и Лакан отмечали, что человек придумал всемогущего Бога из-за открытия недостаточности, несостоятельности реальных отцов. Однако отец и не должен быть всемогущим, у него совершенно иная задача. Как отмечает Винтер, отец, напротив, защищает нас от встречи с всемогуществом (Бога, материнского Другого). Поддерживая в сыне

почтительный страх перед Богом, отец помещает свою волю между ребенком и Всевышним, показывая, что и сын с возрастом будет способен все это выдержать. Отец «принимает на себя и смягчает для своего ребенка жесткость и негибкость общественной морали» [2, с. 138]. Воля отца и его способность к поддержанию желания становятся буфером, создающим для ребенка более приемлемый человеческий порядок.

Вопрос о «падении отца» — в центре психоаналитических размышлений начала XXI века и еще далек от окончательного ответа или решения. Прохождение Эдипа продолжает играть важнейшую роль в становлении психики субъекта, но делает это уже каким-то иным образом. Но как учение Фрейда или Лакана никогда не стояло на месте, так и психоанализ нашего времени, подчас в формате диалога, где рождается истина, а подчас и под видом фундаменталистской религиозной войны, пытается нащупать понимание того, что происходит с субъектом и образующей его культурой.

И как видится, пока индивидуальная практика еще не потеряла своих этических оснований, есть вероятность прийти к новым формам концептуализации, не теряя из виду клинический аспект.

Библиографический список:

1. Алеман Х. Об освобождении. Психоанализ и политика. — М.: Горизонталь, 2019. — 224 с.
2. Винтер Ж.-П. Будущее отца. Как изменится его место в семье и обществе? — М.: Когито-Центр, 2021. — 179 с.
3. Зупанчич А. А-сексуальное насилие // Лаканалия. — 2020. — № 33. — С. 36—59.
4. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)). — М.: Гнозис; Логос, 2002. — 608 с.
5. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М.: Высшая школа, 1996. — 623 с.
6. Ольвут Д. Психотический субъект: поделки и изобретения // Международный психоаналитический журнал. — 2013. — № 3. — С. 81—89.

7. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 7. Три очерка по теории сексуальности. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2017. — 219 с.
8. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии. — М.: ООО «Фирма СТД», 2007. — С. 287—444.
9. Caroz G. Névrose sans père? // Quarto. 2016. № 114. P. 84—89.
10. Lacan J. Le mythe individuel du névrosé // Ornicar? — 1979. — № 17/18. — P. 289—307.
11. Lacan J. Les complexes familiaux dans la formation de l'individu // Lacan J. Autres écrits. — Paris: Seuil, 2001. — P. 23—84.
12. Miller J.-A. Lecture critique des «complexes familiaux» de Jacques Lacan // La Cause freudienne. — 2005. — № 2 (60). — P. 31—51.
13. Pommier G. Apocalypse Now! Remarques à partir du livre de Markos Zafiropoulos // La clinique lacanienne. — 2014. — № 1 (25). — P. 157—174.
14. Pommier G. La «chute du père» est-elle le moteur de l'histoire? // Figures de la psychanalyse. — 2015. — № 2 (30). — P. 59—66.
15. Recalcati M. Héritage et transmission du désir // Psychanalyse. — 2011. — № 3 (22). — P. 51—58.
16. Sédat J. Le déclin de l'image du père // Figures de la psychanalyse. — 2016. — № 1 (31). — P. 185—200.
17. Zafiropoulos M. Du père mort au déclin du père de famille. Où va la psychanalyse? — Paris: Puf, 2014. — 240 p.
18. Zafiropoulos M. Le déclin du père // Topique. — 2003. — № 3 (84). — P. 161—171.

THE PHENOMENON OF «THE FALL OF THE FATHER» IN PSYCHOANALYTIC READING

Berkutova Veronika Valer'evna
psychoanalyst, senior lecturer at the department
of theory of the psychoanalysis
of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article analyzes the concept of «the fall of the father», which is discussed in psychoanalytic texts of the second half of the XX — of the beginning of the XXI century. The author traces the origins of the concept; gives its definition related to the instance of the Ideal of Ego and the functioning of the symbolic law; introduces it to the historical and clinical context. The text also discusses the possibilities of the practice of psychoanalysis and the formation of the subject in the era of the decline of the father's image.

Keywords: psychoanalysis, the Oedipus complex, the decline of the father, patriarchy, the Ideal of Ego, the contemporary subject

Раздел 1. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

1.1. АУТИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА КАК СЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАННЕЙ ТРАВМЫ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА РАБОТЫ С АУТИСТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ

Гурина Елена Сергеевна
старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «НГПУ»,
педагог-психолог ДОЧУ «Созвездия»,
г. Новосибирск

Аннотация. В статье представлены психоаналитические взгляды на феномен аутистического субъекта в рамках дискурса Ж. Лакана, Ф. Дольто, М. Кляйн, Б. Беттельхейма. Под аутистическим субъектом понимается субъект, отказавшийся от вхождения в порядок Другого и характеризующийся нарушением функции символизации. В статье представлены примеры клинической работы с детьми, характеризующимися аутистическими чертами.

Ключевые слова: психоанализ, аутизм, аутистический субъект, символизация, психическая травма

Феномен аутизма до сих пор является предметом жарких дискуссий среди специалистов медицинских и психологических направлений. Периодически возникающие исследования, претендующие на разгадку данного феномена (например, открытие гена аутизма), со временем демонстрируют свою несостоятельность.

Начиная с 1911 года, когда Э. Блейлер впервые употребляет термин «аутизм» для описания симптома шизофрении у взрослых пациентов, и до сегодняшних дней не существует единого представления о сущности данного психического феномена, его характеристиках и этиологии. Несмотря

на отсутствие однозначных выводов об аутизме, более чем столетняя история его изучения позволяет нам все ближе и ближе подходить к его «ядру», расширяя представления о клинических проявлениях аутизма, его феноменологии, возможностях диагностики и терапии. На сегодняшний день существует различные описания аутистических синдромов у детей. Так, В. Е. Каган выделяет пять форм аутистических синдромов: аутизм при шизофрении, аутизм при шизоидной психопатии, детский аутизм, органический аутизм, парааутические состояния. Научно-исследовательский центр психического здоровья в 1989 году предложил следующую клиническую классификацию раннего детского аутизма: синдром раннего инфантильного аутизма Каннера (классический вариант РДА), аутистическая психопатия Аспергера, эндогенный, постприступный (вследствие приступов шизофрении) аутизм, резидуально-органический вариант аутизма, аутизм при хромосомных аберрациях, аутизм при синдроме Ретта, аутизм неясного генеза. Многочисленные исследования этой области позволяют говорить о различных факторах возникновения аутизма, среди которых многие авторы выделяют генетический. Однако создание приблизительно цельной теории аутизма является крайне трудно задачей, что связано с многообразием аутистических проявлений, широким спектром речевых и когнитивных нарушений, дискуссионностью этиологии аутизма [8].

Необходимо отметить, что изучение аутизма с самого начала сопровождалось идеологическим расколом. В 1943 году Л. Каннер впервые описывает синдром раннего детского аутизма, в основе причин которого он выделяет врожденное психическое расстройство и определенный набор родительских черт, среди которых педантизм, отстраненность, интеллектуальная «враждебность», ригидность. По сути, Л. Каннер заявил, что аутистические проявления являются своеобразной формой защиты ребенка от «холодной матери». Такое предположение вызвало большое количество критики, и в дальнейшем сам Л. Каннер отказался от него, однако отголоски теории «холодной матери» существуют и в настоящий момент [8].

На сегодняшний день широко представлены различные подходы к работе с людьми, демонстрирующими аутистические

черты, однако наблюдается серьезный пробел в освещении именно психоаналитического подхода. Целью данной статьи является освещение клинических примеров работы с аутистическими проявлениями у детей разной степени в рамках психоанализа. Данная статья адресована специалистам, уже имеющим некоторое представление о развитии психоаналитических взглядов на развитие ребенка, поскольку без владения понятийным аппаратом, без понимания того дискурса, в рамках которого представлен пример, иллюстрация клинической зарисовки может выглядеть вульгарной.

В начале 50-х гг. XX века Б. Беттельхейм совместно с рядом других ученых сосредоточивает усилия на изучении вопроса детского аутизма. Методы, применяемые в специальном учреждении под руководством Б. Беттельхейма, где находились дети, обладающие аутистическими чертами разной степени, отличались от традиционных психиатрических методов того времени. Одно из главных отличий состояло в том, чтобы не практиковать по отношению к психотическим детям каких-либо насильственных методов, а рассматривать их симптоматику как некий способ ребенка справляться с внутренним напряжением, контролировать его.

Б. Беттельхейм анализирует ранние отношения в диаде мать-ребенок, подчеркивая огромное значение той активности младенца, которая позволительна ему в контексте этих отношений. Он отмечает, что активность младенец может проявлять в контексте самых ранних отношений, например, в отношениях с грудью. Б. Беттельхейм описывает разнообразные вариации грудного вскармливания, в одних из которых ребенок остается активным, в других — подчинен желанию матери накормить его определенным образом.

Б. Беттельхейм, имевший травмирующий опыт концлагеря и исследующий психические процессы, характерные для узников концлагерей, находит множество переплетений узника и ребенка-аутиста (пассивность, состояние безнадежности и другое). Автор подчеркивает, что аутистическое стремление к единообразию, постоянству окружающих предметов, объектов проистекает из присущего им ощущения беспомощности, невозможности повлиять на мир вокруг себя. Иначе говоря,

автор считает, что для данной категории детей характерно переживание тотальной безнадежности, отсутствие надежды на изменения в лучшую сторону. Детский аутизм, по мнению Б. Беттельхейма, — это «состояние психики, которое развивается в ответ на пребывание в экстремальной ситуации безо всякой надежды на спасение» [1, с. 72]. Анализируя то, что можно расценивать в качестве экстремальной ситуации в раннем возрасте, автор подвергает критике концепции об «отвергающей матери». Б. Беттельхейм подчеркивает, что патология матери или ее индивидуальные особенности, конечно, могут накладывать свой отпечаток на личность ребенка, но решающая роль в этиологии аутизма заключается не в установке матери, а в том, что в сознании ребенка она представлена в качестве угрожающего, преследующего объекта, от которого ему необходимо защититься. Толчком к хроническому заболеванию автор считает реакцию матери, когда та «в ответ тоже отталкивает ребенка или отворачивается от него» [1, с. 73]. Исследования и практическая работа с детьми аутистического склада, описанные Б. Беттельхеймом, во многом послужили толчком к дальнейшему изучению данного феномена, очертив рамки психоаналитической работы для данной категории детей.

Заканчивая теоретическое осмысление данного феномена и переходя к непосредственному описанию случаев, необходимо произвести некую новую «разметку» в отношении понятия «аутизм» и «аутист». По этическим соображениям и из желания видеть в каждом страдающем ребенке субъекта, в рамках данной статьи термин «аутист», представляющий собой диагноз, будет заменен на оборот «аутистический субъект», представляющий собой определенную позицию по отношению к Другому.

Наиболее фундаментально концепт «Другого» прослеживается в идеях Ж. Лакана, подчеркивающего возможность становления субъектности только при взаимодействии со структурой Другого. Опираясь на фундаментальные труды З. Фрейда о символе как о специфической форме выражения бессознательного, Ж. Лакан считает, что символы формируют человеческую реальность, выстраивают ее в соответствии с нормами культуры и общества, и главенствующую роль в этом

процессе принадлежит речевому (символическому) взаимодействию с Другим [2]. Другой, являясь носителем речи как способа выражения бессознательного, провоцирует субъект на принятие этой речи, этого языка. Аутистический субъект демонстрирует отказ от вхождения в речевую коммуникацию, он отвергает язык, предлагаемый Другим, что ведет к невозможности самоидентификации. Общеизвестно, что нарушения речи различной степени являются одной из наиболее типичных аутистических черт и обнажают специфику аутистического субъекта — нарушения коммуникации и социального взаимодействия. Аутистический субъект не использует речь как средство для общения, но у него может наблюдаться «автономная речь» («речь для себя»). Различными авторами были описаны некоторые специфические особенности речи аутистических субъектов: наличие эхолалий, своеобразная интонация, отказ от использования местоимений первого лица, вычурное произношение слогов, отсутствие реакции на речь окружающих [8]. По некоторым данным, приблизительно половина аутистических субъектов так и не овладевают осмысленной речью, однако самая распространенная проблема — именно неспособность пользоваться речью в целях социальной коммуникации [9]. Аутистический субъект не может принимать то, что отсылает его к присутствию Другого: речь, взгляд, голос, прикосновения, — все это становится некой границей, которую аутистический субъект не переходит или к которой прикасается лишь в определенной степени. Услышать Другого, увидеть его, почувствовать его — это уже признать его существование. Отказ от вхождения в порядок Другого оборачивается неспособностью выделять самого себя: аутистический субъект словно растворен во внешнем мире. Невозможность идентификации себя с Другим влечет невозможность самоидентификации, приобретения представлений о себе и продуцирования желаний.

В работах Ф. Дольто проблема аутистических субъектов представлена достаточно объемно. Она отрицала аутизм как врожденное заболевание и понимала его как реакцию на некое травматическое событие, которое повлекло за собой невозможность отождествления самого себя с собой, расстройство самоидентификации [5; 6]. Наиболее распространенной

причиной, по мнению Ф. Дольто, является потеря аффективного или символического контакта с матерью: реальное отсутствие матери либо переживаемая ею скорбь, которая не позволяет ребенку находить себя в контакте с ней. Ф. Дольто указывает, что в ситуации физической утраты матери или в ситуации, когда мать есть, но слишком погружена в свои собственные переживания, забывая о ребенке, ребенок не может развиваться по обычному пути: для переживания себя ребенку нужен Другой — тот, рядом с которым ребенок обретает образ тела. В концепции Ф. Дольто образ тела — «бессознательная память всего опыта отношений субъекта и связанных с ними переживаний, это живой и постоянно развивающийся синтез эмоционального опыта, созданный в отношениях ребенка с матерью» [4, с. 102]. Образ тела не является зрительным представлением о своем теле, не является «схемой тела», он скорее представляет собой «символическое воплощение субъекта еще до того, как тот начнет осознавать себя», и «включает в себя всю историю ранних телесных и вербальных взаимодействий матери и ребенка» [4, с. 102]. Через образ тела ребенок может поддерживать отношения с реальностью. В ситуации, когда образ тела рушится, происходит регрессия к состоянию, когда жизненные потребности ребенка удовлетворялись без субтильных, речевых, мимических, двигательных обменов. Дольто отмечает, что драматические последствия разрыва коммуникации между матерью и ребенком продолжают действовать, даже когда мать возвращается к ребенку. Это связано с тем, что, когда ребенок вновь обретает мать, она уже не та не архаическая мать, которую он потерял. Во взаимодействии с ней ребенок уже не находит того восприятия, которое было раньше и которого он искал, и это не позволяет ему обрести себя прежнего [5]. Ф. Дольто, рассматривающая речь как нечто, что структурирует психику субъекта, отмечала необходимость объяснять ребенку, оказавшемуся в разрыве от матери, все то, что происходит с ним: «На радио у меня была возможность связаться с еще молодыми матерями детей в возрасте до трех лет, страдающих аутизмом. Я посоветовала им рассказать ребенку, почему они исчезли, когда детям было от четырех до девяти месяцев, и сказать, что они не знали, что он от этого так страдал. Десяток

из этих детей, те, кому было меньше трех лет, смогли вновь восстановить контакт со своими матерями, как это было до того события, после которого они впали в аутизм» [6, с. 592]. Ф. Дольто, как и Ж. Лакан, указывает на огромное значение символической функции в жизни человека, и именно некая поломка этой символической функции лежит в основе аутизации субъекта. Нужно отметить, что аутистические субъекты, по мнению Ф. Дольто, обладают чрезвычайно развитой потребностью в коммуникации и речи: «Для меня дети, страдающие аутизмом, это рано созревшие дети, с которыми не говорят о том, что для них важно» [6, с. 593].

Ф. Дольто на страницах своих книг дает несколько различных иллюстраций аутистических субъектов. Так, например, она описывает Себастьяна, чрезвычайно развитого в детском возрасте, который в пять месяцев был отдан без объяснения кормилице, которую не знал, а затем сменивший несколько кормилиц [5]. По трагической случайности Себастьян был госпитализирован в больницу, хотя серьезных оснований для этого не было. В больнице мальчик сперва живо реагировал на появление матери, которую наблюдал через стекло, он кричал и искал ее взгляд, но затем постепенно стал демонстрировать равнодушие к ее появлению и начал действительно болеть. Усугубление его состояния с момента госпитализации классифицировали как необходимость более тщательного лечения, и в общей сложности Себастьян пробыл там около шести недель. За время его нахождения в больнице мать занималась ремонтом квартиры и обновлением вещей, что привело к тому, что даже оказавшись дома, Себастьян не мог находить ничего, что напоминало бы ему о себе прежнем. Он был лишен слов, позволяющих ему интегрировать этот опыт, и его символическая функция стала разрушаться. Мать, занимающаяся различными заботами по дому, мало говорила с ребенком, и он так и не смог восстановить связь между самим собой и миром. Ф. Дольто, описывая этот случай, в очередной раз подчеркивает необходимость артикуляции всего того, что вторгается в жизнь ребенка: ему нужна речь Другого, которая позволит выдержать это испытание.

В практике М. Кляйн мы также можем увидеть аутистического субъекта и убедиться в важности символообразования. В одной из работ М. Кляйн повествует о четырехлетнем мальчике Дике, который по уровню развития соответствовал примерно полуторогодовалому ребенку [7]. Ему был поставлен диагноз dementia praecox (ранее слабоумие), что было достаточно распространенным в те времена, когда аутизм рассматривался как симптом шизофрении. М. Кляйн указывает на его крайне низкую адаптацию к реальности, равнодушие по отношению к близким людям, использование бессвязных звуков и шумов вместо речи, нечувствительность к боли, полное отсутствие эмоций с его стороны. Во время первой встречи с М. Кляйн Дик не проявил ни малейшего волнения по поводу ухода его няни. Он принялся бегать по всей комнате без какой-либо цели, при этом не выражая заинтересованности ни в отношении вещей, ни в отношении к самой М. Кляйн. Его взгляд и выражение лица при этом оставались застывшими. Исходя из данного фрагмента мы можем назвать Дика аутистическим субъектом. В анамнезе этого мальчика имеются достаточно травматические эпизоды: в младенчестве он пережил опыт голодания, связанный с тем, что мать тщетно пыталась кормить его грудью и отвергала искусственное вскармливание. К двухмесячному возрасту Дика была найдена кормилица, но к этому моменту у него уже наблюдались желудочные расстройства и геморрой, и он сам уже не проявлял желания сосать грудь. М. Кляйн указывает на то, что этот отказ проявлялся и далее в жизни ребенка: сперва по отношению к бутылочке, затем по отношению к твердой пище. Также М. Кляйн отмечает нехватку эмоционального тепла со стороны отца и няни и указывает на то, что на проявление заботливого отношения к себе (связанного с присутствием другой няни и бабушки) Дик реагировал достаточно явным прогрессом в развитии, однако основные проблемы оставались неизменными. В анамнезе этого мальчика также есть эпизод с мастурбацией, вызвавшей крайне острую и порицательную реакцию со стороны няни, что привело к формированию страха и чувства вины.

М. Кляйн, описывая содержание встреч с Диком, отмечает, что он не проявлял интереса к большинству предметов и

даже не всегда понимал их предназначения. Единственными объектами, по отношению к которым он демонстрировал увлеченность, были поезда и станции, а также замки на дверях и ручки. М. Кляйн интерпретировала это как фантазии о проникновении пениса отца в тело матери: двери и замки представляли собой входы и выходы из материнского тела, а ручки — пенис отца. Проведенная с ребенком психоаналитическая работа позволила М. Кляйн утверждать, что причины его крайней заторможенности и оторванности от мира отсылают к травматичному опыту раннего детства и заключаются, в сущности, в неспособности Эго переносить тревогу. Эго вынуждено было прекратить фантазирование, чтобы защититься от импульсов, что и привело к остановке образования символов и, как следствие, — к невозможности устанавливать отношения с реальностью. М. Кляйн указывает на то, что генитальный импульс Дика сформировался достаточно рано и сопровождался усиленной идентификацией с материнским частичным объектом, по отношению к которому Дик больше не мог проявлять агрессию. С одной стороны, Дик в своих фантазиях не мог отразить садистического отношения к материнскому телу, а с другой стороны — испытывал ужас перед пенисом отца, заточенным в материнском теле. Описывая данный случай, М. Кляйн достаточно подробно раскрывает сессии Дика, что позволяет читателям наблюдать, как в психоаналитической работе Эго вновь становится способным к образованию символов, и Дик из аутистического субъекта превращается в субъекта, поддерживающего отношения с реальностью.

А. Варданян также иллюстрирует клиническую зарисовку работы, а точнее единичной консультации с субъектом, имеющим некоторые несущественные аутистические проявления. Речь идет о мальчике, воспитывающемся бабушкой по материнской линии [3]. В анамнезе этого субъекта имеется и разрыв с отцом, не предъявляющим до определенного времени интереса по отношению к сыну, и разлука с матерью, которая вынуждена была заниматься заработком. Данный субъект был лишен возможности идентифицироваться с отцом, поскольку в глазах бабушки отец был лишен положительных качеств, он был «кастрирован». Свою задачу как психоаналитика

А. Варданян видела в необходимости дать мальчику право выбора идентификации, право любить отца без чувства вины и чувства страха отверждения со стороны бабушки и мамы. В данном случае речь шла лишь о некоторых внешних проявлениях аутизма без того катастрофического разрыва с реальностью, которые характерны для большинства аутистических субъектов.

В данной статье была представлена попытка посмотреть на феномен аутистического субъекта как носителя некой ранней травмы, которая не получила возможности символизации и привела к отказу от структуры Другого.

Библиографический список:

1. Беттельхейм Б. Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я. — М: Академический проект; Фонд «Мир», 2013. — 480 с.
2. Бритвин Г. В. Концепции символа Ж. Лакана: основные идеи и эвристическое значение // Преподаватель XXI века. — 2010. — № 2. — С. 226—229.
3. Варданян А. Этюды по детскому психоанализ. — М.: Когито-Центр, 2002. — 154 с.
4. Гурина Е. С., Кошенова М. И. Работа психолога с детской травмой: учебное пособие. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. — 311 с.
5. Дольто Ф. Бессознательный образ тела. — Ижевск: ERGO, 2006. — 376 с.
6. Дольто Ф. На стороне ребенка. — Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2013. — 717 с.
7. Кляйн М. Детский психоанализ. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010. — 160 с.
8. Мамайчук И. И. Помощь психолога детям с аутизмом. — СПб.: Речь, 2007. — 288 с.
9. Швецова Е. А. Феномен аутизма. Симптоматика отсутствия другого в свете феноменологической философии // Вестник угроведения. — 2011. — № 3 (6). — С. 135—144.

AUTISM OF THE SUBJECT AS A CONSEQUENCE OF THE VIOLATION OF SYMBOLIC FUNCTION

AS A RESULT OF EARLY TRAUMA: PSYCHOANALYTIC PRACTICE OF WORKING WITH AN AUTISTIC SUBJECT

Gurina Elena Sergeevna
senior lecturer of the Social psychology and victimology department,
Federal state-funded educational institution of higher education
«Novosibirsk State Pedagogical University»,
teaching psychologist of Preschool educational institution
«Sozvezdiya»,
Novosibirsk

Abstract. The article presents psychoanalytic views on the phenomenon of the autistic subject in the framework of the discourse of J. Lacan, F. Dolto, M. Klein, B. Bettelheim. An autistic subject is considered a subject who has refused to enter into the order of Another and is characterized by a violation of the symbolization function. The article presents examples of clinical work with children with autistic traits.

Keywords: psychoanalysis, autism, autistic subject, symbolization, mental trauma

1.2. МОДЕЛИ ФЕТАЛЬНОЙ ПСИХИКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Толкачева Оксана Николаевна
кандидат психологических наук, ассистент кафедры консультативной психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Аннотация. В статье рассматриваются и сравниваются модели фетальной психики в контексте теорий Зигмунда Фрейда о структурном и экономическом развитии психического аппарата. Отмечается существующий пробел в понимании структуры Идеал-Я, раннее развитие которой причастно к фетальному опыту. Обосновывается актуальность данной проблемы в контексте тенденций современной психоаналитической практики.

Ключевые слова: психическая структура, Идеал-Я, пренатальное развитие, фетальное-Я, бессознательная фантазия, современный психоанализ

Одним из фундаментальных положений психоаналитической теории является постулат о структурной организации психического опыта в процессе индивидуального развития. В работе «Я и Оно» Зигмунд Фрейд описал механизмы дифференциации от первичной структуры Оно более поздних структур Я, Сверх-Я и Идеал-Я [8].

Согласно Фрейду, содержание Оно бессознательно и организовано первичными процессами: смещением, сгущением, ассоциациями по сходству, смежности и т. д. Импульсы Оно спонтанны и нечувствительны к противоречиям, поскольку понятие о противоречиях появляется только во вторичных процессах, частью которых является логическое мышление, представления о причинно-следственных связях и пространстве-времени. В Оно нет представлений о времени и пространстве. Также в Оно нет представлений о различиях, поскольку различия — это следствие комплекса кастрации, вводящего различение категорий — живого и мертвого, женского и

мужского и других. Если структура Я формируется как продукт личной, индивидуальной истории, то Оно является хранилищем образов предков и протофантазий — так называемое «наследственное Оно». Одной из таких хранящихся в Оно протофантазий является фантазия о всемогущем, всеведущем, гермафродитном бессмертном существе, порождающем самого себя в акте самовоспроизводства. Эта фантазия в различных модификациях находит свое отражение в культуре в форме представлений о божествах, а в личной истории, по мысли Фрейда, персонифицируется в фигуре одного из родителей, идентификация с которым составляет содержание структуры Идеал-Я. Фрейд полагал, что фигурой такой персонификации может быть только фигура отца, но исследования опыта пациентов показывают, что архаичный Идеал-Я может быть персонифицирован и в фигуре матери. Сам Фрейд уточняет в связи с этим: «Осторожнее было бы сказать с "родителями", ибо до четкого понимания половых различий, отсутствия пениса, отец и мать не расцениваются по-разному» [8, с. 274].

Таким образом, Фрейд в своих идеях о филогенетическом наследии, формы которого «воскрешаются» в индивидуальной психике, указал на значимость тех психических содержаний, которые хранятся по ту сторону личной истории — до рождения индивида — и передаются его предкам после смерти.

Арландо Расковски, продолжая эту мысль Фрейда, сформулировал модель фетальной психики, согласно которой фетальное-Я развивается во взаимодействии с филогенетическими объектами [9]. Эмпирическими данными для аргументации этой модели стали фантазии, сновидения и галлюцинации, полученные в очень регрессивном опыте пациентов, что роднит эти исследования с исследованиями пренатальных матриц Станислава Грофа, тем более что и осуществлялись они примерно в одно и то же время и в схожем социо-культурном контексте.

Расковски предполагает, что фетальные протофантазии имеют характер двумерных образов, лишенных пространственно-временного измерения. Эти образы будут подвергнуты первичному подавлению в акте рождения и составят наиболее архаичное содержание Оно. В фетальной психике разделения

на структуры, Оно и Я, пока еще не существует, как нет разделения на Я и объект: фетальное-Я и объект существуют одномоментно, они идентичны друг другу, их взаимодействие осуществляется посредством прямых, до-объектных идентификаций. Разделение на Я и Оно, Я и объект появится только после рождения, первичного подавления двумерных протофантазий и организации связи с трехмерными объектами внешнего мира. По мнению Расковски, подавление осуществляется как реакция на интенсивную тревогу, вызванную травмой рождения. Это первичное подавление является препятствием для осознания содержаний фетальной психики, а травмирующий опыт рождения будет актуализироваться в постнатальной жизни как паттерн непосредственно перед ситуациями угрозы в форме переживания жуткого или дурных предчувствий.

Модель Расковски предполагает первичное структурирование психики после рождения и подавление фетального опыта в наиболее архаичные слои Оно. Эти архаичные протофантазии недоступны для осознания и воспоминаний, поскольку не имеют характерных для постнатальной жизни психических репрезентаций. Однако фетальные протофантазии могут актуализироваться и таким способом — через объекты и ситуации внешнего мира — получить репрезентацию и доступ к сознанию. Расковски также отмечает, что процесс рождения сопряжен с загрузкой психики плода влечениями смерти, а установление связей с внешними объектами призвано мобилизировать влечение жизни и нейтрализовать влечения смерти. Дальнейшее развитие постнатальной психики осуществляется посредством проекции и интроекции как форм связи с внешними объектами, паттерны взаимодействия с которыми инкорпорируются в постнатальную психику и организуют психические элементы в структуры.

О том, что рождение является самым первым и сильнейшим травмирующим переживанием, писал Отто Ранк, построивший свою модель фетальной психики на основе представлений о райских и беззаботных условиях утробной жизни, к которой индивид навязчиво стремится вернуться [6]. Ллойд Демоз, анализируя многочисленные акушерские данные, делает вывод о том, что «психическая жизнь плода на самом

деле начинается с активных взаимоотношений с одним жизненно важным объектом: плацентой. Все существование плода зависит от плаценты, питающей и постоянно очищающей его кровь, а на любое ослабление функции плаценты плод реагирует явным гневом, что проявляется в порывистых движениях и учащенном сердцебиении. Можно наблюдать, как плод снова и снова на протяжении ранних этапов фетальной жизни проходит через циклы спокойной активности, мучительной гипоксии, периода метания, а затем возврата к спокойному состоянию, когда плацента вновь начинает накачивать ярко-красную обогащенную кислородом кровь… питающая плацента становится постепенно самым первым объектом фетальной психической жизни, а регулярные перерывы в этих жизненно важных взаимоотношениях вызывают у плода самые первые ощущения тревоги» [2, с. 340—341].

Модель Демоза описывает развитие фетального-Я в объектном взаимодействии с образами Питающей и Ядовитой Плаценты — прототипами постнатальных образов «хорошей» и «плохой» груди в теории Мелани Кляйн. Взаимодействие с Питающей Плацентой, поставляющей обогащенную кислородом кровь и нейтрализующей отходы жизнедеятельности плода, является прототипом будущих функций холдинга и контейнирования, которые осуществляет мать во время ухода за младенцем, а взаимодействие с Ядовитой Плацентой составляет прототипическое содержание всех постнатальных кастрационных тревог. Можно добавить, что внутриутробная ситуация также является предшественником описанной Кляйн параноидно-шизоидной позиции, когда плод преследуется образом убийственной Ядовитой Плаценты без возможности установить связь с «достаточно хорошим» объектом, поскольку плацента объективно с каждым днем справляется со своей функцией все хуже и хуже, и плод постепенно оказывается во все более невыносимых условиях, кульминацией и разрядкой которых становится акт рождения и выход из матки.

В модели Демоза фетальное-Я развивается из сенсомоторной активности плода и во взаимодействии с плацентой как первым инвестирующим и фрустрирующим объектом, обеспечивающим загрузку фетальной психики протофантазиями

либидинального (Питающая Плацента) и кастрационного (Ядовитая Плацента) содержания, являющимися источниками постнатальной экономики психического аппарата. В модели Демоза, в отличие от модели Расковски, фетальное-Я уже обладает некоторой структурой, поскольку есть взаимодействие с реальным трехмерным объектом, есть различение «хорошего» и «плохого», есть тревога наконец.

По мере роста плода и дегенеративных процессов в плаценте внутриутробная ситуация становится все более напряженной. В последний месяц беременности плод существует в условиях чрезвычайной тесноты, отравления отходами собственной жизнедеятельности и гипоксии, против которых младенец протестует толчками и брыканием. Как пишет Демоз, «если бы матка была заполнена не водой, а воздухом, можно было бы слышать, как плод значительную часть времени кричит в матке» [2, с. 337]. Рождение и выход из матки, несмотря на чрезвычайный стресс и еще большее удушение в процессе, в действительности является освобождением и прототипом вообще всех последующих кризисов перемен. Ребенок получает первую автономию в виде способности к дыханию, которое теперь не зависит от объекта. Можно предположить, что именно дыхание выполняет функцию первого постнатального «хорошего» объекта и закладывает ядро безобъектного нарциссизма, нехватка которого в дальнейшей жизни будет репрезентироваться болезнями дыхательной системы и ощущениями нехватки воздуха.

Общим в моделях Расковски и Демоза является указание на первичность влечений смерти: сразу после появления на свет младенец оказывается переполнен составляющими влечение смерти репрезентациями тревог (гипоксия, давление на голову и тело, первый обжигающий контакт с кислородом) и нуждается в нейтрализующих либидинальных инвестициях (дыхание, убаюкивание, тепло, питание). В лице матери младенец имеет шанс обнаружить более устойчивый и постоянный «хороший» объект, нежели в плаценте. Пренатальные циклы взаимодействия с образами Питающей и Ядовитой Плаценты еще будут продолжаться для младенца некоторое время как взаимодействие с образами «хорошей» и «плохой» груди, пока ребенок не

обретет некоторую автономию и зрелость психических структур, в первую очередь индивидуальное Я личной истории.

С точки зрения эмпирической аргументированности модель Демоза кажется более убедительной, тогда как модель Расковски лучше отражает характер и механизм коммуникации раннего, еще плохо структурированного Я с архаичными содержаниями Оно — механизм прямой идентификации, захвата Я содержаниями Оно, когда Я с его доступом к телесности и подвижности становится формой актуализации содержащихся в Оно протофантазий, в том числе фантазии о всемогущем бессмертном существе, не затронутом комплексом кастрации — Идеале. Фрейд дал этому существу репрезентацию в психоаналитическом мифе о первобытном, архаичном отце, или праотце, отце-до-личной истории, чей образ может быть спроецирован на реального отца личной истории, а может так и остаться бессознательным фантазмом, возвращающимся из Оно и захватывающим Я как форму своей актуализации.

Динамика этого захвата отражена в историях о демонах, вампирах и двойниках — ни живых и ни мертвых жителях Зазеркалья или потустороннего мира, обладающих магическими способностями и выполняющих двойственную роль одновременно и волшебного помощника, и предвестника роковой гибели [4; 7].

Развивая идеи Расковски о пренатальной передаче филогенетических объектов, Фидиас Сесио приходит к выводу, что хранилищем этих объектов — образов мертвых предков — является структура Идеал-Я. Именно поэтому архетипической репрезентацией Идеала, по мнению Сесио, является Мертвец. «Питающие» идентификации с «живыми» — родителями личной истории, сиблингами и другими либидинальными объектами — позволяют нейтрализовать смертоносные содержания архаичного Идеал-Я [10; 11]. Если же этого не происходит, например из-за нарциссических патологий родителей, то патологии Идеал-Я проявляются в динамике тяжелых психических и соматических расстройств, в том числе в онкологических заболеваниях [12]. В этом также прослеживается преемственность мысли Фрейда, первым предложившим аналогию между динамикой развития раковой опухоли и

безграничным нарциссизмом Идеал-Я, когда влечение к жизни одной структуры осуществляется за счет смерти другой структуры.

Уже Ранк замечал, что, помимо мифов о героях, идентификации Я с идеалом наблюдается в структуре паранойи, перверсий, маниакальных расстройств и социопатий [5]. Полагаю, исследование клинических случаев данных расстройств с акцентом на изучение структуры Идеал-Я может дать множество полезных открытий. По моим наблюдениям, кратковременные или достаточно длительные актуализации Идеал-Я наблюдаются при занятиях экстремальными видами спорта, в сферах с высокими финансовыми рисками, а также при аддикциях. Актуализация Идеал-Я сопровождается подъемом энергии, чувством эйфории, условности любых ограничений и запретов, представлениями о собственной неуязвимости, безупречности, непогрешимости, избранности, грандиозности. Актуальное-Я и собственное тело в такие моменты воспринимаются либо как инструмент, либо как ограничения, которые можно и нужно преодолеть на пути к своей высшей цели, своему высшему Я, идеалу, что может провоцировать возникновение столь же интенсивных защитных мер со стороны Я. Хайнц Когут считал, что различные страхи и фобии являются защитным образованием Я от актуализации архаичных фантазий о собственном всемогуществе и грандиозности, преодолевающих законы социальной и физической реальности [3]. Так, Когут полагает, что иррациональный страх высоты может быть обусловлен мобилизацией грандиозной веры в способность летать: фантазия о собственной грандиозности побуждает Я совершить прыжок в пустоту, чтобы парить или плыть в пространстве, однако реальность Я реагирует тревогой на активность тех секторов собственной сферы, которые склонны повиноваться угрожающему жизни требованию. Вероятно, что и в динамике панических атак тревога актуализации Идеал-Я играет значимую роль.

Большинство жизненных процессов современного человека находится не просто в тесной связи, а в сильной зависимости от технологий: смартфонов и компьютеров, интернета и социальных сетей, гаджетов и приложений. Человек становится

одновременно и все более беспомощным сам по себе, и все более могущественным, поскольку, по выражению Стива Джобса, весь мир оказывается на кончиках его пальцев. Из жизненного опыта постепенно устраняется измерение утраты, тогда как утрата является необходимым условием интимности: уникальный момент, который длится только здесь и сейчас и больше не повторится, его невозможно будет ни воспроизвести, ни поставить на паузу, он будет утрачен во внешней реальности, но сохранен в реальности психической как ментальный объект. Сегодня интимность приносится в жертву публичности, деланию контента. Современный субъект отказывается терять, признавать, что он чего-то не может сейчас и не сможет никогда.

Действительно ли невозможное стало возможным, или это только омнипотентные протофантазии фетального-Я, погруженного в созерцание двумерных объектов на мерцающем экране? Пока фетальное-Я получает питание от виртуальной плаценты и эвакуирует в нее свои тревоги, оно представляет собой чистую потенцию, идеал. Однако выход из этого состояния идеализированных фантазий и встреча с актуальной трехмерной реальностью сопровождается загрузкой репрезентаций тревог, связанных с собственными ограничениями, а также неизбежностью бесповоротных выборов и необратимых утрат. Джудит Батлер, исследуя формирующую психику роль утраты, подчеркивает, что уже рождаясь девочкой или мальчиком, мы утрачиваем возможность быть другого пола [1]. Это не наш выбор, но наша утрата, и мы можем наблюдать у современного субъекта отказ принимать эту утрату. Фантазия о всемогущем гермафродитом Идеале — архаичном существе до принятия комплекса кастрации — получает свою актуализацию.

Если пациенты Фрейда страдали от избытка и жесткости запретов Сверх-Я, то современные пациенты все чаще демонстрируют дефицит структуры Сверх-Я и избыток примитивных идеалистических требований. Содержание нарциссических депрессий, для которых характерны ощущение безжизненности, пустоты, омертвелости, бессмысленности и бесцельности существования, неспособности получать удовольствие от жизни и желать чего-либо лучше объясняется не атаками Сверх-Я, а

несформированностью зрелой, жизнеспособной системы идеалов и ценностей. Некоторые формы тревожных расстройств, таких как социофобия и избегающее расстройство, имеют отношение к особенностям экономики между структурой Я и конгломератом Идеал-Я и Сверх-Я. Страдающий социофобией и отказывающийся от связей с трехмерными объектами субъект регрессирует к ситуации фетального-Я, представляющего собой чистую потенцию, идеал. В отсутствии контактов с внешним миром человек может фантазировать о всех тех грандиозных успехах и признании, которое он получит после выхода на актуальную сцену. Каждый реальный контакт с миром сопряжен с утратой части или всей совокупности этих фантазий. Хрупкая и неустойчивая связь Я с грандиозным идеалом рвется при малейшей фрустрации или даже угрозе фрустрации, и Я оказывается во власти разрушительной тревоги, что вынуждает социофоба в попытках восстановить равновесие еще больше фантазировать и отворачиваться от реальности.

Для развития современной психоаналитической теории и практики совершенно необходимы дальнейшие исследования условий формирования и развития психической структуры Идеал-Я, преемственности Идеал-Я и фетальной психики, связей Идеал-Я с другими психическими структурами, а также изучение роли Идеал-Я в различных психопатологиях. Актуальность перечисленных теоретических проблем обусловлена в том числе особенностями социо-культурного контекста, формирующего современную психоаналитическую практику.

Библиографический список:

1. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. — 159 с.
2. Демоз Л. Психоистория. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. — 512 с.
3. Когут Х. Восстановление самости. — М.: Когито-Центр, 2017. — 316 с.
4. Ранк О. Двойник. — СПб.: Скифия-принт, 2017. — 196 с.

5. Ранк О. Миф о рождении героя. — М.: Академический проект, 2020. — 238 с.
6. Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа. — М.: «Когито-Центр», 2009. — 239 с.
7. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). — М.: Республика, 1995. — С. 265—281.
8. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 13. Статьи по метапсихологии. Т. 14. Статьи по метапсихологии—2. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2020. — С. 255—300.
9. Darré S. A. Sesenta Años Del Psiquismo Fetal. La Infancia Como Portal // Humanidades: Revista de la Universidad de Montevideo. — 2018. — № 4. — P. 133—151.
10. Cesio F. El muerte. Yo ideal y letargo // La Peste de Tebas. — 2005. — № 33. — P. 3—10.
11. Cesio F. Tragedia y muerte de Edipo. Pulsión de muerte, letargo y reacción terapéutica negativa // Revista de Psicoanálisis. — 1986. — № XLIV.
12. Loschi A., Vidal A., Lamuedra I., Sánchez V. Cáncer y Yo Ideal // La peste de Tebas. — 2016. — № 20 (64). — P. 25—29.

THE MODELS OF A FETAL MIND AND ITS VALUE FOR MODERN PSYCHOANALYSIS

Tolkacheva Oksana Nikolaevna
candidate of psychological sciences,
assistant of the Saratov State university counseling psychology department,
Saratov

Abstract. The psychoanalytic models of a fetal mind are discussed and compared in the article from the perspective of Freud's theories of the structural and economic development of the psychic apparatus. It is revealed that there is a lack of understanding a such structure as Ideal Self that is arising from fetal development. The study of the role of Ideal Self pathology in mental disorders is crucial for modern psychoanalytic practice.

Keywords: mental structure, ideal self, prenatal development, fetal self, unconscious fantasy, modern psychoanalysis

1.3. ЗВУКОВОЙ ОБЪЕКТ ГОРОДА В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Сенчило Владимир Валентинович
психоаналитик,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассмотрены феномены города-субъекта. С исторической точки зрения представлен взгляд на события античных Афин и анализ этих событий на основе понятий Зигмунда Фрейда. Представлен обзор понятия «психогеография» и его возможные пересечения с психоаналитическим дискурсом. С помощью понятия алетосфера предложен подход к исследованию звукового объекта города.

Ключевые слова: Николь Лоро, разделенный город, психогеография, дрейф, алетосфера, латузы

Исследование, которое легло в основу этой статьи, преследует цель обратить внимание на важность исторического подхода в прикладном психоанализе. В работах Зигмунда Фрейда «Тотем и табу» или «Человек Моисей и монотеистическая религия» большое внимание уделяется психоаналитическому исследованию на стыке истории и антропологии. В этих трудах Фрейд занимается изучением массовой психологии. В данной статье предложены альтернативные подходы к пониманию массовых процессов.

Начало этого исследования совпало с периодом, когда мировое сообщество могло наблюдать множество массовых процессов, причиной которых были массовые политические акции в разных городах по всему миру. Массовые протесты и политические митинги зависят от городской среды. К примеру, маршрут митингующих выстраивается особым образом: протестующие выбирают определенные зоны для совершения задуманных акций, будь то площади, парки, магистрали. Способы зонирования города влияют непосредственно на массовые мероприятия, зачастую определяя поведение участников акции. Так, к примеру, толпа намечает маршрут, по которому будет идти и скандировать лозунги. Власти города,

в свою очередь, реагируют на предстоящий митинг и используют различные средства для блокирования движения. В результате подобного (ре)зонирования на время массового мероприятия меняются привычные маршруты, как для участников акции, так и для горожан, не заинтересованных в акции. Участники мероприятия или (специфической) акции, преследующие цель объединения или уже объединившиеся в толпу, двигаются по улицам города.

Воспользуемся понятиями из раннего творчества Фрейда и сравним движение толпы с психической энергией, которая движется по проторенным путям нервной системы. В психике сверхсильная загрузка энергии, превышающая порог чувствительности, грозит возникновению боли, неудовольствия. В этом случае «Я» стремится распределить энергетическую загрузку по другим проторениям, то есть направить энергию в другие «русла». Чтобы избыть уже появившийся заряд, психика прибегает к помощи «ключевых нейронов», которые проводят заряд окольными путями во вне тела [7, с. 36].

В этой метафоре мы представляем ключевыми нейронами те инструменты, которыми пользуются власти и администрация города для создания преград движению транспорта или пешеходов. Блокирование улиц, тротуаров, площадей, закрытие станций метро позволяет рассредоточить «аффективно заряженную толпу», тем самым избежать разрушительных последствий массового мероприятия. Сравнивая движение толпы с загрузкой психической энергии, уместно задаться вопросом, какое место в этой модели может занять непосредственно город.

В данной статье представлен ряд концепций, претендующих приблизить нас к ответу на вопрос о возможности психоаналитического исследования, предметом которого будет город как субъект. Начать следует с фундаментального для психоанализа мифа о царе Эдипе. Обратимся к трагедии Софокла «Царь Эдип». Действие пьесы начинается не с личной трагедии главного персонажа, а с трагедии всего города: Фивы охвачены чумой. В центре сюжета — расследование Эдипа, цель которого — спасти город. В итоге он находит виновника в себе самом. Вытеснение Эдипа, доступа к которому у него нет, становится бедствием для всего города.

Обратим внимание на то, что жизнь человека в античный период подчинялась общественной жизни города. Отталкиваясь от этого, обратимся к сюжету из истории античных Афин, анализ которого предложен историком Николь Лоро.

Не так давно русскоязычному читателю представилась возможность познакомиться с книгой «Разделенный город». Исследовательница пользуется историческим, антропологическим и психоаналитическим подходами для прояснения событий в Афинах в конце V века до н. э. Лоро интересуют последствия свержения правительства тридцати тиранов. Граждане афинского полиса договорились забыть о бесчинствах, творимых приверженцами тирании. По мнению Лоро, это было изобретением амнистии в Афинах [4, с. 27].

Исследовательницу интересует, как именно после гражданской войны победившая сторона отказалась от мести над побежденными согражданами, а к тому же еще и предложила забыть злосчастья прошлого. Подобное забвение в городе Лоро предлагает рассматривать с точки зрения психоаналитической теории о вытеснении. Этот механизм играет важную роль в механизме расщепления и становления субъекта [4, с. 87]. Так, Лоро говорит о расщеплении полиса, обусловленном разделением граждан на политические партии. Несмотря на афинскую амнистию 403 года, события гражданской войны, будучи вытесненными, продолжают оказывать влияние на жизнь полиса [4, с. 45]. В своей работе Лоро следует принципам психоанализа, которые Зигмунд Фрейд использует при изучении монотеистической религии Моисея. Фрейд указывает, что в исследовании истории еврейского народа он использует аналогию с невротическими симптомами.

Обращаясь к работе «Человек Моисей и монотеистическая религия», мы также находим сюжет разделения, который лежит в основе становления народа Моисея. Фрейд пишет, что «нация возникла в результате объединения двух составных частей, и этот факт согласуется с тем, что после продолжительного периода политического единства, она распалась на две части: на израильское и иудейское царство» [6, с. 486]. Далее в тексте мы находим утверждение Фрейда о том, что «история любит подобные реституции, когда более поздние объединения

распадаются и на передний план выходит прежнее разделение» [6, с. 487]. Это согласуется с выводами, к которым приходит в своем исследовании Лоро: «Забвение прошлого оказывается в случае каждой гражданской амнистии повторением одного очень древнего забвения: забвения того времени — если оно вообще имело место — когда, встарь, конфликт управлял жизнью в сообществе» [4, с. 92].

Николь Лоро предполагает, что Фрейд реконструирует историю массы по модели индивидуального развития. Чтобы продвинуться в понимании разделения Афин, в результате вытеснения событий гражданской войны, не следует ли наделить афинский город «неким» детством [4, с. 106]?

Вслед за Лоро мы вынуждены согласиться с тем, что существует разница в рассмотрении народа Моисея и жителей Афин. В первом случае народ определяется религией, а во втором — политикой. Чтобы двинуться дальше, Николь Лоро обращается к античным философам и историкам Греции и находит в их текстах основания говорить об афинском полисе как о городе-индивиде: «Любая идентичность — любая гражданская идентичность — находится внутри города субъекта: у граждан, зависимых от полиса, которому они полностью принадлежат, никогда нет достаточной автономии, чтобы установить между собой отношения взаимности, и у одного гражданина с другим — то есть в конечном счете у города с самим собой — связь может выражаться лишь в возвратных языковых формах» [4, с. 109]. Отношения граждан с городом-субъектом, их связь и взаимозависимость, подталкивают Лоро обратиться к философии Платона, который наделяет город душой [4, с. 110].

Конечно, подобные размышления могут нам показаться безосновательными, если мы не обращаемся непосредственно к упомянутым выше языковым формам афинского города. Но несмотря на это, мы можем задаться вопросом о том, уместна ли такая фантазия сегодня, спустя более, чем две тысячи лет? А можем ли мы двинуться еще дальше и найти взаимосвязь городской среды с понятием города-субъекта?

В такой перспективе можно увидеть в новом свете метафору Фрейда, предложенную им в «Неудобстве в культуре», где

он предлагает сравнить развитие города с развитием психики человека.

Фрейд предлагает нам сделать фантастическое предположение, «будто Рим — не местожительство людей, а психическое существо со столь же долгим и богатым прошлым, в котором наряду с последней фазой развития продолжают существовать все более ранние» [6, с. 202]. Нам стоило бы представить, как некогда разрушенные постройки остались существовать, и на том же месте были возведены другие здания. Фрейд сразу приходит к заключению, что развивать эту фантазию далее не стоит, потому что ее невозможно представить, более того, размышления об этом будут абсурдными. Заметим, однако, что спустя почти сто лет современные субъекты могут не только попробовать представить такую фантазию, но и сконструировать ее с помощью технологий.

Обратимся к городу-субъекту с практической стороны вопроса. Речь пойдет о практике представителей движения ситуационизма в рамках теории дрейфа, основным понятием которой является психогеография. Автор понятия, Ги Дебор, во «Введении в критику городской географии и теории дрейфа» подчеркивает: «Термин психогеография не расходится с материалистическим учением, согласно которому жизнь и мышление обусловлены объективной реальностью. Если география описывает определяющее воздействие всеобщих природных сил — таких как состав почвы или климат — воздействие на экономические формации общества и тем самым на его представление о мире, то психогеография может взяться за изучение законов географической среды, сознательно организованной или нет, и ее непосредственного воздействия на аффективное поведение индивидов» [1, с. 12]. Так, термин психогеография позволяет увидеть в новой перспективе связь города с его жителем. Аффективное влияние города, а если точнее, влияние городских зон можно расценивать как эффект означающего. Среди таких законов городских зон, влияющих на аффективное поведения индивидов, Дебор выделяет: четкое разделение города на зоны с разным психическим климатом, очарование или мерзость определенных мест, резкое изменение обстановки на улице в радиусе нескольких метров. Эти и многие

другие факторы не принимались в расчет исследователями, и автор считает, что их можно выявлять путем углубленного анализа и выгодно использовать. Это значит, что в принципе люди осведомлены о том, что некоторые кварталы навевают тоску, а другие радуют сердце. Что якобы более роскошные улицы вызывают удовольствие, а бедные улицы вызывают уныние. Но на самом деле «сочетание атмосфер» подобно «соединению чистых химических веществ в бесконечном количестве смесей» [1, с. 16]. И мы соглашаемся с этим, так как законы означающего функционируют подобным образом, обладая неизмеримым количеством возможных комбинаций, за счет чего возможна субъективация.

Все это многообразие сочетаний различных атмосфер способно вызывать сложные и многообразные чувства. Дебор предлагает ряд методов исследования феноменов аффективных зон, к примеру, психогеографические карты, где наряду с реальными объектами топографии отмечаются аффективные зоны. Картографирование аффективных зон применяется в практике дрейфа.

«Дрейф — это техника быстрого прохождения через несколько различных сред» [1, с. 20]. Различие этих сред определяется аффективным переживанием, вызванным определенной топографической зоной. Участники на время дрейфа «отказываются от постановки целей, от привычных методов досуга, общепринятых мотивов». Грубо говоря, это незапланированная прогулка: дрейфующие открыты ситуациям, которые могут с ними произойти в городе. По мнению ситуационистов, «каждый город имеет свой психогеографический рельеф с постоянными течениями, неподвижными точками и водоворотами, затрудняющими доступ в некоторые зоны» [1].

Перед тем как продвинуться в сторону звукового объекта города-субъекта, вспомним строки Мишеля де Серто: «Однако жизнь горожан протекает на земле, ниже порога обозримости. Тела этих пешеходов, Wandersmänner, следуя всем изгибам городского "текста", записывают его, но неспособны прочесть — познают город вслепую (словно любовники — тела друг друга). Переплетение путей, непризнанные поэмы, чьи знаки наступают друг на друга, ускользают от прочтения (кажется,

самая характерная черта практик городской жизни — слепота)» [5, с. 25]. Серто указывает нам на присутствие компонента сексуальности в отношениях человека с городом, что психоаналитический взгляд не может пропустить. Но здесь важно также, что жизнь города — это переплетения записей, осуществляемых горожанами, а именно их телами. Учитывая то количество возможных прочтений с позиций психоанализа, мы остановимся на том, что записи пешеходов следует прочитывать, будучи «слепым». В таком случае стоит обратиться к слуху, и тогда здесь, с помощью исторического подхода, мы можем переправиться к психоанализу и к звуковому объекту.

Прокладывая пути от психогеографии к психоанализу, отметим, что важно обратиться к фигуре Ги Дебора, в силу того что движение ситуационизма стало причиной известных событий во Франции 1968 года. Мы знаем, что эти события оказали влияние на психоанализ во Франции. Так, к примеру, вопросы о желании знания, вопросы университетского и господского дискурсов, поднимаются Лаканом в XVII семинаре, и эти вопросы напрямую касаются майских событий 1968 года во Франции. В этом же семинаре Лакан говорит о материальности звука. Волновая природа звука формирует алетосферу. Звуки этой сферы относятся к звукам технологическим — звукам, прошедшим через фильтры устройств, цифр и машин. Наука наполнила эту сферу латузами — объектами, которые призваны вызывать желания. Витрины «кишат латузами», и этим мы обязаны научному прогрессу. Алетосфера — та сфера, которая обеспечивает перемещение человеческого голоса даже в космосе, сопровождая космонавтов на луну. Она сильно отличается от других сфер, которыми наука окружила землю. Подключиться к ней можно при наличии микрофона. Стоит ли говорить, что результат взаимодействия с алетосферой будет зависеть от той области, где находится человек с микрофоном? Что, если эта область — определенная городская зона, которой присущи отличные от других мест звуки, способные оказывать аффективное влияние на субъекта? Вернемся к семинару, где Лакан говорит о том, что «каждый из нас с самого начала задан как объект а». Тогда в рамках исследования звукового объекта, учитывая понятие алетосферы, мы станем говорить о голосе

каждого из нас. Ведь именно голос сопровождает космонавтов на луне [3, с. 203].

Здесь уместно даже говорить об акусматическом голосе, которому Младен Долар дает следующее определение: «Акусматический голос — это просто-напросто голос, источник которого мы не можем увидеть, голос, происхождение которого не может быть установлено и который мы не можем локализовать» [2, с. 153]. В такой перспективе мы вплотную приближаемся к ответу. Ведь современный город-субъект постоянно подает голос. Будь то голос, объявляющий остановку транспорта, или голос на перроне, предупреждающий нас о прибытии состава, или голоса реклам из мегафонов, или голоса в автомобилях, с которыми разговаривают водители, и даже тот голос, который просит жителей и гостей города оставаться дома ради их здоровья и здоровья их близких. Отсутствие визуального образа, к которому голос прикреплен, заставляет фокусироваться исключительно на смысле. Таким способом пользовался уже Пифагор в своей школе, чтобы ученики лучше следили за смыслом сказанного учителем.

На этом этапе подобные далеко заходящие спекуляции могут сбить нас с толку. Так что следует задаться вопросом о практической стороне этого исследования. Можем ли мы использовать подобные взгляды в клиническом психоанализе? К примеру, в психологии и психотерапии сегодня становится популярным психотерапия во время прогулок. Здесь мы вспоминаем Сократа, которого Лакан представляет как протопсихоаналитка. Этот философ реализует свой метод, разгуливая по городу или вблизи Афин, разговаривая со своими учениками. В его методе мы вслед за Лаканом усматриваем отголоски того, что сегодня называем психоаналитическим трансфером или переносом. Конечно, здесь есть ряд вопросов: могут ли подобные прогулки соответствовать принципам сеттинга? Как такая практика соотносится с этическими принципами психоанализа?

Может ли практика картографирования психогеографических зон занять свое место в психоанализе? Психологические и психодиагностические практики оказываются ближе к этому методу, нежели психоанализ.

Возможно, стоит сосредоточить внимание на анализе отношений субъекта с алетосферой? У большинства субъектов сегодня есть тот самый «маленький микрофончик», и каждый выстраивает с ним свои уникальные отношения. Кто-то без остановки отправляет в алетосферу звуки своего голоса, кто-то, наоборот, бережется, чтобы его голос не подслушали. Одни сетуют, что подслушивающие присылают им рекламу, другие записывают свой голос, чтобы тот стал рекламой. Некоторые даже приобретают голосовых помощников, которые помогают им бороздить алетосферу.

Оглядываясь на все это, мы видим, как латузы все больше и больше окружают человека сегодня. Главный вопрос в такой перспективе: какое место занимает психоанализ в алетосфере?

Библиографический список:

1. Дебор Г. Психогеография. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. —112 с.
2. Долар М. Голос и ничего больше. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. — 384 с.
3. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинары: Книга XVII (1969—1970)). — М.: Гнозис; Логос, 2008. — 272 с.
4. Лоро Н. Разделенный город: Забвение в памяти Афин. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 360 с.
5. Серто де М. По городу пешком // Социологическое обозрение. — 2008. — Т. 7. — № 2. — С. 24—38.
6. Фрейд З. Вопросы общества. Происхождение религии. — М.: ООО «Фирма СТД», 2008. — 606 с.
7. Фрейд З. Набросок психологии. — Ижевск: ERGO, 2015. — 190 с.

SOUND OBJECT OF A CITY IN PSYCHOANALYSIS

Sencilo Vladimir Valentinovitch
psychoanalyst, master of psychology
Saint-Petersburg

Abstract. The article deal with the phenomena of the subject city. Historical perspective refers to understanding events of ancient Athens and analysis of these events based on the concepts of Sigmund Freud are presented. An overview of the concept of psychogeography and its possible intersections with psychoanalytic discourse are shown. An approach to the research of the sound object of the city is proposed by using the concept of aletosphere.

Keywords: Nicole Loraux, the divided city, psychogeography, dérive, aletosphere, lathouse

1.4. ЛАКАНОВСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РАБОТЫ СНОВИДЕНИЙ

Мелехин Алексей Игоревич
кандидат психологических наук, психоаналитик, сомнолог,
клинический психолог высшей квалификационной категории,
доцент Гуманитарного института им. П.А. Столыпина,
г. Москва

Аннотация. В статье впервые систематизированы основные аспекты лакановского подхода к интерпретации сновидений (клиника означающего, желания, а также психоаналитические интервенции). Показана важность концептуализации психики как структуры, содержащей регистры Воображаемого, Символического и Реального, для интерпретации работы сновидений пациента. Показано, что сновидение следует рассматривать как диалектическое мышление, учитывающее желание Другого. Детализирована разница между фрейдисткой и лакановской интерпретацией сновидений и понятием бессознательного желания. Описан метод текстологического анализа сновидения.

Ключевые слова: сновидение, сон, бессознательное желание, клиника желания, ребус

Мы живем в эпоху прозрачности, когда ускользает смысл, все выставлено и показано явно, расстояние между интимным и экстимным стирается. Это эпоха практики пост-приватности. Тем не менее сны продолжают поддерживать связь с самым сокровенным, и они представляются загадочными как для себя, так и для других. Человек проводит длительное время жизни во сне, он видит сны, как говорит Ж. Лакан, не только во сне. Сны по-прежнему не прозрачны, в онейрических сюжетах всплывают объекты а (objet petit a) между желаниями и их удовлетворением [2].

Ключевые вопросы, которые волнуют психоанализ, — это вопрос становления/трансформации желающего субъекта, психической реальности, вопрос прокладывания психических следов, механизма восприятия-запоминания-забывания, то есть

«психического письма» субъекта. Напомним, что метафорой письменности бессознательного, согласно З. Фрейду, служит иероглифическое письмо. Сновидение пациента выступает таким иероглифическим письмом. З. Фрейд называл сновидение ребусом, выражением бессознательных мыслей, которые подобны иероглифам или фигуративной живописи. Это ребус, требующий перевода. Ж. Лакан говорил о том, что, если сновидение — это ребус, значит, за образами сновидения нужно искать слова [4].

За образами сновидения необходимо в конечном счете обнаружить фразу. В XIII семинаре «Объект психоанализа» (1965—1966) Ж. Лакан утверждал, что ранние иероглифы на пещерных рисунках ведут обратно к логической матрице знака [2]. З. Фрейд никогда не мог выйти из воображаемых тупиков своего собственного открытия, полагал Ж. Лакан, потому что никогда не понимал, что свободная ассоциация функционирует по законам метафоры и метонимии, делая «психическое» влиянием бессознательного на соматическое. Другими словами, «вторичный процесс» или сознательная часть языка — метафора — это исполнение желаний, сновидения, дневной остаток, в то время как фантазии, по Ж. Лакану, не являются сновидениями или дневными желаниями. Фантазии — это «бессознательные организации субъективизации реальности». В то время как З. Фрейд говорил об исполнении желаний, Ж. Лакан говорит о бессознательном мышлении [4]. Когда фундаментальные элементы фантазма появляются в сознательном мышлении пациента, будь то проявленная мысль сновидения или литературный текст, эти элементы будут следовать законам знака, организующего язык вокруг желания. Ж. Лакан заходит так далеко, что предполагает, что работа «Толкование сновидений» З. Фрейда сделала возможным развитие формальной лингвистики. Но аргументы З. Фрейда были недостаточны для того, чтобы показать формирующую силу знака, то есть проблему, которую лингвисты так и не решили.

Таким образом, детали сновидения — это не просто образы, но именно элементы восприятия, собирающие онейроребус [1], то есть лингвистическую конструкцию. Сразу отметим, что ребус никогда не расшифровывается до конца.

Главный принцип лакановской онейрографии — открытость, невозможность сказать «все, теперь это сновидение истолковано до конца». У сновидения нет ни начала, ни конца, есть лишь фрагмент воспоминания, то, с чего начинается пересказ сна. Всегда возможно еще одно истолкование [1].

Лакановский подход предполагает, что сновидение состоит из слов, это текст, который можно прочитать. Риторика слов, ребус, аналогии — вот некоторые из выражений З. Фрейда, чтобы понять, что речь идет не о том, что означает сон, а о тексте. Ж. Лакан говорил, что сон не вводит ни в какое непостижимое переживание, ни в какую мистику, он читается в том, что о нем говорится пациентом, и что мы как психоаналитики можем пойти дальше, чтобы взять из него двусмысленности в более анаграмматическом смысле этого слова [2].

Сновидение вслед за З. Фрейдом и Ж. Лаканом следует рассматривать как диалектическое мышление, учитывающее желание Другого. Проявляется напряжение между воображаемой конструкцией Идеального-Я и символическим образованием Я-Идеала, которое показывает как создание Я-Идеала символическим Другим, так и диалектическое напряжение в нем, производное от воображаемого другого (Идеалов-Я) отношений переноса [3]. Ж. Лакан говорил, что, «в отличие от З. Фрейда, говоря про сновидения, он вдохновлен рассматривать их не только как желание спать... Его тревожило желание проснуться» [5, с. 24].

Пациент помнит сны необязательно потому, что они свидетельствуют о травме или о чем-то пережитом в течение дня (дневной остаток). Более фундаментально пациент помнит сны в рамках «диалектики собственного желания», состоящего из желания и (не)обладания. Учитывая клинику желания Ж. Лакана, следует говорить, что желание сновидения направлено на Другого в поле зрения как на того, кто даст ответ на отсутствие состояний сновидения (в отличие от психотических галлюцинаций, которые являются кошмарами нападения на фигуры, где царит заблуждение, а не фантазия, потому что Другой уже полон). Ж. Лакан изображает бессознательное желание как входящее в сознание со всей диалектической расплывчатостью воображаемого (иррационального) числа два,

таинственного знака зеркальной двойственности, где два конденсируются в одно, выходящее за свои собственные границы в сновидении [2].

Ж. Лакан переосмысляет фрейдовскую теорию сновидений, производит детальное раскрытие идеи, что сновидение — это исполнение (удовлетворение) бессознательного (скрытого, подавленного) желания. Функция сновидений, по Ж. Лакану, будь то с точки зрения «связывания» или «удовлетворения», связана с загадкой желания Другого и его наслаждения. И главным образом с тем, как сновидение находит кодировку, которую оно создает своими образованиями (метафорического или метонимического характера), чтобы дать «ответ» на загадочное желание Другого. Это, однако, ответ, который, с одной стороны, всегда оставляет остаток (можно было бы сказать, «что-то желаемое»), а с другой стороны, может привести к неудаче [2]. Интересно отметить, что кошмары, согласно Ж. Лакану, являются единственными снами, которые не подчиняются теории сновидения З. Фрейда как «образа желания» [3].

Бессознательное желание для Ж. Лакана — это не совсем буквальное желание. Бессознательное желание означает, что бессознательное радикально отсутствует в сознательной оценке смысла, хотя присутствует как таинственный «мотиватор» намерений и действий пациента. И в качестве «мотиватора» оно работает в соответствии с мыслительными процессами, типичными для бессознательного первичного процесса мышления, а не для грамматики вторичного процесса или других видов мотиваторов, таких как биология или инстинктивная причинность. В той мере, в какой человеческие поступки, особенно сновидения, кажутся иррациональными, Ж. Лакан называет их непроницаемыми для воображения мотивов, которые иррациональны постольку, поскольку рационализируются только в эгоистической системе неправильного познания. «Эти (пропущенные) действия, эти (забытые) слова открывают истину сзади. В том, что мы называем свободными ассоциациями, образами сновидений, симптомами, раскрывается слово, несущее истину. Если открытие Фрейда и имеет какое-то

значение, то оно состоит в том, что истина схватывает ошибку за шиворот в этой ошибке» [2].

Сновидения говорят о подавленном недостатке, проистекающем из желания пациента. Ж. Лакан прочитывает идею З. Фрейда о желаниях сновидения как покрывающую «Я хочу» и «Я не могу иметь», которые составляют язык значения, а не значения, которые З. Фрейд в конечном счете приписывал «Оно», ищущему удовольствия, в связи с любым запретом на его удовлетворение.

Вернемся к фрейдовскому тезису о сновидении, что оно есть (галлюцинаторное) осуществление желания. У З. Фрейда можно наблюдать развитие этого тезиса с течением времени [4].

1) Сновидение — это реализация желания, и, следовательно, сновидение поддается истолкованию.

2) Появление запредельного принципа удовольствия, когда З. Фрейд должен признать, что есть сновидения, которые не являются реализацией желания и не поддаются интерпретации.

3) З. Фрейд сдает оружие и соглашается изменить свой центральный тезис о сновидениях. Это уже не будет исключением, если не считать того, что у сновидения есть изъян.

Что касается интерпретации, то, если следовать Ж. Лакану, нет ни одного сновидения, которое не было бы истолковано З. Фрейдом в соответствии с модальностью расшифровки, подразумевающей изложение сновидения. Предел толкованию сновидений присутствует с самого начала, когда З. Фрейд вводит понятие пуповины сновидения. Тем не менее в приведенном нами третьем тезисе, он делает еще один шаг. Можно сказать, что разница между фрейдисткой и лакановской интерпретацией сновидений заключается в том, что первая — это перевод, в то время как лакановская интерпретация движется к несвязанному и невозможному и уступает место случайному.

Сновидение как «патологический продукт» составляет временную странность внешнего мира, своего рода «безобидный психоз» [2]. Но в то же время Ж. Лакан, вслед за З. Фрейдом, ставит сновидение на сторону полезной психической операции, в связи с потребностью в отдыхе, которая обеспечивает непрерывность сна. Опять же, здесь мы находим

применение сновидению. З. Фрейд говорит о «безобидном пути к галлюцинаторному удовлетворению» [2]. Зрение, или фигуральность, в виде транспозиции представителей в образе, — механизм этой безобидной галлюцинации, а компромисс — это то, что обеспечивает выход из пульсирующего движения. С этого момента Фрейд пересматривает свой центральный тезис и подчеркивает, что это не исключение, а структурное изменение. В его тексте помимо принципа удовольствия исключение относилось к травматическим снам, но он приходит к выводу, что «бессознательное прикрепление к травме, по-видимому, находится на переднем крае этих препятствий к функции сновидения» [2]. Это означает, что, хотя у любого субъекта есть привязка к травме, сновидение было бы «попыткой реализации», но с возможностью быть в дефекте, поскольку снятие ночного изгнания позволяет всплеску травматической фиксации стать активным.

Функция сновидения, как и любого психического акта, по праву состоит в том, чтобы превратить мнестические следы травматического события в исполнение желания; в данном случае процесс срывается. Мы можем упорядочить вещи следующим образом: есть видения в снах, которые оставляют субъекта на стороне сна, которую вслед за З. Фрейдом можем назвать «безобидным галлюцинаторным переживанием» [6, с. 116], но есть и другие, которые пробуждают субъекта и противостоят ему с тем, что не удалось выработать, влечением, граничащим с травматической фиксацией.

Для Ж. Лакана статус бессознательного в клинической практике не онтологический, а этический. Он говорит, что вполне законно, что кто-то не надеется ни на сон, ни на его смысл. Но, «должно быть, изначально существует субъект, который, напротив, решает не быть равнодушным к фрейдистскому феномену» [2]. Не быть равнодушным к фрейдистскому феномену — это не то же самое, что толковать сны по-фрейдистски, — значит решиться быть анализирующим и, более того, анализирующим из собственного «Я ничего не хочу знать». Анализирующая позиция выходит за рамки этой легитимности, и она предполагает форсирование, которое проявляется во сне об инъекции, сделанной Ирме. Во всяком

сне, говорит З. Фрейд, есть сподвижник капиталистический и сподвижник промышленный: «двигатель сновидения» и «причина сновидения». Двигатель — бессознательное желание, а причина — остальное, то есть то, что осталось невыясненным. Это то, что З. Фрейд называет работой сновидения.

Что касается «техники» психоаналитика, когда пациент сообщает о сновидениях, то следует учесть, что бессознательное, как и сновидение (по З. Фрейду «via regia»), интерпретирует Реальное и наслаждение. Аналитический акт, относящийся к сновидению, должен не придавать значения тому, что является чистым наслаждением через игру буквы. Когда психоаналитик указывает (также, возможно, сокращает сессию) решающее значение, как для создания такого сна, так и для симптома, объекта и наслаждения субъекта, он допускает ограничение симптоматического наслаждения там, где смысловая интерпретация может подпитывать наслаждение пациента.

Психоаналитик работает с означающими пациента (сокровищницей означающих, по Ж. Лакану [4]), выделяя такие означающие, принимая при этом меры предосторожности, чтобы пациент осознавал двойные смыслы соответствующих означающих, допуская появление сейчас или в последующих сессиях других означающих-пределов того же рода, на которых пациент мог построить свой неделимый «миф-дуэль».

Психоаналитический акт, направленный на загадочный аспект означаемого и игру буквы, отличается от интерпретации смыслом, от того, что уже есть толкование сновидением. Аналитик мог бы, в зависимости от случая и этапа анализа, поставить вес своего поступка либо на поиск смысла, либо на действительность наслаждения пациента (как и чем тот наслаждается), в связи с загадкой означающего и игрой буквы (вне смысла) и в связи с объектом как конденсатором наслаждения.

Если истина сновидений заключается, согласно З. Фрейду и Ж. Лакану, в самом сновидении, то единственный, кто может привнести в него смысл, это сам сновидец (пациент). Ответственность на нем. Смысл сновидения открывается не психоаналитику, а пациенту, не через интерпретацию, а через толкование (по З. Фрейду). Исследование сновидения как

фантазматической конструкции отнюдь не предел психоаналитического исследования. Именно по этой причине психоанализ — не герменевтика, а уж тем более не интеллектуальная игра оригинальных интерпретаций.

Анализ устремлен к пределам, и чтобы к ним приблизиться, нужно понять, как образуется форма сновидения у конкретного пациента. Для нас важна сама работа сновидения пациента, а не его скрытое содержание, важен процесс, а не оппозиция скрытого/явного/тайного, манифестного/латентного. Мы говорим вслед за З. Фрейдом про исследование психической поверхности [1].

Если мы рассматриваем сновидение как текст, то есть как хорошо связанное целое, онейрический опыт оказывается представлен в объективном продукте. Сон, пока он продолжается, — это опыт, а не текст. Воспоминание об этом переживании, независимо от того, сообщается оно или нет, отражено в тексте сновидения. Сновидение становится текстом в тот момент, когда закончился его первоначальный опыт: точно так же, как опыт бодрствования может стать текстом, как только мы сможем размышлять о нем как о «чем-то, что произошло» с нами.

З. Фрейд писал, что сновидение — это сценическое действие. Вспомним элементы нарратива, чье повествование можно разделить на две фундаментальные части:

— *история* — это содержание или цепь событий, то есть действия и события, которая исключает те элементы, которые могут быть описаны как контекстуальные переменные;

— *дискурс* — это форма выражения или средство, с помощью которого передается содержание.

Проще говоря, история представляет то, что описывается в повествовании, а дискурс связан с тем, как происходит это повествование. В клинической практике мы делаем больший акцент на дискурсе сновидения пациента.

Возникновение и содержание сновидений в клинической практике обычно оценивается с помощью следующих средств:

— *Ретроспективное интервью и опросники*. Проводятся сразу после пробуждения пациента каждое утро, требуют долговременной памяти и метакогнитивного осознания.

Ретроспективные шкалы частоты сновидений дают оценку частоты сновидений и согласуются с данными метода прерывания сна. Чаще всего используется Night Dreaming Frequency Scale, которая позволяет оценить специфику сновидений, частоту, детализацию, яркость и осознание.

— *Ведение дневника сновидений*. Требует участия долговременной памяти о прошедшей ночи пациента. Состоит и пяти листов бумаги А4. Пациенту предлагается сообщить о своих снах на протяжении 5 дней и не сообщать о каких-либо предыдущих повторяющихся снах или кошмарах. В верхней части каждой из следующих пяти страниц находится место для даты сна. В инструкциях говорится, что нужно как можно полнее описать, что именно произошло во сне и какие эмоции пациент испытал во время сна. Пустое место предназначается для записи повествования о сновидении. Вторая инструкция требует от пациента проверить все эмоции, которые он испытывал во время описанного выше сновидения. Далее следует список эмоций К. Изарда.

— *Прерывание сна*. Прерывание сна является наиболее «прямым» методом и, по-видимому, в первую очередь зависит от состояния кратковременной памяти пациента.

— *Техники «Нарисовать сновидение»*. Вспомним клинический случай С. Панкеева (Человека-Волка), описанный З. Фрейдом, когда тот пересказывает свое сновидение и рисует его (рис. 1). Рисунок, конечно, не передает темпорального повествования. Он возвращает сновидению его изобразительный характер, но при этом выхватывает лишь один аффективно заряженный эпизод из повествования. Рисунок в психоаналитическом пространстве располагается между сновидением и пересказом. В пересказе сновидения С. Панкеевым фигурирует 6-7 волков, но изобразить на рисунке «6 или 7» невозможно. На рисунке может быть либо 6, либо 7. В этом отношении рисунок столь же строг, сколько и логика бодрствования. Однако, на рисунке их ни 6, ни 7. З. Фрейд, глядя на эту картину, объяснял сокращение числа волков сказкой «Волк и семеро козлят», в которой волк съедает 6, а 7-й прячется в часах. Стрелки на часах останавливаются в привычном месте — V. Пять часов— пять волков. Число волков предписано не двумя

волками первосцены С. Панкеева, а ее временем. Число волков предписано мертвой буквой остановленного времени встречи с Реальным (по Ж. Лакану). Пересказ дает возможность менять точки зрения на сцену. Иначе говоря, в пересказе также содержится оптическая диспозиция, но она переменна. Рисунок же устанавливает определенную позицию [1].

Рис. 1. Изображение сновидения о волках, сделанное С. Панкеевым.

— *Техника «en detail»* (по З. Фрейду). Анализируя сновидение «Об инъекции Ирме», З. Фрейд сначала разложил его на составные части, а затем подвел к ним ассоциации и подверг их толкованию. Важно то, что деление на части осуществляется не в согласовании с «бодрствующей-рациональной» логикой, то есть не в соответствии с семантикой, со смыслом, а в связи с незамедлительно возникающими ассоциациями (на что больше обратил внимание пациент, то и вызвало у него отклик) [1; 2].

Основываясь на лакановском подходе толкования сновидения, мы рекомендуем применять методы текстологического анализа, разработанные для художественных текстов. В частности, онейрический текст оценивается в общих чертах по 1) составу текста и определению его характера и 2) временной организации отчета, то есть по временам, используемым в отчете о сновидении. Рассказчик истории или эпизода может выбирать между двумя альтернативами: либо констатировать факты, следуя порядку, в котором они произошли в референциальной (или псевдореферентной) вселенной, либо манипулировать временными последовательностями повествования. Кроме того, 3) в эмоциональной организации повествовательный текст не излагает историю объективно и линейно, но каким-то образом организуется пациентом (как отправителем), чтобы соответствовать получателю (психоаналитику).

Отправитель (пациент) программирует моменты и способы получения данных, а получатель (психоаналитик) реконструирует историю, а также эмоциональные реакции получателя. С этой целью отправитель (сам пациент) может выбрать, как представлять историю. Анализ семантического уровня речи пациента, может быть понят двумя различными способами. В широком смысле — как глобальный анализ формальной организации текста, рассматриваемый с семиотической точки зрения, или в более узком смысле — как анализ эмоциональных единств или семем речи.

Изучаемые семантические поля представляют собой группы слов (существительных, глаголов, прилагательных или наречий), используемых для описания конкретной ситуации, окружающей среды или совокупности объектов, которые составляют часть нашей повседневной жизни и развиваются в наших ассоциациях. Семантическое поле — это область значения для совокупности слов, относящихся к данному предмету.

Когда мы анализируем сновидение пациента как текст, то обращаем внимание на речь пациента (означающие), которая отражает:

I. *Композицию* (место и контекст).

1) Наличие или отсутствие наблюдения, определяющего место, в котором происходила онейрическая сцена, и в случае такого присутствия, дальнейшее уточнение типа определяемого пространства (открытого или закрытого). Место может смещаться или отсутствовать.

2) Определение контекста повествования или того, что может быть определено как установка для онейрического повествования, уделяя особое внимание (в случае хорошо охарактеризованного контекста) описательному или эмоциональному качеству такого определения.

3) Наличие или отсутствие хронологических наблюдений, способствующих постановке сцены, в которой происходит действие.

4) Линейность или ее отсутствие в повествовательной последовательности (например, наличие или отсутствие флешбеков или разрывов в непрерывности и последовательности повествовательных текстов и т. д.).

5) Однородность или ее отсутствие в глагольных временах повествования и, если они однородны, временное распределение действия (настоящее, прошедшее или чередующееся).

II. *Эмоциональную организацию* (речь, аффект, и эмоциональность).

1) Структура повествовательной речи или преобладание прямой или косвенной речи или описаний, данных с позиции вне повествовательной последовательности.

2) Состав персонажей или определение положения сновидца, а также других возможных действующих лиц или наблюдателей онейрической сцены.

3) Прояснение или отсутствие эмоционального состояния сновидца (страх, гнев, тоска и т. д.).

4) Определение ситуации, представленной как фантастическая или реалистичная.

Библиографический список:

1. Мазин В. А. Онейрокритика Лакана. — СПб. Алетейя, 2013. — 148 с.

2. Dream, Its Interpretation and Use in Lacanian Treatment. — New York: Scilicet, 2020. — 208 p.
3. Kaltenbeck F. Extension du domaine du cauchemar // Savoirs et clinique. — 2020. — V. 1. — № 1. — P. 196—206.
4. Kovacevic F. A Lacanian approach to dream interpretation // Dreaming. — 2013. — V. 23. — № 1. — P. 78—89.
5. Lacan J. La troisième // La Cause freudienne. — 2011. — № 3 (79). — P. 11—33.
6. Miller J.-A. Habeas Corpus // La Cause du désir. — 2016. — № 3 (94). — P. 165—170.

THE LACANIAN APPROACH TO THE ANALYSIS OF THE WORK OF DREAMS

Melekhin Aleksey Igorevich
PhD, associate professor, psychoanalyst, somnologist, clinical psychologist of the highest qualification category, P. A. Stolypin Humanitarian Institute, Moscow

Abstract. For the first time, the article systematizes the main aspects of the Lacanian approach to the interpretation of dreams (the clinic of the signifier, desire, and psychoanalytic technique). The importance of conceptualizing the psyche as a structure containing registers of the Imaginary, Symbolic, and Real for interpreting the work of the patient's dreams is shown. It is shown that the dream should be considered as a dialectical thinking that takes into account the desire of the Other. The difference between the Freudian and Lacanian interpretation of dreams and the concept of unconscious desire is detailed. The method of textual analysis of dreams is described.

Keywords: dream, unconscious desire, clinic of desire, rebus

1.5. ПСИХОАНАЛИЗ НА «СЦЕНЕ» УНИВЕРСИТЕТА: К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОАНАЛИЗА С КАФЕДРЫ

Левчук Валерия Алексеевна
магистрант II курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье обсуждается проблема преподавания психоанализа и его включения в качестве одной из гуманитарных дисциплин в университетское расписание. С опорой на теорию дискурсов Ж. Лакана выявляется особенность дискурса психоанализа в его отличии от дискурса университета. Психоанализ — это специфический тип социальной связи, существующий в кабинете и направленный на исследование бессознательного, тогда как в дискурсе университета знание занимает господствующее положение. Автор исследует вопрос, возможен ли в разговор о субъекте бессознательного знания в университете, а также о том, каков статус психоаналитического знания сегодня, когда дискурс университета существует не только в стенах высших учебных заведений, но и захватывает все публичное пространство.

Ключевые слова: дискурс университета, прикладной психоанализ, преподавание, субъект бессознательного

Зачем психоанализу нужен университет и нужен ли психоанализ университету?

З. Фрейд размышляет на эту тему в тексте 1918 года «О преподавания психоанализа в университетах» [1]. Он пишет, что сам по себе психоанализ вполне может обойтись без университетов, поскольку обладает внутренними институциональными полномочиями для теоретической и практической подготовки специалистов. Однако, замечает Фрейд, такое положение дел является следствием выдавливания психоанализа из университета, его принудительной маргинализации. Вопрос заключается в том, готов ли университет включить психоанализ в том или ином статусе в список преподаваемых дисциплин.

Фрейд считает, что интеграция психоанализа в университетское пространство могла бы сослужить хорошую службу как университету, так и самому психоанализу. Так, он пишет о том, что изучение психоаналитической теории и практики может стать полезным для студентов психологических и медицинских факультетов, обладающих позитивистскими представлениями о психике, которые им прививаются в рамках обучения. Фрейд считает, что эти взгляды психоанализ способен пошатнуть и расширить. На гуманитарных факультетах преподавание психоаналитической теории смогло бы помочь их студентам освоить новый способ интерпретации социальных и культурных феноменов.

На первый взгляд кажется, что посыл Фрейда весьма оптимистичен. При этом остается неясным, что же тем не менее препятствует тому, чтобы психоанализ полностью «освоился» в университете.

В рамках данной статьи я бы хотела задаться следующим вопросом: так ли просто обстоит дело с отношениями психоанализа и университета? Кроме того, каков статус психоанализа в современной ситуации, когда дискурс университета [I] существует не только в стенах высших учебных заведений, но и захватывает все публичное пространство?

Сегодня психоанализ действительно широко изучается в университетах, создаются специальные психоаналитические кафедры. На гуманитарных факультетах читаются курсы по психоанализу. Психоаналитики часто выступают с публичными лекциями, обращенными к широкой аудитории слушателей, и эти лекции пользуются большой популярностью. Кроме того, представляется, что достаточно свободное владение психоаналитическим инструментарием, а также использование основных понятий теории Фрейда, таких как, например, «влечение», «вытеснение», «повторение», «нарциссизм», «идентификация» и так далее, становится для гуманитарных кругов чем-то вполне привычным и обиходным. В целом мы видим, что теория психоанализа приобрела огромное значение для общей антропологической, философской и экзистенциальной рефлексии.

Разумеется, можно сказать, что, с одной стороны, частичное встраивание психоанализа в дискурс университета может быть воспринято как щедрое и богатое перспективами приглашение к междисциплинарному диалогу. Однако в то же время, оказываясь в стенах высших учебных заведений, психоанализ как будто бы обнаруживает себя на определенной «сцене», параметры которой оказываются заранее заданы. На мой взгляд, эту сцену стоит исследовать.

Если мы не ведем речь о подготовке клиницистов, а рассуждаем об изучении психоанализа как теории и его преподавании с университетской кафедры, то перед нами в первую очередь встает проблема прикладного психоанализа. Другими словами, речь идет об использовании психоаналитической теории как интерпретационной парадигмы для аналитики различных социальных и культурных феноменов.

С одной стороны, существуют примеры блестящего прикладного психоанализа: достаточно обратиться к самому Фрейду и его работам, посвященным искусству и литературе. Кроме того, множество интересных и заслуживающих внимания работ было написано и другими аналитиками: Мари Бонапарт, Эрнестом Джонсом, Теодором Ранком и прочими — нет нужды перечислять всех, кто когда-либо обращался к анализу художественного творчества, литературных произведений или общественных феноменов. Однако в данном случае речь идет о работах, написанных изнутри самого психоанализа: то есть о работах, авторы которых — практикующие психоаналитики и носители психоаналитического знания.

С другой стороны, прикладной психоанализ рискует выродиться в довольно вульгарное и упрощенное использование теории. К примеру, автор ищет и, надо сказать, неизбежно находит у главного героя эдипов комплекс; однако в этом и прочих подобного рода прочтениях явным образом отсутствует понимание того, что же тем самым было сказано.

Здесь будет уместным привести показательный анекдот из биографии словенского философа Славоя Жижека. В ходе одной дискуссии его попросили проинтерпретировать картину. Жижек привел придуманную на ходу псевдо-лакановскую интерпретацию, проанализировав картину с использованием

таких понятий, как «экран фантазма», «объект а» и так далее. Публика была в полном восторге, а ведущая дискуссии отметила, что это очень глубокая и проясняющая все интерпретация. Однако на своей следующей лекции Жижек с гордостью рассказывал о том, что никто из участников дискуссии не понял, что то был всего лишь произвольным образом скомпонованный набор означающих, не имевший ровным счетом никакой смысловой нагрузки. Произведенный эффект смысла был задан лишь университетским диспозитивом, который превращает всякое отправляемое в его рамках высказывание в экзегетическую модель или же порядок знания. Этот забавный казус демонстрирует то, как легко можно обвести вокруг пальца дискурс университета.

Таким образом, речь идет об особом типе использования психоаналитической теории, с которым мы действительно зачастую сталкиваемся в академическом пространстве и которое совершенно лишает ее изначального содержания, а также упускает специфику самого психоаналитического знания.

Далее следует отметить проблему сопротивления психоанализу, которая редко обсуждается в академическом сообществе. Стоит сказать, что это вопрос, которым, разумеется, задавался уже Фрейд. Приведу отрывок из его рассуждений на эту тему из цикла лекций под названием «Введение в психоанализ»: «Вы можете спросить, почему эти люди, как пишущие книги, так и ведущие разговоры, ведут себя так некорректно, и склонитесь к предположению, что дело не только в людях, но и в психоанализе тоже» [8, с. 386].

Фрейд предвидел возникновение проблемного поля, связанного непосредственно с самой спецификой психоаналитического способа рассуждений. Это поле обнаруживает парадокс, состоящий в том, что психоаналитическое знание с вызывающей подозрения легкостью и одновременно с огромным трудом поддается усвоению. Действительно, довольно часто мы имеем дело с разного рода редукциями, однако несмотря на это, психоанализ как будто бы продолжает застревать у многих, как кость в горле.

Зачастую, когда лектор, не будучи психоаналитиком, пытается объяснить своим студентам, что такое психоанализ, он

описывает изобретение Фрейда, прибегая к ряду уже известных методологий, и приравнивает его к иным формам знания. Например, психоанализ очень часто сравнивают с «антропологической философией» или «философской психологией».

Подводя промежуточный итог этим рассуждениям, состоит зафиксировать следующее: на мой взгляд, главная опасность — это полная трансформация дискурса аналитика, который Лакан определил как особый тип социальной связи, существующий в кабинете и направленный на исследование бессознательного, в дискурс университета, где знание занимает господствующее положение [3]. В университетском дискурсе знание (S2) находится в позиции агента. Однако на уровне бессознательного этой социальной связи знание управляется господствующим означающим (S1), что делает его вовсе не нейтральным инструментом просвещения и передачи информации. Знание направлено на присвоение всякого избытка (a) — того самого, с которым имеет дело психоанализ.

Теперь я хотела бы перейти к обсуждению специфики психоаналитического знания.

Комментарий, который может помочь в определении взглядов Фрейда на этот вопрос —тридцать пятая лекция по введению в психоанализ, озаглавленная «О мировоззрении» [8, с. 399—418]. Мировоззрение, или Weltanschauung, — это исконно немецкое понятие. Для конца XIX века оно было связано с понятием Bildung, то есть образовательного проекта, свойственно гумбольтовской системе организации университетов и направленного на всестороннее совершенствование личности [7, с. 127—141]. Здесь стоит процитировать немецкого теолога и университетского профессора Рейнгольда Зееберга, который дал, пожалуй, одно из самых исчерпывающих определений Weltanschauung: «Weltanchsaaung — это духовное право на гражданство человека в сфере духа и следовательно оправдание его власти над чувственным миром. Оно позволяет человеку даже в отсутствие подробных специальных знаний понимать смысл и ценность некоторых областей человеческих устремлений. Оно и только оно делает человека человеком в подлинном смысле слова, ибо служит доказательством его духовности и его

богоподобия. Bildung — это следовательно обретение личностью Weltanshaaung» [7, с. 130—131].

В свою очередь Фрейд определяет это понятие как «интеллектуальную конструкцию, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоего высшего предположения, в которой, в соответствии с этим ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает свое определенное место» [8, с. 399]. В завершение той же лекции Фрейд говорит: «Я думаю, что психоанализ не способен создать своего собственного мировоззрения» [8, с. 415].

Известно, что Фрейд пришел к психоанализу после того, как отказался от гипнотического лечения, вынужден был оставить теорию соблазнения, а также после того, как провалилась его попытка найти нейрофизиологическое объяснение бессознательных процессов.

Он постоянно признавался в том, что буквально движется методом проб и ошибок, постоянно меняя свою теорию, будучи вынужденным преобразовывать ее в соответствии с тем, что он видел на практике. Известное утверждение, приписываемое Гегелю: «Если факты противоречат моей теории, то тем хуже для фактов», — совершенно неверно для психоанализа. Зависимость ровно обратная: каждый раз в каждом клиническом сеттинге и в каждом отдельном случае теория создается буквально заново.

Это связано в первую очередь с тем, что бессознательное — главный предмет теоретического и практического интереса психоанализа — имеет принципиально иной эпистемологический статус. Когда мы ведем речь о бессознательном, мы говорим в первую очередь о бессознательном знании [3, с. 31—44]. Что это за знание? В ходе XI семинара Лакан приводит следующую метафору: бессознательное подобно меню в ресторане, написанном на китайском языке. Другими словам, мы видим, что бессознательное представляет собой язык, но он нам совершенно непонятен. Бессознательное мыслит, однако сознательный разум не способен с ходу распознать его логику, поскольку речь идет о так называемых «первичных процессах» [10, с. 588—609].

По этой же причине и инструментарий, призванный сделать первичные процессы хоть в какой-то мере интеллигибельными, также воспринимается как довольно эзотерический и вполне может казаться «китайской грамотой». Достаточно открыть тексты ранних аналитиков, например, дебаты 20-х—30-х годов о природе женской сексуальности и значении фаллической фазы, в ходе которых всерьез обсуждаются психические репрезентации половых органов и соответствующие фантазмы, — и у неподготовленного читателя вполне правомерно может создаться ощущение, что люди, пишущие эти тексты, едва ли не бредят.

Кроме того, кажущаяся прозрачность самих фрейдовских текстов зачастую заставляет интерпретировать их через философскую или психологическую оптику, по причине чего упускаются отличительные особенности психоаналитической теории и практики.

Бессознательное не является резервуаром свободно плавающего либидо или потаенных желаний [3, с. 30]. На самом деле — это дискурс, который продолжает настаивать на себе в отсутствие сознательного говорящего. Бессознательное мыслит, поскольку условие его возможности — это язык; языковые отношения в бессознательном продолжаются, однако смысл, доступный сознанию, не работает или иссякает. Более того, бессознательное — это не только некоторое насыщенное семантическое пространство, которое поддается полной дешифровке посредством интерпретации. Ведя речь о бессознательном, мы всегда говорим о некотором остатке наслаждения (или влечения), который как раз и лежит в основе той или иной дискурсивной связи или же является ее продуктом. Однако самое главное заключается в том, что этот остаток неустраним. Психоанализ принимает сам факт неустранимости этого остатка, тогда как дисциплины, подчиненные логике Wissenschaft, Bildung и Weltanschauung, к которым относятся практически все гуманитарные дисциплины, напротив, работают на то, чтобы этот остаток устранить посредством введения все новых и новых объяснительных моделей. Аналитические операции и аналитический метод исследования разрывают означающую цепочку, открывая знание как область, в которой действует

желание. Истина для психоанализа будет связана не со знанием университета, с созданием определенной батареи означающих. Как говорит Лакан в ходе своего XVI семинара, страсть к истине [познания] может лишь сбить с толку. Истина для психоанализа будет связана с тем единичным способом, каким субъект бессознательного извлекает наслаждение из кружения вокруг утраченного объекта. Центральный вопрос всегда расположен в сфере причины, а точнее причины желания.

«Разговор о причине заходит, следовательно, тогда, когда нечто полагается как предмет для познания. Но функция познания одушевлена не чем иным, как желанием. Каждый раз, когда о причине, пусть даже в самом традиционном регистре, заходит речь, она оказывается тенью, или коррелятом того, что составляет в функции познания ее слепое пятно» [4, с. 286].

Итак, как же в таком случае возможно преподавание психоанализа и в какой позиции по отношению к университету он будет располагаться? Как уже было сказано выше, психоаналитическая теория направлена не на конструирование новой совокупности знаний, а на сеттинг, в котором возникает субъект бессознательного в качестве продукта аналитической ситуации. Важно понимать, отношения между теорией и практикой в психоанализе носят характер ленты Мебиуса: одно от другого совершенно неотделимо.

На мой взгляд, вопрос принадлежности к психоаналитическому стилю мышления — это вопрос наличия или отсутствия переноса на тексты Фрейда. Кроме того, тот факт, что теория Фрейда укоренена в определенного рода практике, делает позицию психоаналитика ангажированной, а вовсе не нейтральной, как могло бы показаться. Как справедливо пишет Жижек, университету сложно терпеть внутри себя ангажированную позицию [2], и мне кажется, что это одна из причин, по которой психоанализ подвергается маргинализации.

Однако вопрос о присутствии психоанализа в публичном поле, где доминирует дискурс университета, остается. На мой взгляд, несмотря на все опасности девиаций и искажений психоаналитической теории, это присутствие важно, и психоаналитикам не стоит полностью утрачивать контакт с более широким интеллектуальным и социальным полем, даже если это

и означает научиться изобретать различные способы и уловки для того, чтобы иметь дело с дискурсом университета. Полная изоляция «кабинета» парадоксальным образом лишает сам психоанализ его теоретической и практической значимости, а также умаляет вес публичных высказываний, отправляемых носителями психоаналитического знания. Субъект на кушетке — это всегда субъект культуры, поскольку бессознательное анализанта и социальное поле имеют точку пересечения, и эта точка — язык. В этом смысле неправомерно также и строгое разделение на частное и всеобщее, поскольку бессознательное трансиндивидуально.

Фрейд и Лакан, безусловно, отстаивали свое дело в публичном поле. Разговор о бессознательном важен. Необходимо также, чтобы высказывание носителей психоаналитического знания имело определенное влияние, и не только как новая объяснительная модель, а как дискурс, который способен производить структурные эффекты благодаря своей нацеленности на Реальное. В противном случае психоанализ рискует присоединиться к тому, что на одной из своих лекций Коллет Соллер, со ссылкой на раннее лакановское понятие, охарактеризовала как «культуру пустой речи». В данном случае под «пустой речью» понимается не противопоставление некой неподлинной речи и речи аутентичной. «Пустая речь» — это речь, слепо воспроизводящая определенный порядок означающих и нескончаемо перемалывающая дискурс в своих жерновах, однако при этом полностью отрезанная от бессознательного знания и его причины.

В пользу интеграции психоанализа в университетское пространство (и шире — в публичное поле) говорит и другая актуальная проблема: психоанализ успешно «маринуется» в емкостях маленьких психоаналитических сообществ, враждебных по отношению к внешнему миру и друг к другу на уровне «нарциссизма малых различий» [9]. Такое положение дел вполне может привести к тому, что Виктор Мазин в одном из своих текстов формулирует как «уничтожение психоанализа самим же психоанализом» [6].

Итак, может ли психоанализ одновременно избежать превращения в дискурс университета и самоаннигиляции, которая

грозит ему вследствие институциональной сегрегации? И может ли университетская кафедра помочь ему в этом? Ведь очевидно, что психоаналитическое знание в полном смысле этого слова невозможно добыть в стенах университета — для этого требуется опыт собственного анализа. «Психоанализ не передается университетским путем», — в этом смысле психоаналитик, выступающий с кафедры и рассказывающий студентам о том, что такое психоанализ, безусловно, не должен заниматься производством образованного или просвещенного субъекта, способного пользоваться набором определенных теоретических инструментов.

На мой взгляд, преподавание психоанализа должно строиться на том, чтобы вовлечь субъекта, продемонстрировав ему, хотя бы даже и украдкой, специфику открытой Фрейдом области знания о бессознательном. Полагаю, что техника преподавания, как и техника интерпретации — это вопрос индивидуальных «уловок» и «изобретений» для каждого из психоаналитиков, время от времени заступающих на позицию преподавателя. Фрейд определил и психоанализ и преподавание как две невозможные профессии, поэтому каждый изобретает в такой ситуации свои собственные пути.

Считается, что, направляясь в Америку, Фрейд сказал Юнгу следующее: «Мы везем им чуму». Так вот, мне представляется, что преподавание психоанализа работает именно в логике «заражения». Более того, стоит смириться с тем, что результаты этого заражения заведомо непредсказуемы.

Итак, чем может оперировать психоанализ, оказываясь в пространстве университета? Я бы сказала, что это внимание к порядку бессознательного и понятых в соответствующей перспективе желанию, наслаждению, переносу и тревоге. Это вкус к тому, что дискурс университета оставляет за скобками, посчитав отбросами производства знания. Здесь хочется упомянуть, что все те же самые понятия зачастую интерпретируются в терминах психологии, и отдельной задачей будет продемонстрировать строгий антипсихологизм психоанализа. Однако это отдельная тема, для которой объем данной статьи, разумеется, не может быть достаточным.

В завершение я хочу подвести итоги своих рассуждений. На мой взгляд, психоанализ должен заниматься своим делом, то есть бессознательным. При этом университет может стать для него площадкой, то есть союзником. Однако этот союз может стать успешным лишь при условии соблюдения психоанализом определенных «санитарных мер», связанных с тем, чтобы не предавать в процессе интеграции в пространство университета собственной этики и собственной специфики.

Примечания:

I. Речь идет о том определении, которое Ж. Лакан дает дискурсу университета в рамках своей теории четырех дискурсов. Далее об этом будет сказано более подробно.

Библиографический список:

1. Freud S. On the Teaching of Psychoanalysis in Universities // Freud S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. — V. XVII (1917—1919): An Infantile Neurosis and Other Works. — London: The Hogarth Press; The Institute of Psychoanalysis, 1955. — P. 169—174.
2. Zizek S. Jacques Lacan’s Four Discourses [Электронный ресурс]. — URL: https://www.lacan.com/zizfour.htm (дата обращения: 01.05.2021).
3. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинары: Книга XVII (1969/1970)). — М.: Гнозис, Логос, 2008. — 272 с.
4. Лакан Ж. Тревога (Семинары: Книга X (1962/1963)). — М.: Гнозис, Логос, 2010. — 424 с.
5. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). — М.: Гнозис, Логос, 2017. — 304 с.
6. Мазин В. А. Экспонировать психоанализ [Электронный ресурс]. — URL: https://russia.ecpp.org/mazin-va-eksponirovat-psihoanaliz (дата обращения: 01.05.2021).
7. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890—1933. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 648 с.

8. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. — М.: Наука, 1989. — 456 с.
9. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Хрестоматия в 3 т. Т. 2: Вопросы общества и происхождения религии. — М.: Когито-Центр, 2016. — 446 с.
10. Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: ООО «Фирма СТД», 2004. — 681 с.

PSYCHOANALYSIS ON «STAGE» OF THE UNIVERSITY: TO THE QUESTION OF TEACHING PSYCHOANALYSIS IN THE UNIVERSITY DEPARTMENT

Levchuk Valeria Alekseevna
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article discusses the problem of teaching psychoanalysis and its inclusion as one of the humanitarian disciplines in the university curriculum. Based on Jacques Lacan's theory of discourses, the specificity of the psychoanalytic discourse is revealed in its difference from the university discourse. Psychoanalysis is a specific type of social link that exists in the psychoanalytic office and is aimed at exploring the unconscious, while in the university discourse knowledge occupies a dominant position. Is it possible to talk about the subject of unconscious knowledge within the university? What position does the psychoanalytic knowledge occupy in an era when the university discourse exists not only within the walls of higher educational institutions, but also captures the entire public space?

Keywords: university discourse, applied psychoanalysis, teaching, subject of the unconscious, psychoanalytic discourse

1.6. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СУБЪЕКТА ПОЛИАМОРИИ

Тихопой Виктория Вадимовна
магистр философии,
студент ФГАОУ ВО УрФУ им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

Аннотация. В статье рассматриваются отношения полиамории, анализируется субъект таких отношений с позиции структурного психоанализа Ж. Лакана. Показывается, какая именно структура из трех (невротик, психотик, перверт) может быть наиболее подходящей для таких отношений. Иллюстрируется, как идеология отношений организует направленность желания субъекта.

Ключевые слова: полиамория, желание, психоанализ Ж. Лакана, идеология

Тема полиамории имеет достаточную освещенность в публицистических и условно научных работах. Однако эти тексты, как правило, носят дескриптивный характер либо имеют политические цели, работая как инструмент идеологии, в некоторых случаях пропаганды. Массив информации по данному запросу в поисковых системах интернета представлен не только статьями в научных и популярных изданиях, но и материалами в социальных сетях. Эта информация составляет общее поле для взаимодействия и в целом определяет формат, который задает и регулирует данный вид взаимоотношений.

Полиамория, несмотря на свою схожесть с другими немоногамными способами построения взаимоотношений, является достаточно новым описанным способом отношений в романтическом поле. А также представляется особой практикой, приобретающей популярность. Распространение такого типа взаимоотношений связывают с так называемым кризисом традиционной бинарной семьи и с недостаточностью альтернативных вариантов взаимоотношений. В частности, полиамория, которую как правило дефинируют как особую систему этиче-

ских взглядов на межличностные отношения, включающую в себя одновременное наличие нескольких партнеров при условии согласия и одобрения всех участников таких отношений, должна стать понятием уникальным, чтобы не дублировать уже существующие типы немоногамных отношений (открытый брак, полигамия, свободные отношения, групповой брак и т. д.). Также полиамория должна иметь свои специфические признаки, по которым ее можно отличить от других форм взаимоотношений. Такими признаками становятся этические основания данного вида взаимоотношений и примат любви.

В оксфордском словаре термин «полиамория» определяется как «практика сексуальных или романтических отношений с двумя или более людьми одновременно» [1]. Обращается внимание на несколько аспектов: во-первых, честность, то есть провозглашение более этичной позиции тех, кто делает выбор в пользу именно такой практики взаимоотношений. Во-вторых, естественность: чтобы говорить о данном концепте, необходимо признать существование некой «человеческой природы», для которой определенные формы поведения будут не только более предпочтительными, но и органичными в силу исторического и иного развития. В-третьих, полиамория противопоставляется именно моногамии как практике, которая, по мнению разных исследователей, является «доктриной и предписанием, как жить и любить» [2].

Полиамория делает особый акцент именно на отношениях любви между партнерами, объявляя ее наивысшей ценностью, которая адресуется одновременно нескольким субъектам. С точки зрения психоанализа требуется рассмотреть, как возможна такая ситуация и возможна ли, если за модель сексуального становления берется эдипальный конфликт, постулирующий дуальность с принципиальным исключением третьего из этой системы. Лакан показывает, что этот третий может даже не наличествовать непосредственно в виде конкретного человека. Это символический третий, которого необходимо исключить. Таким образом, далее будет определено, какая модель организации психики должна лежать в основе подобных межличностных отношений и насколько эти отношения действительно могут быть реализованы на практике.

Полиамория утверждает свое преимущество перед остальными видами взаимоотношений, так как партнеры остаются предельно честными друг с другом, проговаривая свои переживания и устраняя возможность адюльтера, так как связи в таких отношениях не ограничены верностью только одному партнеру. В рамках полиамории понятие измены исключено, так как желание одного из партнеров уважается, и он, не покушаясь на исключительность своего партнера, может увлечься кем-то другим и начать с ним отношения параллельно, уведомив об этом всех участников такого союза.

Подобная честность и открытость членов полиаморного союза предполагает постоянную рефлексию относительно желаний субъекта. Если кто-то из участников такого союза захочет вступить в романтическую связь с кем-то еще, он уведомляет своего (своих) партнера (партнеров) об этом и свободно начинает развивать новые отношения, не скрывая их. Способность выдержать подобный формат отношений, где не нужно ничего утаивать и можно открыто переходить от партнера к партнеру, требует особой степени свободы в психическом и волевом отношении. А также особой ценностной системы, мировоззрения, допускающих подобные отношения.

Строго говоря, полиаморный союз начинается как союз двух субъектов, который может в перспективе расшириться путем установления отношений с другими партнерами. Конфигурации этих взаимоотношений могут быть какими угодно: иерархическими или нет, с возможностью проживания на одной территории, общим бюджетом, детьми и т. д. Однако изначально данная модель отношений возникает в противовес моногамному браку как неактуальной и отжившей модели парных взаимоотношений, которая не является подходящей многим людям. Аргументируется данная позиция тем, что такие браки распадаются, в семьях существует физическое и эмоциональное насилие, часто случаются измены, и люди в большинстве своем страдают.

Однако такая позиция не учитывает особенности самих субъектов моногамного союза, постулируя возникающие проблемы в парах свойством самих парных отношений, а не конкретными индивидуальными историями субъектов в каждой

из этих пар. Несмотря на то что некоторые трудности, возникающие в моногамных отношениях, кажутся типичными, причины их кроются в самобытности и воспитании субъекта как такового, а не исключительно вследствие того, что парные отношения своими ограничениями и требованиями являются проблемой.

В условиях текущих экономико-социальных обстоятельств необязательно, а иногда и осудительно поспешно заключать брак, планировать рождение детей. На первое место выходит возможность личной реализации, индивидуального бытия, замкнутого на субъекте. Субъект сегодня волен получать какое угодно образование или вовсе не иметь какой-то специальности, он может выбирать и менять место работы, может работать из дома, может не работать вообще. Отношения перестают быть чем-то особенным и ценным, возможности сети интернет предоставляют сайты и приложения по поиску и подбору партнера. Окружающая действительность диктует субъекту принцип наслаждения. Если желание субъекта — это желание другого [3, с. 33], то это желание распространяется на все сферы человеческого бытия. Отношения сжимаются до экрана смартфона, в котором выбор товара в интернет-магазине или выбор партнера на сайте знакомств практически не имеют никакой разницы.

В ответ на такую «атрофию чувств» [4, с. 41] якобы возникает полиамория как возможность существования одновременно и полиморфного желания, сопряженного с требованием потреблять больше, и практики, в которой помимо пресытившего полового контакта есть что-то еще. Искушение множеством любовных отношений кажется тем, что восполнит нехватку, которую не смогла устранить нуклеарная семья. Однако при такой постановке вопроса из виду уходит фундаментальный аспект нехватки и ее принципиальная неудовлетворяемость, а также языковая природа бессознательного, которая определяет выражение желания посредством означающих. Словно полиамория стремится решить вопрос недостаточности субъекта и его бытия, предоставив ему неограниченные возможности в выборе объектов любви и предоставления себя таким объектом.

Полиамория как отдельный термин может казаться избыточным в силу существования терминов и практик свингерства,

то есть обмена партнерами для секса, полигамии, свободной любви, открытого брака. В ответ на это теоретики полиамории акцентируют структурную недирективность данных отношений, незамкнутость границ, эмоциональную и любовную связь между всеми партнерами. Однако на практике эти принципы могут претерпевать изменения и приобретать черты других форм близости, что в свою очередь затрудняет процесс различения этих феноменов.

Отталкиваясь от идеального теоретического представления о данном концепте взаимоотношений, необходимо описать тот тип любви, на котором основывается полиамория. Речь идет об агапэ, то есть самозабвенной любви, которая является самоотверженной, отдающей, честной и открытой. Однако, как и в любом феномене, в полиамории любовь тоже претерпевает влияние самой практики. Помимо этого, полиамория включает в себя возможность гомосексуальных контактов, а также направлена на долгосрочную перспективу взаимоотношений. Отношение к гомосексуальности делает эту практику в том числе и политической, ибо отношение к сексуальной ориентации до сих пор является объектом исследований, споров, несогласия, образуя проблемное поле дискриминации, посредством которого происходит пересекание границ полиамории в том числе с ЛГБТ-сообществом.

Вследствие отсутствия социального давления, присутствующего в традиционных формах взаимоотношений, полиамория предстает как альтернативная форма отношений, иллюстрирующая множественный аспект желания, его полиморфность и гетерогенность. Однако в расчет не берется индивидуальный опыт пар, а также модель эдипального конфликта, которая так или иначе задает дуальность сексуальных отношений. В сущности, полиамория представляется субкультурой, особой дискурсивной практикой, направленной на экспериментирование с собственной идентичностью, сопряженной с проблемами, развернутыми в поле дискриминации по половому признаку и сексуальным предпочтениям.

Рассмотрим, как функционирует желание в романтических и сексуальных взаимоотношениях. Согласно психоанализу, первый опыт взаимоотношений субъект получает еще в раннем

детстве, в форме развернутого и актуализированного в его бытии эдипального конфликта. Желание направляется на родителя или значимого другого, который воспринимается ребенком как сексуальный объект и требует определенного рода разрядки накопленного напряжения. В речи фантазирующих об этом детей могут использоваться такие фразы, как, например, «когда я вырасту, то женюсь на своей матери», или указывающие на желание девочки родить ребенка своему отцу.

Желание изначально движимо другим, его желание запускает и фундирует желание субъекта. Изначально ребенок претерпевает личную недееспособность, которая компенсируется другим, ухаживающим за ним. Для большей наглядности установим, что этот другой — мать. Мать реагирует на потребности тела ребенка, удовлетворяет его жизненные нужды, со временем интерпретирует оттенки плача, понимая, чего именно хочет ее ребенок. Помимо этого мать особым образом демонстрирует свою любовь: в ласковом голосе, прикосновениях, заботе, общей нежности и тех словах, которые она обращает к своему ребенку. Фрейд утверждает, что удовольствие, которое младенец испытывает от этих ласк, связано с сексуальным удовольствием, и вызывает в нем определенную волну возбуждения, требующую разрядки. Таким образом, ребенок имеет своей первой сексуальной целью мать, которая тем не менее ему принадлежать не может. В случае с обнаружением реального отца (при его наличии), образуется классический эдипальный треугольник, однако даже при его отсутствии конфликт, демонстрирующий невозможность отношений с родителем, все же произойдет, как говорит Лакан, на уровне символического закона, то есть в поле речи и языка.

Символический закон в таком случае будет являться тем ограничителем, который сделает невозможными сексуальные отношения с матерью. Специфика его заключается в том, что выражение данного закона необязательно связано с конкретной родительской фигурой, оно закрепляется речью. В этой речи присутствуют означающие, взывающие к авторитету некой фигуры, способной регулировать возникшее у субъекта желание. В качестве такой регуляции может быть представлен простой отказ от того, что было выражено ребенком в качестве

запроса на удовлетворение, апелляции к совести или какому-либо сообществу, потенциально имеющему влияние на субъекта, как авторитетное и значимое. С другой стороны, в зависимости от структуры, к которой относится субъект, будет произведена операция по работе с этим символическим законом. Таким образом, субъект, требуя немедленного удовлетворения своего желания, встречается со специфическим отказом со стороны символического закона, на который последует определенная реакция, в зависимости от того, невротик, психотик или перверт перед нами.

Эдипальный опыт является первым образцом романтических отношений в индивидуальной жизни субъекта. Дуальность сохраняется, даже если ребенок воспитывался в большой семье с множеством нянь. Однако кто-то из них уделял больше внимания ребенку, был основным значимым взрослым, к которому сформировалась привязанность. Кроме этого, для самого ребенка будет существовать приоритет, например, при воспитании ребенка матерью и бабушкой, он будет предпочитать кого-то одного, в зависимости от разных обстоятельств. Так, бинарность заложена как образец, однако приверженцы полиамории для объяснения возможности одновременной любви к нескольким субъектам ссылаются на отношения сиблингов или самих родителей, у которых было несколько детей. Данная апелляция кажется недостаточно справедливой, ибо, строго говоря, любовь не может быть эквивалентной самой себе в разные моменты времени, так как имеет дело с разными сборками. Помимо этого, любовь, даже внутри семейных отношений, является частью коммуникации, которая в случае ее неудачности может эти отношения прекратить, и тогда ни о какой любви речи идти не будет. Таким образом, говорить об «одинаковости» в отношении любви к разным субъектам не представляется необходимым и возможным, а в случае полиамории это является высказыванием идеологическим, уравнивающим всех партнеров, а также определяющим любовь независимо от конкретной ситуации, а значит, представляющей отношения статично.

В ответ на то, что данная практика взаимоотношений существовала еще со времен Древней Греции, заметим, что

гетерогенность рассматриваемых сборок не позволяет произвести операцию сравнения и эквиваленции. Говорить о полиамории необходимо каждый раз по-новому, учитывая особенности социально-культурных групп, которые реализуют данный вид взаимоотношений, а также факт наличия новизны и тенденциозности данной практики в конкретное время.

Если предположить, что субъект полиамории вступает в такие отношения в ответ на кризис нуклеарной семьи и парных отношений, то необходимо определить, на что именно реагирует субъект как на кризис. Речь может идти о том, что в конкретных отношениях субъект не получил ожидаемого удовлетворения от них. И здесь важны мировоззренческие и ценностные установки конкретного субъекта. Если в его представлении партнер призван удовлетворять его потребности и соответствовать ожиданиям, то вполне вероятно, что один человек не сможет ответить на эти требования и окажется недостаточным. В случае, когда субъект имеет более, чем одного партнера, он получает некоторую гарантию неодиночества, что позволяет ему не вкладываться в отношения настолько, чтобы пытаться любой ценой их сохранить. Также его потребности, направленные на то, чтобы быть любимым, быть желанным, распределяются на нескольких партнеров, следовательно, создается иллюзия более полного бытия и компенсации невнимания, которое могло иметь место в истории субъекта.

Открывая измерение консьюмеристского умножения партнеров, возможно говорить о желании в полиамории как о желании, вписанном в логику капитала. В таком случае образование все более расширенных союзов может восприниматься с азартом, что в свою очередь не может не накладывать отпечаток на качество таких взаимоотношений. Возможность самого субъекта поддерживать близкие отношения с несколькими людьми, делиться с каждым из них тем, что является для него важным, может говорить о желании субъекта быть услышанным и признанным со стороны большого количества других, которые в каждый момент времени своим наличием подтверждают его существование. Однако подобная стратегия реализуема и не в рамках полиаморных отношений. Социально приемлемая реализация необходимости иметь самые близкие

отношения с пятью людьми («число Данбара»), согласно ограничению на количество социальных связей, которые человек может поддерживать, может быть выражена в семейных, профессиональных и дружеских отношениях. Однако отсутствие давления со стороны традиционных форм романтических и сексуальных отношений представляет полиаморию в качестве альтернативной возможности отношений будущего и настоящего. Ибо в таких отношениях декларируется любовь, дружба, сопереживание, включенность в жизнь другого, уважение, внимание, а не только сексуальная связь. Но в процессе реализации таких отношений может оказаться, что далеко не каждый субъект имеет возможность и желание в них состоять, а также выдержать такие отношения, иметь ресурс на их поддержание и развитие.

Рассмотрим самого субъекта этих отношений. Критерии для его описания будут основываться на лакановском подходе к типизации психики и представлении о трех структурах: невротике, психотике и перверте.

Говоря о системе Лакана, необходимо помнить о том, что его теоретический подход основывается на существовании трех регистров психики, которые в свою очередь неразрывно связаны и имеют неиерархическую структуру. В момент разворачивания эдипального конфликта, когда мать «уходит» и ребенок обнаруживает, что ей нужно что-то еще, помимо него самого, наступает момент, определяющий будущую структуру психики субъекта. Субъект воображает, что необходимо дать матери, чтобы стать объектом ее желания, предотвратив тем самым ее уход. Попытки найти способ стать таким объектом обречены на провал, ибо существует символический закон, или Закон Отца, даже если отец не присутствует непосредственно, закон этот накладывает свой запрет на это наслаждение. В зависимости от того, каким образом субъект поступит с этим запретом, будет сформирована структура психики.

Истерик получает наслаждение, предоставляя себя в качестве объекта-причины желания другого, для него множественность партнеров может оказаться более предпочтительной, так как будет удовлетворять направленность его желания в сторону объективации другим. Перверт же, в отличие от сомневающего-

ся невротика, уверен в том, где он может извлечь максимум своего наслаждения. Для него отношения полиамории становятся этим источником, так как предполагают открытую возможность получения удовольствия от множества сексуальных и романтических связей, не закрепленных институтом семьи, что в свою очередь является дополнительным каналом удовольствия, так как реализует его отказ от символического закона.

Позиция истерического субъекта и психотика кажется более вероятной для отношений полиамории, а также перверта — как того, кто может извлечь из такой модели максимум удовольствия. Однако если субъект приходит в такие отношения не из невозможности бытия в иных, то речь скорее должна идти о поиске собственной идентичности и попытках создать свою историю через определения себя как субъекта предельно свободных взглядов, знающего, чего он действительно хочет, и могущего позволить себе такой формат взаимоотношений, который будет радикально отличаться от декларируемого в данном обществе как доминирующий (моногамные отношения).

Идентичность, которую можно получить, будучи в отношениях полиамории, связана с желанием субъекта быть вписанным в некую общность. Однако для истерического субъекта такие отношения могут быть более привлекательными — в силу количества людей, которые станут для него тем другим, чьим объектом желания он хочет стать. Для истерика важна демонстративность, театральность поведения, тем самым он может реализовывать свое желание, ибо в таких отношениях он найдет особую драму. В полиаморных отношениях субъекты заняты подробным обсуждением своих чувств друг к другу, потенциальных новых партнеров, потребностей и нужд. Для истерика проговаривание своих состояний, связанных с отношениями, может стать еще одним источником наслаждения, наслаждением от речи. По этой причине подобные отношения могут стать для него тем местом, где его наслаждение найдет максимальную реализацию.

Субъект невроза навязчивости, вероятно, не сможет отдать отношениям полиамории приоритет, так как его тревожность относительно другого, у которого есть или может быть кто-то еще, только будет возрастать, приводя к еще большему

дискомфорту. Даже если в фантазиях он будет воображать другого партнера или отношения со множеством партнеров, подобная реализация может стать для него разрушительной, чего, однако, нельзя сказать о перверте.

Перверт как оборотная сторона невротика с большей долей вероятности предпочтет полиаморию, так как найдет в ней максимум удовольствия и наслаждения. Сценарий бесконечного поиска и обретения романтических и сексуальных партнеров сам по себе предполагает еще большее признание, любовь и удовольствие, извлекаемое из того, что себя не нужно ограничивать, нести ответственность перед одним партнером, а можно свободно вступать во всевозможные связи. Такая открытость как отказ от всякого регулятора, всякого закона, и есть сама структура перверсии, которая в данных отношениях может чувствовать себя наиболее органично.

Таким образом, дискурс о том, что отношения полиамории являются отношениями будущего, представляется несостоятельным в силу того, что потенциальная возможность выбора таких отношений есть и была во все времена. Более того, это не связано с так называемым кризисом нуклеарной семьи, ибо диадная структура является первичной для субъекта. Поэтому речь идет скорее не о «естественном» положении человека и его «природе», а о специфическом выборе субъекта, который руководствуется не столько чувством любви, которое в свою очередь не является свободным. Как пишет Ж.-А. Миллер, «психоаналитическое исследование показало, что совершенно изумительным образом существует почти что формула влюбленности для каждого субъекта. Иногда она может сводиться к почти математической формуле, например: некий мужчина желает женщину только в том случае, если она жена другого, и это условие всегда неизменно должно быть соблюдено» [5]. Таким образом, исходя из предпочтений, которым следует субъект при выборе партнеров, можно вывести некоторую закономерность, которая будет работать как «автоматон любви», тем самым лишая этот феномен ореола мистичности и возвышенности.

Субъект полиамории — это субъект дискурсивной субкультурной практики, которая определяется критериями,

правилами и кодексом, имеет свою символику, онлайн сообщества, сленг и систему ценностей, с претензией на особое мировоззрение. Спецификой субъекта полиамории сегодня является его затопленность идеологией потребительства и накопления, идеей полной свободы и особого рода этики. Этики, делающей акцент не на ответственности друг перед другом и собой, а на навязывании отсутствия ограничений, представляющейся добродетелью. Отсутствие таких ограничений ведет скорее к хаосу, нежели порядку и развитию. Таким образом, в отдельных случаях эксперименты с отношениями полиамории могут нанести урон и стать причиной психического расстройства, особенно в условиях недостаточной психологической зрелости, предполагающей осознание влияния на субъекта тех примеров и шаблонов взаимодействия, наблюдаемых с рождения. Отношения полиамории сегодня являются своего рода трендом и привлекают молодых людей своей кажущейся революционностью и новизной. Однако вопрос о готовности субъекта выдержать подобные отношения остается открытым, так как исторически формат серийной моногамии закреплен в сознании, а значит, требует серьезной трансформации и пересмотра теми, кто в данные отношения планирует вступать.

Библиографический список:

1. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/polyamory (дата обращения: 03.04.2021).
2. Карлин Е. А. Полиамория как форма отношений. Размышления в контексте психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. — URL: https://psyjournal.ru/articles/poliamoriya-kak-forma-otnosheniy-razmyshleniya-v-kontekste-psihoterapii (дата обращения: 03.04.2021).
3. Лакан Ж. Значение фаллоса // Лакан Ж. Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. — М.: «Русское феноменологическое общество»; Издательство «Логос», 1997. — С. 137—147.
4. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. — М.: Республика, 1998. — 393 с.

5. Миллер Ж.-А. Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций. — М.: Издательство «Логос», Издательство «Гнозис», 2017. — 184 с.

PSYCHOANALYTIC VIEW OF THE SUBJECT OF POLYAMORY

Tikhopoy Victoria Vadimovna
master of philosophy,
student of the Federal state autonomous educational institution of higher education,
Ural federal university named after B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg

Abstract. The article examines the relationship of polyamory, analyzes the subject of these relationships from the point of view of structural psychoanalysis J. Lacan. It is shown which structure of the three (neurotic, psychotic, pervert) can be most suitable for such a relationship. Also illustrates how the ideology of relations organizes the direction of the subject's desire.

Keywords: polyamory, desire, lacanian psychoanalysis, ideology

1.7. КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА В АСПЕКТЕ ИГРОВОЙ ТЕХНИКИ М. КЛЯЙН

Токарева Валерия Игоревна
магистрант I курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В данной работе выдвигается гипотеза о том, что компьютерная игра имеет сходство с детской игрой в теории М. Кляйн. На примере стратегии «Герои меча и магии III» проводится анализ сюжетных линий, в которых воплощены основные характеристики детской игры: символизация и репарация.

Ключевые слова: детская игра, игровая техника, детский психоанализ, бессознательная фантазия, компьютерная игра, символизация, репарация

Введение

Теория Фрейда о детской сексуальности и психической травме стала огромным вкладом в становление детского психоанализа. Однако Фрейд не был замечен в систематической работе с юными субъектами, а материал черпал из психоанализа взрослых или, в случае маленького Ганса, из записей отца мальчика. Фрейд считал, что психоанализ предъявляет к анализантам ряд требований, например, способность к свободным ассоциациям, переносу, а также некоторую «степень интеллигентности» [12], которым по определению не может соответствовать ребенок.

Анна Фрейд, одна из основательниц детского психоанализа, считала, что успешная психоаналитическая работа с детьми требует соблюдения достаточно жестких условий. Чтобы возник перенос, ребенка необходимо забрать из дома и поместить в интернат. Аналитик должен стать главной фигурой, замещающей родителей, и выполнять воспитательные функции. Перед началом анализа необходимо проводить с анализантом предва-

рительную работу по «введению» в психоаналитический дискурс [13, с. 31].

Мелани Кляйн доказала, что сложности анализа юных субъектов легко устраняются методом изобретенной ею игровой техники. Для этого аналитику не нужно заниматься воспитанием, помещать ребенка в особую среду или специально устанавливать с ним доверительные отношения. Достаточно дать ребенку игрушки. Главный постулат кляйнианского подхода в работе с детьми можно сформулировать так: «Свободная детская игра — это свободные ассоциации».

Кляйн всерьез относилась к игровой деятельности своих анализантов. Она заметила, что в игре дети воплощают сюжеты своих бессознательных фантазий, облекая их в форму объектных отношений. В игре ребенка выражалась тревога, которая устранялась посредством откровенных интерпретаций (А. Фрейд называла их «дикими»). Кляйн подчеркивала важность открытых бесед с детьми, отвечала на все их вопросы, особенно касательно сексуальной жизни родителей. Надо заметить, что в этом она следовала Фрейду, который считал, что маленькому Гансу не помешали бы рассказы о существовании влагалища и коитуса. «Я убежден, что вследствие этих разъяснений не пострадала бы ни его любовь к матери, ни его детский характер» [8], — пишет Фрейд.

Такой подход позволил М. Кляйн работать с детьми младше трех лет, что сделало его невероятно эффективным инструментом детского психоанализа [13, с. 31]. Детская игра — это деятельность, развивающаяся на депрессивной позиции, главная характеристика которой — возникновение чувства вины. Оно появляется, когда ребенок обнаруживает, что не только любит свой первичный объект, но и ненавидит его. Ненависть в бессознательной фантазии младенца тождественна физическому разрушению. Агрессивные импульсы порождают тревогу двух видов: персекуторную (страх за себя) и депрессивную (страх за любимый объект) [13, с. 169].

Персекуторная тревога — это паранойяльный страх преследования, который вызван ожиданием возмездия со стороны разрушенного ненавистью объекта. В ответ на свое «нападение» ребенок ожидает «ответный удар». Отношения с внутренними

объектами становятся конфликтными. Чтобы освободиться от этих болезненных переживаний и перевести отношения на новый, бесконфликтный уровень, ребенку приходится заменять «испорченные» внутренние объекты другими, еще ничем не опороченными, создавая таким образом прототип новых отношений [13, с. 378]. Такая замена одних объектов другими называется символизацией.

Депрессивная тревога — тревога за поврежденный объект, который ребенок разрушил в своих фантазиях. Это состояние весьма болезненно, и чтобы преодолеть его, ребенку необходимо фантазийно восстановить поврежденный объект, то есть совершить акт репарации. Успешная репарация возможна только при уже развитой символизации.

Таким образом, рассматривая игру как деятельность, возникающую на депрессивной позиции, необходимо выделить две ее основные характеристики:

1) Символизацию как защиту от персекуторной тревоги.

2) Репарацию как защиту от депрессивной тревоги, основанную на механизме символизации (рис. 1).

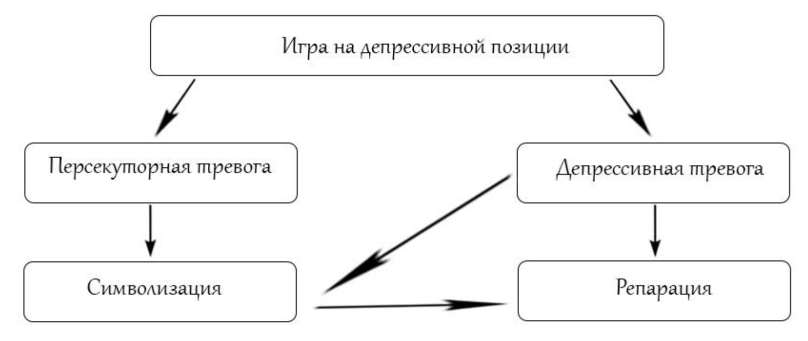

Рис. 1. Символизация и репарация как основные характеристики детской игры в теории М. Кляйн.

В данной работе мы хотим провести параллель между игрой ребенка и игрой взрослого человека, которая представлена компьютерным вариантом. В качестве примера мы остановили выбор на легендарных «Героях меча и магии III», признанной самой популярной пошаговой стратегией [14]. «Герои-III»

существуют с 1999 года, являются самой любимой фанатами частью франшизы и до сих пор активно развиваются фанатским сообществом [7].

Гипотеза

Мы считаем, что игра взрослого субъекта, как и игра ребенка, является формой экстернализации бессознательных фантазий [13, с. 488] и служит средством для разрядки внутренней тревоги и беспокойства, характерных для депрессивной позиции.

Схожесть взрослой и детской игры обусловлена отсутствием принципиальных отличий между детским и взрослым анализом. Кляйн рассматривала свободные ассоциации как игру с объектами, перенос — как бессознательную фантазию, а свое аналитическое внимание направляла на «младенца в пациенте» [13]. Она выделяла два логических такта становления психики: параноидно-шизоидную и депрессивную позиции, которые закладываются в первые месяцы после рождения. Постоянное колебание между этими позициями происходит в течение всей жизни субъекта.

Мы хотим показать, как символизация и репарация — основные характеристики детской игры — находят свое воплощение в компьютерной стратегии «Герои меча и магии III», что дает нам основания утверждать о схожести детской и взрослой игры. Мы рассмотрим две основные сюжетные линии «Героев» в аспекте игровой техники М. Кляйн.

Мы считаем, что это исследование полезно в первую очередь психоаналитикам и может стать дополнительным материалом для анализа современного субъекта в русле теории объектных отношений.

Символизация

Движение мысли Кляйн о развитии символизации можно проследить, начиная с цитаты Фрейда из работы «Вытеснение». Согласно Фрейду, вытесненное имеет три судьбы:

1) вытесняется совершенно полностью без следа;

2) превращается в аффект;

3) превращается в страх.

«Две последние возможности ставят перед нами задачу рассмотреть превращение психических энергий влечений в аффекты, прежде всего в страх, как новую судьбу влечения» [9].

Кляйн задавалась вопросом: как подавить загрузку аффекта при удачном вытеснении? По ее мнению, аффект от вытеснения существует всегда. Он может не иметь выражения и присутствовать в бессознательном только как диспозиция, а может перетекать в тревогу. Успех вытеснения зависит от того, насколько этот аффект может быть разряжен.

Исходно в каждом человеке присутствует первичная тревога, которая формируется в начале становления эдипальной стадии развития, со второго года жизни [13, с. 82]. Тревога вызвана вытесненными фантазиями сексуального, инцестуозного характера, среди которых могут быть фантазии о коитусе с матерью (желание проникнуть в тело матери), об ограблении содержимого тела матери, мастурбационные фантазии, фантазии о первичной сцене.

Что представляет собой бессознательна фантазия? Это репрезентация тех соматических событий в теле, которые являются физическим выражением влечений, которые ребенок интерпретирует как объектные отношения. Бессознательная фантазия — «строительный материал» любых психических процессов [13, с. 55].

Тревога, вызванная вытесненной фантазией, представляет собой тревогу кастрации. Здесь обнаруживается амбивалентность человеческой сущности: ребенок хочет обрести автономность (принцип реальности) и не хочет расставаться с матерью (принцип удовольствия) [3].

«Проводником» для разрядки тревоги являются Эготенденции (ego-tendencies). Эго-тенденции — это влечения Я (ego-instincts), но не в смысле влечений к самосохранению, которые у Фрейда противопоставляются сексуальным влечениям [6, с. 201], а в смысле направленности «обычной», не либидинальной энергии на объекты внешнего мира. В работе «О введении понятия нарцизм» Фрейд указывает, что энергия влечений Я — это не либидо, а «интерес» (Я-интерес).

Тревога кастрации «прилипает» к наиболее нагруженным Эго-тенденциям. Здесь тревога имеет два пути разрядки: торможение и сублимация. Торможение — это блокировка естественного осуществления психической деятельности [13, с. 490], которое выражается в недостатке склонности или способности к чему-либо. Торможение формируется путем переноса излишнего либидо на сублимации и считается нормальным, если возможности сублимации превышают тревогу торможения [4].

Сублимация — самый ранний канал для разрядки либидо. В основе сублимации лежит механизм символизации. Предшественником символизации является идентификация [4]. Сначала ребенок «открывает» свои телесные органы при встрече с любимыми объектами. Органы и части тела идентифицируются с объектами. На самом примитивном уровне бессознательной фантазии идентификация означает полное тождество. Знак равенства между частями тела и внешними объектами делает объекты источником сексуального удовольствия. Происходит вытеснение, при котором «излишек» либидо задает способность к сублимации.

«Путь аффекта» удачного вытеснения по версии М. Кляйн от вытеснения до сублимации представлен на рис. 2.

Рис. 2. «Путь аффекта» по М. Кляйн.

Таким образом, аффект образуется при вытеснении сексуальных фантазий, особенно активно развивающихся на эдипальной стадии, и находит разрядку в торможении или сублимации, одно из выражений которой — игра. Мы продемонстрируем, как сюжеты бессознательной фантазии, выраженные в символах, разворачиваются в игре «Герои меча и магии III».

Сюжет 1. Открытие новых территорий

Игра представляет собой большую карту, на которой сначала открыт только один маленький кусочек с городом и прилегающей территорией. Главная цель игры — отыскать волшебный грааль, который является вечным источником благополучия города. Чтобы найти его, герой открывает все новые и новые области карты на поверхности и в подземелье. Он путешествует по карте вместе со своим войском, завоевывает новые города и территории. Быстрый способ открыть сразу большую часть карты — посетить обелиск.

Фантазия о коитусе с матерью

Вспомним случай Фрица, семилетнего анализанта Кляйн [4], который много фантазировал о «Пипи-генерале», скачущего по улицам в сопровождении «Пипи-капелек». Мы будем двигаться за мыслью М. Кляйн в ее интерпретациях, которые позволят нам по аналогии разобрать символизм нашей компьютерной стратегии.

Дорога, по которой передвигается герой, и вся карта в целом символизируют мать, тело матери. Движение по дороге — проникновение в материнское тело, акт коитуса. Изгибы дороги, повороты во время движения — умение в коитусе. Сам герой, восседающий на коне, символизирует пенис. Желание проникнуть в тело матери связано с потребностью «исследовать его изнутри, изучить все ведущие в него и из него пути, а также процессы зачатия и рождения» [4].

Связующим звеном между символами и фантазией о коитусе является удовольствие от движения. В игре «Герои» движение персонажа на карте — не только средство, но и промежуточные цели. Герой захватывает шахты, чужие города, армии «диких» народов, которые может присоединить к своему войску бесплатно. Он имеет возможность получать по ходу движения приятные «бонусы», например, магические способности и артефакты. Путешествие может происходить не только по земле, но и по воде: для этого персонажу необходимо построить корабль. Движение становится приятным и интересным приключением.

Герой открывает карту не только поверхности, но и подземелий. Подземелья, в которые время от времени спускается герой, — это воплощение фантазий о возвращении в «мамин животик». Чередование подземного и наземного мира — смена внутриутробного и внеутробного существования, что дает субъекту одно из основных понятий о времени и ориентации во времени и пространстве.

Грааль, как главный желанный предмет, который герой стремится найти, символизирует лоно матери. А обелиск, который «открывает» карту и указывает путь к граалю, символизирует пенис, легкий и быстрый путь в мать.

Интерес к исследованию тела матери вытесняется из-за инцестуозных желаний. Но символизация позволяет сохранить его в сублимированной форме. Кляйн отмечает, что поддержание такого интереса незаторможенным означает развитие здоровой тяги к исследованию, учебе, новым знаниям. Свое утверждение она основывала на работе Фрейда «Леонардо да Винчи: воспоминание детства». Таким образом, игра «Герои» позволяет поддерживать жизнь в здоровом интересе к исследованию.

Мастурбационная фантазия

Контекст игры (передвижение по карте, поиск грааля, проникновение в подземелья и т. д.) может указывать не только на фантазии о коитусе с матерью, но и на мастурбационные фантазии, которые оказывают большое влияние на сублимацию.

Сексуальные фантазии являются заменой онанизма и могут быть связаны с играми, в том числе компьютерными. Мастурбационный акт младенца состоит из двух частей: сначала вызывается фантазия, затем производятся некие действия по самоудовлетворению на пике этой фантазии. Изначально эти действия носят аутоэротический характер, цель их — получение удовольствия от эрогенной части тела [10]. Кляйн придала мастурбационным фантазиям форму объектных отношений [13, с. 356]. Она считала, что игра, как широкое поле для сублимаций, символическим образом представляет собой часть сексуального акта с объектом. Например, она приводит случай тринадцатилетнего Феликса, который имел невротические фиксации и перерабатывал их в интерес к играм, в частности, к футболу. Его фантазии об игре являли собой замену онанизма.

По мнению Кляйн, мастурбационные фантазии — фундаментальный механизм любой игры, который является стимулом возвращаться к игре снова и снова [4]. Подтверждением этой мысли служит тот факт, что игра «Герои меча и магии III» остается чрезвычайно популярной в фанатских сообществах с 1999 года по сей день [7]. Примечательно также, что стратегия давно заброшена разработчиками, то есть, возвращаясь к любимой игре снова и снова, субъект попадает в практически неизменный по сути мир.

Как и в случае с фантазией о коитусе, мастурбационная фантазия также имеет большое значение для развития субъекта. Кляйн отмечала, что вытеснение фантазии о мастурбации равнозначно вытеснению воображения [4]. Поэтому возможность постоянного ее отыгрывания — залог ментального здоровья.

Фантазия об ограблении содержимого тела матери

«В психоаналитической работе обнаружено, что фантазии по исследованию тела матери, возникающие из агрессивных сексуальных фантазий ребенка, его жадности, любознательности и любви, содействуют интересу человека в исследовании новых стран» [1].

Помимо фантазии о коитусе с матерью существуют и фантазии, порожденные агрессивными импульсами. Жадность толкает ребенка испытывать желание атаки тела матери с целью ограбления его содержимого, в частности, младенцев, которые там находятся.

В игре «Герои» персонаж, открывая новые земли, попутно завоевывает различные объекты: шахты, рудники или «дикие» армии. Отбирая богатства земли, он отыгрывает свою фантазию об ограблении содержимого тела матери.

Агрессивные импульсы вызывают сильные переживания чувства вины и страха смерти любимого объекта. В бессознательном исследователя новая территория обозначает новую мать, которая способна заместить потерю настоящей (разрушенной) матери. Если первоначальный конфликт между любовью и ненавистью к объекту не был успешно разрешен, то это может привести к отворачиванию от любимых людей или даже к их отвержению. Страх, что мать может умереть от повреждений, которые нанес ей ребенок, делает зависимость ребенка от матери невыносимой. Ребенка между тем влечет к ослаблению привязанности к матери. Снова мы видим амбивалентность ситуации: младенец хочет отвернуться от матери, но и стремится воссоздавать ее вновь и вновь.

Поиск новой территории, которая отождествляется с новой матерью, — это акт репарации, осуществляемый посредством символизации.

Репарация

Репарация — самый сильный элемент творческой деятельности, которой является игра. В клинической практике Кляйн заметила, что собственная деструктивность доставляет детям огромные страдания. Все потому, что в бессознательной фантазии причинно-следственные связи прямые и буквальные. Возникновение ненависти к любимому объекту тождественно причинению ему вреда. Осознание своей «антисоциальности», обнаружение себя причиной страданий любимого объекта невыносимо для психики. Ребенок ищет средства вернуть себе свою «хорошесть». Это возможно, если объект, разрушенный

в фантазиях, будет восстановлен, репарирован. Символизация позволяет заменить внутренний объект внешним и перенести действие из поля бессознательной фантазии в поле сублимационной деятельности, в данном случае игры.

Хороший внешний объект есть хороший внутренний объект, так как он инсталлирован в Эго. В работе 1929 года, описывая либретто оперы, заметку о которой она увидела накануне в газете, Кляйн пишет: «Когда мальчик чувствует жалость к раненой белке и приходит к ней на помощь, враждебный мир превращается в мир дружественный» [5].

Кляйн отмечает, что желание совершить репарацию свойственно не только ребенку. Субъект хранит переживания вины на «заднем плане» всей своей жизни. Отношения с людьми во взрослом возрасте конструируются по тому же принципу, как они строились с первичными объектами в бессознательной фантазии. Существует все то же стремление «привести в порядок» разрушенный объект [1].

Игра «Герои» дает субъекту такую возможность. Мы рассмотрим, как это происходит, на примере сюжетов внутренней линии игры.

Сюжет 2. Герой и город

Помимо открытия новых территорий и поиска грааля, игроку необходимо увеличивать количество построек в городе: они дают ресурсы, генерируют новых существ (юнитов), повышают защитные силы города и статус героя.

Существа, обитающие в городе, ранжированы — от низших до высших. При этом каждый из них имеет два уровня воплощения: простой и улучшенный. Цель игрока — создать как можно больше построек для генерации юнитов более высокого ранга, поскольку они обладают преимуществами в бою. Юниты могут войти в состав армии или остаться внутри для обороны в случае вражеской атаки. Строительство объектов в городе, улучшение способностей героя и юнитов — это и есть внутренняя линия игры, в которой выражается ее репаративная тенденция.

Всемогущество

Особенность «Героев» — магия, которая в той или иной степени присутствует в каждом городе. Всего в игре представлено девять городов [15] со своей специфической атмосферой: героями, видами магии, построек, юнитов. Визуально города довольно четко делятся на «положительные» и «отрицательные», на «добрую» и «злую» магию, которая в них используется. Перед игрой, при установлении настроек, игрок может выбрать, с какой «командой» он хочет идентифицироваться сегодня.

Магия — это всемогущество, которым обладают герой и юниты высокого ранга. Кроме того, сам игрок ощущает себя всемогущим творцом, управляя своей армией и возводя города. Таким образом, всемогущество — элемент репарации в игре. Вера в собственное всемогущество зарождается на эдипальной стадии. Эта установка амбивалентна. С одной стороны, ребенок ставит себя на место могущественного отца, которое надеется когда-нибудь занять, с другой стороны, эта сила ограничивает его Эго, и он пытается устранить ее [3]. Это очень противоречивая сила: желание обрести всемогущество — удержание позиции удовольствия, а желание обрести автономность — растущее чувство реальности (неудовольствие) [11]. Между ними существует конфликт. Когда принцип реальности одерживает верх в этой борьбе, появляется потребность смягчить ограничение чувства всемогущества. Выходит, что уход во всемогущество — это способ субъекта справиться с давлением реальности.

Юниты высокого ранга во многих городах обладают сильными магическими способностями. Это те воины, на которых герой делает основную ставку в бою. Можно назвать их «помогающими фигурами», которые олицетворяют любящих родителей в бессознательной фантазии субъекта. Образ любимых родителей — это наиболее ценное имущество бессознательного, оно ограждает субъекта от боли полного опустошения [1].

Возможность деления персонажей игры на «хороших» и «плохих» отвечает требованиям депрессивной тревоги: чтобы

сохранить хороший объект в безопасности, его необходимо изолировать от плохого. Отыгрывание этого сюжета (изоляция, отделение, защита) крайне важно для укрепления внутреннего хорошего объекта. Помогающие фигуры являются источником утешения и гармонии, а отношения с ними ложатся в основу будущих дружеских отношений.

Репарация в «Героях меча и магии III» выражена не только в облагораживании города и персонажей, но и в возможности сохранить жизнь героя в бою. Если игрок понимает, что его армия имеет низкие шансы на победу, он может воспользоваться функцией «бежать с поля боя». В этом случае он теряет всю армию, но зато может выкупить героя в таверне со всеми заработанными артефактами и сохраненными параметрами.

Репарация — это основа любви. Можно сказать, что для психики ребенка характерно состояние «ожидания возмездия». Если младенец проявляет агрессивные импульсы к объектам, то ждет от них ответную агрессию. Если совершает акт репарации, то есть демонстрирует таким образом свою любовь, то и ожидает любовь в ответ. Кляйн отмечала, что репарация вмещает в себя способность брать и давать (давать — восстанавливать, брать — вбирать хорошесть восстановленного объекта), а соблюдение баланса между ними — это условие дальнейшего счастья [1].

Заключение

Параноидно-шизоидная и депрессивная позиции М. Кляйн изначально назывались «фазами» [13, с. 169]. Кляйн отказалась от привязки к возрасту субъекта, обозначив, что позиции — это психические состояния, которые формируются в раннем младенчестве, но в которые человек возвращается на протяжении всей жизни. Это доказывает, что психоанализ М. Кляйн не делает принципиальных различий между детьми и взрослыми. Материалом для анализа в обоих случаях являются свободные ассоциации, только у взрослых они проявлены в речи, а у детей — еще и в игре.

В случае анализа современного субъекта граница между детством и взрослостью стала более прозрачной. Это связано

с возникновением особого рода сублимационной деятельности — компьютерной игры. Игра сегодня — не привилегия ребенка, а доступная любому взрослому форма активности. На примере стратегии «Герои меча и магии III» мы установили, что основные характеристики детской игры — символизация и репарация — представлены в компьютерной игре. Это дает нам основания утверждать, что детская игра в теории Мелани Кляйн идентична компьютерной игре взрослого субъекта современности. Мы уверены, что в отдельных клинических случаях она может рассматриваться в качестве материала анализа наряду с речью.

«Игра — навязчивый симптом, в котором можно найти убежище» [5]. Что заставляет субъекта искать себе такое убежище? Это тревога депрессивной позиции, на которой зарождается способность к игровой деятельности. Причина тревоги — вытесненная бессознательная фантазия, которая оставляет аффект, требующий разрядки. Доступ к разрядке открывает символизация. Игра «Герои» предоставляет субъекту возможность расширить ассортимент используемых символов, что, в свою очередь, открывает путь к развитию способности получать наслаждение из различных источников внешнего мира. А это — залог простого человеческого счастья.

Библиографический список:

1. Кляйн М. Любовь, вина и репарация // Кляйн М. Психоаналитические труды в VII т. Т Т.II: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929-1942 гг. — Ижевск: ERGO, 2007. — С. 205—255.
2. Кляйн М. Психологические принципы раннего анализа // Кляйн М. Психоаналитические труды в VII т. Т. I: «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920-1928 гг. — Ижевск: ERGO, 2008. — С. 125—210.
3. Кляйн М. Развитие одного ребенка // Кляйн М. Психоаналитические труды в VII т. Т. I: «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920-1928 гг. — Ижевск: ERGO, 2008. — С. 11—81.

4. Кляйн М. Ранний анализ // Кляйн М. Психоаналитические труды в VII т. Т. I: «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920-1928 гг. — Ижевск: ERGO, 2008. — С. 95—133.
5. Кляйн М. Ситуации инфантильной тревоги, отраженные в произведениях искусства и творческом импульсе // Кляйн М. Психоаналитические труды в VII т. Т Т.II: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929-1942 гг. — Ижевск: ERGO, 2007. — С. 19—31.
6. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 751 с.
7. Пекло Е. 20 лет «Героям меча и магии III». Чем живет культовая игра сегодня // Мир фантастики: сетевой журнал [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mirf.ru/games/videogames/20-let-geroyam-mecha-i-magii-3-chem-zhivyot-kultovaya-igra-segodnya/ (дата обращения 02.02.2021).
8. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Фрейд З. Два детских невроза. — М.: ООО «Фирма СТД», 2007. — С. 9—124.
9. Фрейд З. Вытеснение // Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 113—127.
10. Фрейд З. Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности // Фрейд З. Истерия и страх. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 187—196.
11. Фрейд З. Положения о двух принципах психического события // Фрейд З. Фрейд З. Истерия и страх. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 11—22.
12. Фрейд З. Психоаналитический метод Фрейда [Электронный ресурс]. — URL: https://freudproject.ru/?p=11850 (дата обращения: 30.03.2021).
13. Хиншелвуд Р. Д. Словарь кляйнианского психоанализа. — М.: Когито-Центр, 2007. — 566 с.
14. Cheong I M. Top 10 Best Turn-Based Strategy Games for PC // Gameranx [Электронный ресурс]. — URL: https://gameranx.com/features/id/1054/article/top-10-best-turn-based-strategy-games-for-pc/ (дата обращения 02.02.2021).
15. Heroes III: Might and Magic [Электронный ресурс]. — URL: https://homm3sod.ru/ (дата обращения 30.03.2021).

COMPUTER GAME IN THE ASPECT OF KLEINIAN PLAY TECHNIQUE

Tokareva Valeriya Igorevna
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. This work presents a hypothesis that a computer game is similar to a child’s play in the theory of M. Klein. The article analyzes the plot lines of the strategy «Heroes of Might and Magic III», which embody the main characteristics of the children's play: symbolization and reparation.

Keywords: child’s play, play technique, child analysis, unconscious phantasy, computer game, symbolization, reparation

1.8. СТРУКТУРООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПУСТОТЫ В СОВРЕМЕННОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ И ЕВРЕЙСКОМ МИСТИЦИЗМЕ

Ким Мария Юрьевна
магистрант I курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается функция пустоты в процессе формирования структуры субъекта в психоанализе. Проводится параллель с областью религиозных представлений о Сотворении мира, в частности, с концепцией «цимцум», самосжатием Бога, в лурианской каббалистической школе. Автор делает предположение, что идея самоудаления Бога для возможности последующего творения может быть рассмотрена в качестве прообраза как череды утрат, способствующих усложнению психики, так и нехватки в сердцевине субъекта, задающей возможность желать.

Ключевые слова: психоанализ, пустота, нехватка, закон, Вещь, das Ding, цимцум, ex nihilo, Лурия, след

Психоанализ начинается с отсутствия. С отсутствия ответов на некоторые вопросы, прежде всего бытийного характера: о собственном существовании (кто я?), происхождении (как я появился на свет?) и месте в этом мире (кем я являюсь сейчас и куда я иду?).

Большинство религиозных и философских систем и построений призваны залатать эти пустоты. Ответы, формулируемые в тех или иных терминах, подставляются на место зияния, поскольку оно невыносимо. Зияние, согласно «Толковому словарю Ефремовой» [3], это процесс открытости, в котором обнаруживается глубина, провал, бездна. Зияние вопиет в субъекте, вызывая единственный неподдельный (то есть, не имеющий представления) аффект — тревогу. Потому-то субъект и спешит заполнить ее любыми удачно вписывающимися в его историю представлениями, заполнить пробелы порой даже не очень хорошо подогнанными кусочками мозаики.

Что же предлагает психоанализ в качестве ответов на эти вопросы? Конечно, нельзя говорить о психоанализе как о чем-то однородном, это прежде всего гетерогенная среда, с различными субъектами и их представлениями о том, что такое психоанализ и как это работает. Поэтому, говоря о психоанализе, мы будем исходить из той ее версии, которая была изложена Жаком Лаканом в его семинарах, и того, как была она понята нами.

Субъект рождается в поле Другого. Причиной тому является «преждевременность рождения», беспомощность младенца и зависимость его от Другого. Нет поначалу ни целостного образа тела, ни собственного Я, всему этому еще только предстоит возникнуть, благодаря заложенной в нем способности к речи. Результатом «стадии зеркала» становятся: сборка из фрагментированного и «раздробленного образа тела» в целостный нарциссический образ; выделение себя из окружающей среды и появление представлений о реальности как таковой; проведение границ телесного пространства, наряду с радикальным отчуждением себя в этом образе, усиливающимся в череде последующих идентификаций. Но запускается становление субъекта за счет ряда утрат и потерь: «Объект человека образуется лишь посредством первоначальной утраты. Ничто плодотворное не дается человеку иначе, нежели путем утраты объекта» [11, с. 195].

Так, возникновение Я наряду с целостным образом тела происходит за счет утверждения своего видимого образа тела в зеркале под взглядом Другого. Захваченность же этим образом не позволяет обнаружить взгляд идущий извне. Таким образом, только утратой взгляда обретается видение, способность как быть представленным для других, так и иметь представления самому [19, с. 125].

Утрата взгляда не единственная в этой череде утрат. Утратой на уровне орального влечения становится грудь или, точнее, сосок матери. А там где нет груди, появляется крик, как призыв Другого, там возникает «система, посредством которой субъект оказывается отнесенным к языку» [6, с. 111]. Таким образом, пустота ротового отверстия становится условием возникновения речи.

Анальное влечение локализуется у края ануса и связано с противоречивым отношением к объекту, который является для субъекта как «одновременно и он, и им быть не должно, и далее — это вообще не его» [7, с. 384]. Этот неусвояемый остаток накладывает отпечаток на любые отношения субъекта с утраченными объектами и тесно связан с требованием Другого. Ценность, придаваемая экскременту, поначалу контрастирует с исключением и неприкасаемостью этого объекта в последующем. Желание удерживать коррелирует здесь с логикой дара, задавая еще одну возможность усложнения психики субъекта.

Голосовое влечение занимает не менее значимую роль в процессе субъективации, в первую очередь в силу способности влиять на формирование инстанции Сверх-Я в психическом устройстве субъекта: «Сверх-Я также не может отрицать своего происхождения из услышанного» [15, с. 285]. Ушные отверстия становятся той зоной, благодаря которой субъект оказывается в поле речи Другого. Резонируя в пустоте уха, голос становится чем-то инородном и вторгающимся в тело, связывая его со словом и требованием Другого. Утрата этого голоса извне становится необходимой для вхождения в культурный и речевой порядок, в Символическое.

Важно отметить, что место нехватки должно непременно сохраняться пустым. Поскольку, когда на этом месте нечто возникает, столкновение с этим непременно переживается как тревога.

Воплощенным желанием матери ребенок может стать только в виду той нехватки, которая эту возможность задает. Если же место это всецело заполнено требованием, выражающимся, например, во всепоглощающей заботе о нем, «возможность для нехватки отсутствует» [7, с. 69]. В любой ситуации, воссоздающей момент возвращения в лоно, тревога являет себя. На уровне влечения наиболее явным образом тревога дает о себе знать, когда некоторые сокрытые, утраченные для субъекта объекты, вновь обнаруживают себя в местах их былого присутствия.

Сам образ субъекта, формирующийся как отраженный образ Другого, образуется вокруг места нехватки, объекта а,

наиболее пустом и одновременно наиболее либидинально нагруженном месте. При этом для субъекта в том месте, где он обнаруживает собственный целостный образ, это отсутствие остается невидимым, что и задает возможность его формирования.

Можно заключить, что каждая утрата объекта являет себя тем эффектом, который способствует усложнению психики, ее структурированию и приобретению ею нового качества. Примечательно, что в любой утрате подчеркивается связь ее с кромкой, отверстием, пространственной пустотой на теле, вокруг которого описывает свое кружение влечение. Измерение утраты задает движение и поиск утраченного объекта, а в невозможности заполнить новообразованную пустоту выкристаллизовывается субъективное поле.

Таким образом, в основе своей субъект предстает как пустота, обрамленная Символическим, творением, наподобие вазы, которая «была, быть может, первым продуктом человеческого ремесла» [10, с. 159]. Тем самым ваза эта, в качестве первого рукотворного творения человека, служила с незапамятных времен и прообразом Творения как такового.

С представлениями же о первом творении и о самом Творце всегда имелись некоторые противоречия. В частности, в представлениях о Сотворении мира некоей разумной и благой силой с неизбежностью возникает вопрос, которым задавались еще в средневековой философии, — о проблеме происхождения зла, проблеме теодицеи. Не вдаваясь в разнообразие подходов и мыслей на этот счет, подчеркнем только, что одним из наиболее распространенных ответов было представление о том, что зло заключено в материи и что Творец к нему никакого отношения не имеет. Но Лакан делает важное уточнение, в котором состоит некий смысловой сдвиг: «зло может заключаться в Вещи», «Вещи как том, что служит, по определению своему, определением человеческому — хотя человеческое-то как раз и ускользает от нас» [10, с. 163]. Вещь, das Ding, предстает как «открытая, зияющая брешь в сердцевине человеческого желания» [10, с. 112]. То есть не столько «падшая материя» заключает в себе некое условное зло, но в самой нехватке субъекта, в пустоте, толкающей на поиск, в самом способе желать может заключать-

ся то, что принято называть злом. Ведь «злом» может являться не только то внешнее насилие, чинимое над ближним, но и то внутреннее насилие по отношению к самому себе или причиняемое одной инстанцией психического аппарата по отношению к другой.

Но об этом способе желать, в котором быть может заключено нечто нарушающее «гармонию» творения, у субъекта зачастую нет никакого представления. Поскольку речь тут идет о чем-то доисторическом, о некоем «незапамятном», удачно описанном Жан-Люком Марионом в работе, посвященной анализу творчества Св. Августина: «Речь идет не о "слабости памяти", а о том, что "воспоминание не сумеет вернуть", о том, что заведомо "невозвратно", поскольку "никогда не присутствовало в настоящем" и всегда останется "прошлым, которое обходится без настоящего", которому настоящим стать не дано, поскольку оно никогда не было им, оставаясь "предшествованием, предшествующим любому предшествованию, какое можно себе представить"» [14, с. 103]. Вот почему поиски субъекта приобретают «характер анти-психический — по своему месту и своей функции он лежит по ту сторону принципа удовольствия» [7, с. 175]. Но поиски эти задаются не ранее, чем вступает субъект в диалектику желания и закона, не ранее, чем Закон не повелит ему «не возжелать» инцестуозный объект. И более того, Закон действует в «обе стороны», предписывая этому абсолютному Другому «не присваивать себе объект, порожденный тобою», «не варить козленка в молоке матери его». Речь тут идет о логике эдипализации субъекта и необходимого конституирования его психики смещения с позиции объекта желания матери посредством метафоры отца. Именно утрата этого объекта, оставленность Другим, задает впоследствии измерение нехватки и поиска в новом объекте всегда уже утраченного, наряду с усложнением психического.

Таким образом, в психоаналитическом подходе мы обнаруживаем, что в сердцевине субъекта находится ничто, пустота, нехватка, которая обнаруживается в связи с уходом, отсутствием Другого. Нехватка эта задается измерением Закона, которое с тех самых пор, как утверждается оно в субъекте, неразрывно связано с желанием.

Возвращаясь к теме Сотворения мира и области религиозных представлений, обнаруживается схожий принцип Творения, который отправляется от пустоты. Доктрина творения ex nihilo (лат. «из ничего») является стержневой для христианства, и ее утверждение одновременно знаменовало собой разрыв с античной философией. Ведь аристотелевская философия исходила из представления о вечности материи, а платоновская — имела в основании своем представления о Божественной эманации, о цепи существования, вечно исходящей от Бога в материальной вселенной, промежуточном царстве духовных существ, которые передавали божественную энергию в нижние области [21, с. 172]. И даже более радикально, творение ex nihilo оторвало вселенную от Бога, выявило тотальное несовпадение между творцом и тварью. Физический мир имеет совершенно иную природу, нежели сущность живого Бога, объекты материального мира более ничего не могут сообщить об этом неведомом Боге, поскольку созданы из-ничего, Бога в них нет.

Идея творения ex nihilo была призвана разрешить важный парадокс между божественным и тварным началом: если только Бог является единым Началом мира, то Бог должен был бы быть единосущным тварному миру, что практически невозможно было помыслить для святых отцов, поскольку в мире есть зло; или же необходимо было допустить существование предвечной материи как основы для сотворения мира, а значит признать два Начала — Бога и материю, что тоже входило в противоречие с тезисом о Боге как едином Начале. Следовательно, не имея начала ни в божественном, ни в предвечной материи, тварный мир мог быть сотворен только из ничего.

Но тут часто возникал волнующий для богословов разных религий вопрос: если Бог есть полнота и вездесущность, то каким образом возможно нечто иное по отношению к нему, столь несовершенное и временное? Ответ на этот вопрос возник в еврейском мистицизме, и далее в различных его вариациях проник в христианский мир и европейскую философию.

Речь идет о доктрине «цимцум» в лурианской каббалистической школе. Исходное значение слова «цимцум» означает «сосредоточение или самоудаление Бога». Однако доктрина содержала в себе более широкое представление об «удалении

Бога из некоей точки» [2, с. 5], акте самоограничения, чтобы «освободить в Себе самом место, покинув некую область, род мистического предвечного пространства» [17, с. 350], посредством чего только и становится возможно последующее творение. Таким образом, лурианская концепция пытается ответить на вопрос о возникновении самого небытия, ничто, из которого впоследствии было создано все. Лурия позволяет задаться вопросом не только о том как произошло творение, но о самих условиях, необходимых для творения.

Следует отметить, что сам Ицхак Лурия (1534—1572), известный цфатский каббалист, не оставил после себя никаких письменных источников. Источником его учений стали записи его учеников, самым видным из которых является Хаим Виталь (1543—1620), и его труд «Эц Хаим» («Древо жизни»).

Первым движением Бога, или Эйн-Соф, бесконечного Бытия, согласно этой доктрине, является «не движение вовне, но движение в себя, движение вспять, откатывание назад или удаление в самое Себя» [17, с. 351]. Примечательно то, как описывается этот процесс у Хаима Виталя: «Эйн-Соф сосредоточил (цимцем) Себя в центральной точке, в самом центре света Своего... Он сосредоточил свет этот и удалил его во все стороны от центральной точки, и тогда от этой вот центральной точки осталось пустое пространство, пустота, полный вакуум. Удаление это (цимцум) было равномерным вокруг этой центральной, пустой точки, так что пустое место это было кругом, совершенно равным во все стороны... потому что и сам Эйн-Соф сжал себя в форме круга равномерно во все стороны... И вот после этого сжатия... осталось пустое место и совершенно пустое пространство прямо в середине света Эйн-Соф» [2, с. 8].

В первую очередь описание это затрагивает проблему мест и некую топологию, что составляет важную часть религиозного восприятия мира. «Пространство неоднородно: в нем много разрывов, изломов; одна части пространства качественно отличаются от других» [18, с. 167]. Однако в отличие от пространственно-периферийной модели религиозного мира, к которой приходит Мирча Элиаде, в которой эта неоднородность «оформляется как противопоставление священного "Центра" и профанной периферии» [4, с. 27], в представлении

о цимцум мы видим скорее отсутствие привилегированного центра.

Подобное представление коррелирует как с фрейдовским описанием психики с ее «психической локальностью», так и с лакановскими размышлениями на тему топологических моделей, согласно которым топология представляет собой саму структуру субъекта, образованную вокруг пустоты или объекта а как объекта причины-желания. Возникающая же в результате описания акта самоудаления Бога фигура несколько напоминает тор, с помощью описания свойств которого можно помыслить устройство субъекта, с его различными типами пустот, децентрированностью и неразличимостью между внешним и внутренним: «трехмерная форма тора, чьи внешние объемы, как центральный, так и периферический, образуют одну-единственную область» [8, с. 90].

Или же можно усмотреть в описании акта цимцум более элементарную фигуру кольца, явно демонстрирующую оппозицию внешнее/внутреннее, поскольку «любая точка в центре находится в пределах этой фигуры и одновременно за ее пределами» [20, с. 98], подобно творению, которое находится как внутри самого божества, так и вне его пределов.

Вторым актом становится «развертывание», испускание Богом луча, акт манифестации и эманации: «луч света из сущности Эйн-Соф вносит порядок в хаос и приводит в движение мировой процесс, отделяет скрытые элементы и придает им новую форму» [17, с. 322]. Далее Г. Шолем подчеркивает присутствие двойного напряжения в этом двунаправленном космическом процессе света, испускаемого Богом, и возвращающегося к Нему: «И без этого постоянного напряжения, без этого неизменно повторяющегося усилия, которым Бог сдерживает Себя, ничто в мире не существовало бы» [17, с. 324]. По этому поводу Хаим Виталь пишет: «Также уразумей, что каждой стадии выведения новых светов предшествует явление цимцума» [17, с. 325], определяя первый акт как «цимцум ришон» (ивр. «первое сжатие»), что уже подразумевает некую последовательность, числовой ряд этих актов. Можно сказать, что налицо диалектическое движение, осуществляемое путем попеременных колебаний поступательных движений («гитпаги-

тут») и возвратных движений («гисталкут»), «сжатий» и «возвращений», нисхождения и восхождения, — иначе говоря, пульсация.

В психоаналитическом подходе это коррелирует с «пульсирующим характером функционирования бессознательного, с присущей ему, похоже, тягой к исчезновению» [9, с. 212]. Судьба субъекта с момента вхождения в символический порядок состоит в расщеплении. Расщепление это производится в связи с тем, что начало свое субъект являет в поле Другого — там, где возникает первое означающее. Складываясь в речах Другого, в означающих, чуждых ему по своей сути, субъект этот «делится надвое — появляясь в одном месте как смысл, в другом он обнаруживает себя как fading, исчезновение» [9, с. 233]. В этом принципиальном для него расщеплении берет свое начало диалектика субъекта, круговой процесс, «в котором субъект, призванный к Другому — в связи с тем, что увидел, как появляется в поле Другого он сам, — возвращается от Другого назад» [9, с. 221].

Сам акт манифестации, испускание луча, привносящего порядок в хаос, в таком случае можно обозначить как те речи Другого, обращенные к еще не говорящему субъекту, которые вводят его в эти круговые, но не симметричные по сути своей, отношения, которые «целиком зарождаются в процессе зияния» [9, с. 221].

Следует подчеркнуть еще один аспект цимцума, который выявлялся во всех ранних текстах, посвященных этой доктрине, и который выделяет Г. Шолем вслед за Лурией, — качество Божественной Строгости или Суда. До цимцума, в полноте Божества не было разделения, и Божественное Существо содержало в себе качества Любви и Милосердия наряду с качеством «Дин», — Строгости или Суда. С момента акта цимцума «Дин кристаллизовался и обозначился со всей определенностью. Ибо в той же мере, в какой цимцум означает акт отрицания и ограничения, он есть также акт суда» [17, с. 326]. Таким образом, в представлениях последователей лурианской каббалы, первый акт является также актом Дин, Божественного Суда, задающим границы и правильное определение вещей, за которым следует уже второй — испускание

луча света из сущности Эйн-Соф, приводящий в движение процесс творения и установления формы.

По мнению другого мистика из Цфата, систематизатора мистического наследия каббалы, Кордоверо, «качество Суда заложено во всякой вещи, поскольку все желает оставаться тем, что оно есть, то есть оставаться в своих границах» [17, с. 326]. Можно допустить, что не существует Суда без Закона. И тогда данный аспект цимцума также имеет строгий коррелят в психоанализе. Поскольку именно введение Закона, посредством «метафоры Отца» в речевое бытие субъекта вносит стабилизирующий характер в его Воображаемое и задает становление его в поле Другого посредством образования нехватки и желания. Стабилизирующий характер этот состоит примерно в следующем: внутреннее устройство субъекта и так называемая реальность в целом конституируются за счет представлений, которые условно можно разделить на словесные и предметные, означающие и означаемые; в виду постоянного скольжения означаемых под означающими, необходимы некие «точки крепления» (фр. point de capiton), благодаря которым это скольжение временно останавливается, и становится возможным формирование структуры субъекта наряду с окружающей его реальностью. Поскольку нельзя разделить становление реальности для субъекта от возникновения представлений об этой реальности. Вещи являют нам себя с момента их именования, с момента наложения символической сетки на реальность.

Но также именно с этим качеством Суда и Божественной Строгости связывали каббалисты происхождение зла: «в более глубоком смысле, корень всего зла заключается уже латентно в акте цимцум» [17, с. 327].

В психоаналитическом контексте вспоминается то, как неразрывно связаны между собой желание и закон, закон и Вещь. Отцовский закон, запрещая Вещь, удаляет этот объект навсегда из области представлений субъекта, делая его непредставленным и образуя на этом месте дыру. Вместе с тем Вещь как инцестуозный объект, мать, функционирует «на уровне бессознательного опыта, как то, что уже задает собою закон» [5, с. 217], закон материнского произвола, ее

уходов и приходов. А покуда субъект на этом уровне еще не располагает тем, что именуют защитой, и представления о хорошем и плохом, которые появятся впоследствии, не могут быть связаны с Вещью, («нет хорошего и плохого объекта — есть хорошее, есть плохое, а еще есть Вещь» [10, с. 85]), вписываются в его способ желать те метки, по которым будет искать он этот утраченный объект вновь. Исходом этого поиска порой могут стать страдания субъекта, причиняемые ему, по сути, устройством его желания. Желание же, в свою очередь, возникает в субъекте именно в связи с Законом, посредством запрета которого субъект узнает Вещь, что «порождает грех» как желание Вещи, и «посредством которого оно становится желанием смерти» [10, с. 111].

Обращаясь к представлению о возникновении первого творения, Лурия упоминает о некоторой предпосылке, заложенной в сотворенном Им пустом пространстве, без которой творение не было бы возможно.

Луч света, исходящий в темное пустое пространство, порождает первое возвышенное творение, в котором являет себя Бог и которое является первым «местом или сосудом, первичным вместилищем» света. Первое творение, или «Предвечный человек», — Адам Кадмон, является прообразом земного человека, заключающим в себе всю структуру эманаций, мир десяти сфирот. Однако сотворение этого «вместилища» стало возможно, поскольку «когда удержал [Он] от всякого места некую часть его, как будто отпечаток, каковой оставил, служил сей [отпечаток] основой (субстратом) и предуготовлением для порожденных, каковые могут возникнуть, и в первую очередь — для первого порождения» [2, с. 11]. То есть творение происходит в Боге, в пустом пространстве, из которого Он себя удалил посредством самоизгнания. Но внутри этого предвечного пространства сохраняется некий остаток Божественного света «ршиму», подобный остатку масла или вина в порожней бутыли [17, с. 330].

Как можно помыслить этот остаток, отпечаток Божественного в месте вне Бога в терминах психоанализа? Или, если переформулировать, каков тот след Другого, послуживший началом субъективации?

Сам момент вхождения в Символическое, в цепи означающих Другого, и становление тем, что именуется субъектом, характеризуются некой утратой частички своего бытия, объекта маленького а, и расщеплением этого субъекта: «при рождении своем субъект неизменно обращается к тому, что я охарактеризовал бы коротко как самую радикальную форму рациональности Другого. Результат может быть лишь один — субъект включается на месте Другого в цепь означающих, и хотя означающие эти не обязательно имеют то же происхождение, но след, ставший означающим, может теперь, так или иначе, отсылать только к ним» [7, с. 82]. Расщепленный субъект, субъект бессознательного располагается в зазоре между объектом причиной-желания и Другим, в котором этот объект а отчужден от субъекта. Психическая реальность субъекта, его фантазм, Воображаемое, прописанное Символическим, построен таким образом, что объект а уже включен в него и задает субъекту рамки его поиска, преследования этого объекта: «Фантазм, $ в отношении к а, как раз и знаменует собой вступление субъекта в это измерение и сведение его к нескончаемой цепи значений — цепи, которая зовется судьбой. От судьбы можно бесконечно увиливать, но весь вопрос в том, как найти начало этой цепи, понять, каким образом субъект в эту историю означающих впутался» [7, с. 86]. Таким образом, сам субъект являет собой тот неопознанный след, те стертые господские означающие (S1), которые представляют его для других означающих (S2), тем самым прописывая его судьбу. Иными словами, «след — это и означающее, и остаток от процедуры означивания» [13, с. 98].

Также следует упомянуть, что понятие мнемического следа является ключевым и для Фрейда. Ведь что есть модель психического аппарата, как не система различных типов записей с возможностью перевода из одной системы в другую. Мнемический след — это особого рода отпечаток, торение путей, поскольку мнемический след связан с другими следами и их особым размещением в различных «мнемических системах» [12, с. 528]. Имеется в виду различия топики в самой памяти, которые задают конституирование психики: «Я работаю над тем допущением, что наш психический механизм появляется на свет

в процессе стратификации: материал представленный в форме следов памяти подлежит время от времени переупорядочиванию в соответствии с новыми обстоятельствами — перезаписи. Новизна моей теории по сути дела заключается в том, что память представлена не один раз… Не знаю, сколько имеется таких регистраций, по меньшей мере, — три, может, больше» [13, с. 99]. Таким образом, весь процесс субъективации можно охарактеризовать как непрекращающееся присвоение и перезапись мнемических следов.

В рамки моей темы, к сожалению, не входит дальнейший и более подробный анализ множества интересных мотивов в лурианской каббале, таких как «швират га-келим» (ивр. «разбиение сосудов») с последующим обособлением сил зла «клипот» и рассеянием искр, которая содержит в себе драму космических масштабов и предполагает последующее участие человека в восстановлении гармонии и равновесия («тиккун» (ивр. «исправление»)). Интересным также является отношение в иудейской религии к языку. Однако упомяну еще только об одном историческом моменте, в связи с чем данные темы могут иметь некоторую актуальность в свете дальнейших разработок.

Каббалистические концепции и, в частности, доктрина цимцум, были широко известны и оказывали некоторое влияние на умы европейских философов. Одним из наиболее распространенных переводов каббалистических текстов в XVII в. была «Открытая каббала, или Трансцендентальное, метафизическое и теологическое учение евреев», составителем которой был Кристиан Кнорр фон Розенрот. Этот труд стал одним из основных источников знаний о каббале для людей находившихся вне традиции иудаизма.

По мнению некоторых авторов (И. Г. Вахтера, Ж. Баснажа, М. Иделя, Г. Шолема, Ф. Г. Якоби), каббалистические идеи оказали значительное влияние и на нидерландского философа еврейского происхождения — Бенедикта Спинозу, который, по мнению этих исследователей, был хорошо знаком с трудом Розенрота, в том числе и с концепцией «цимцум». Небезызвестен в биографии Ж. Лакана тот факт, что в годы его юности имел место длительный период увлечения философией Спино-

зы. Можно предположить, что в его воззрениях на природу субъекта в свете психоанализа можно обнаружить отголоски некоторых идей древних каббалистических учений.

Подводя итоги, можно сказать, что область религиозных представлений начинается с тех же вопросов бытийного характера, которые возникают у субъекта, приходящего в кабинет к психоаналитику: с вопрошания о собственном происхождении, существовании, судьбе. И большинство религиозных систем, так же как и психологических теорий, включая и некоторые психоаналитические, стремятся восполнить эту нехватку в субъекте, закрыть зияющую брешь, предоставить некий более-менее удовлетворительный ответ на запрос, на требование со стороны вопрошающего. Ценными, однако, представляются те теории и подходы, которые оставляют этот зазор открытым, смещают акцент с ответа на само вопрошание, зияние.

Религия, по мнению Лакана, в ее экзотерическом смысле является «способом этой пустоты избежать». Но в ее эзотерическом смысле религия призвана «эту пустоту уважать». Мистицизм же как раз являет собой именно эту оборотную и непризнанную сторону религии. Но «в любом случае пустота остается в центре» [10, с. 169].

Необходимость в такого рода обхождении с пустотой возникает, поскольку, как, я надеюсь, удалось очертить в этой статье, пустота является непременным условием становления субъекта, усложнения его психики, несет в себе структурообразующую функцию. «Нехватка, таким образом, носит радикальный характер. Она предстает в аналитическом опыте как коренное условие формирования субъективности» [7, с. 166].

Аналогичным образом удалось и некоторым религиозным воззрениям подчеркнуть это необходимое условие творения, этот «самый фундаментальный парадокс существования: мир может существовать только при условии отсутствия в нем Бога. Самоустранение Бога из Пустого пространства — это тот Господень дар, который позволяет существовать всему, что не Бог» [2, с. 29].

Возможно, что и само представление о Боге в психической жизни субъекта несет в себе некоторую необходимую

функцию, имеющую тесную связь с обнаружением собственного присутствия или, в хайдеггеровском смысле, бытия-в-мире. После чего представление это дает о себе знать в человеке преимущественно в качестве утраты или отрицания, переживания Его смерти или богооставленности [1, с. 23]. Так и опыт веры является чем-то вроде отсутствующего присутствия и становится возможным только в виду отсутствия Бога, в пространстве, оставленным Им.

Вся конструкция желания выстроена на нехватке, утрате субъектом частички своего бытия. Само название этого утраченного объекта, «объект причина-желания», подразумевает некий разрез в темпоральности: причина — как то, что предшествовало, и одновременно желание — как то, к чему устремляются. Название это призвано подчеркнуть как раз пустоту объекта, в погоне за которым все время оказывается субъект. И связано это ни с чем иным, как с самим его устройством, сердцевиной которого является дыра.

Библиографический список:

1. Андреас-Саломе Л. Вклады в психоанализ. — Ижевск: ERGO, 2012. — 104 с.
2. Бурмистров К. «Он сжал Себя в Самом Себе»: Каббалистическое учение о «самоудалении» Бога (цимцум) и его интерпретации в европейской культуре [Электронный ресурс] // История философии: ежегодник. — Т. 14. — 2009. — URL: http://www.intelros.ru/readroom/istoriya-filosofii/istoriya-filosofii-2009-vyp-14/ (дата обращения: 03.04.2021).
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — М.: Русский язык, 2000. — URL: https://www.efremova.info/ (дата обращения: 03.04.2021).
4. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. — М.: РГГУ, 2014. — 537 с.
5. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957—1958)). — М.: «Гнозис», «Логос», 2002. — 608 с.
6. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары: Книга I (1953—1954)). — М.: «Гнозис», «Логос», 1998. — 432 с.

7. Лакан Ж. Тревога (Семинары: Книга X (1962—1963)). — М.: «Гнозис», «Логос», 2010. — 424 с.
8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М.: Гнозис, 1995 .— 192 с.
9. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). — М.: «Гнозис», «Логос», 2004. — 304 с.
10. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959—1960)). — М.: «Гнозис», «Логос», 2006. — 416 с.
11. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. (Семинары: Книга II (1954—1955)). — М.: «Гнозис», «Логос», 1999. — 520 с.
12. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 751 с.
13. Мазин В. По следам природы человека, или Три фундаментальных человеческих фантазма о нечеловеческом // Лаканалия. — 2011. — № 6. — С. 96—106.
14. Марион Ж.-Л. Эго, или Наделенный собой. — М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик»; «Панглосс», 2019. — 159 с.
15. Фрейд З. Хрестоматия в 3 тт. Т. 1: Основные понятия, теория и методы психоанализа. — М.: Когито-Центр, 2016. — 636 с.
16. Шолем Г. Алхимия и каббала. — Б. м.: Salamadra P.V.V, 2014. — 104 с.
17. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. — М.: Мосты культуры, 2004. — 511 с.
18. Элиаде М. Избранные сочинения: «Миф о вечном возвращении»; «Образы и символы»; «Священное и мирское». — М.: Ладомир, 2000. — 200 с.
19. Юран А. Пустоты субъекта, или $◊a // Лаканалия. — 2011. — № 6. — С. 123—130.
20. Юран А. Топология Лакана // Лакан и космос. — СПб.: Алетейя, 2006. — С. 97—120.
21. Armstrong K. The Case for God: What religion really means. — P.: Bodley Head, 2009. — 384 p.

STRUCTURING FUNCTION OF THE VOID IN MODERN PSYCHOANALYSIS AND JEWISH MYSTICISM

Kim Maria Yuryevna

graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the function of the void during the formation of the subject's structure in psychoanalysis. A parallel is drawn with the area of religious ideas about the Creation, particularly, with the concept of «tzimtzum», self-contraction of God, in Lurianic Kabbalah. The author makes the assumption that the idea of God's self-removal for the possibility of subsequent creation can be considered as a prototype of series of losses, contributing to the complication of the psyche, and as a lack at the core of the subject, which sets the ability to desire.

Keywords: psychoanalysis, void, lack, law, Thing, das Ding, tsimtzum, ex nihilo, Luria, trace

1.9. АГРЕССИЯ И ОТНОШЕНИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО В ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (В КОНЦЕПЦИЯХ М. ФУКО И Ж. ДЕЛЕЗА)

Богач Елена Викторовна
бакалавр V курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Москва

Аннотация. В статье представлен психоаналитический взгляд на феномен агрессии и рассмотрены условия ее разворачивания в связи с социальными процессами современного общества. Согласно метапсихологической концепции агрессивности Ж. Лакана, напряжение агрессивности соответствует нарциссической структуре, свойственной человеку, и проявляется через образ телесной дефрагментации. Концепции современного общества М. Фуко и Ж. Делеза позволяют говорить об интернализации процессов контроля, что может способствовать усилению агрессивного напряжения.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, дисциплинарное общество, общество контроля, нарциссизм, идентификация

Ввиду множества существенно разных подходов к пониманию и определению понятия агрессии, необходимо прояснить основные положения, на которые целесообразно, на наш взгляд, опираться при исследовании этого феномена.

З. Фрейд касается темы агрессии в разных контекстах, задавая направления последующих исследований и в том числе обусловливая появление различных теорий агрессивности. Здесь целесообразно рассмотреть метапсихологическую концепцию Ж. Лакана [10] как наиболее близкую по смыслу к идеям основоположника психоанализа и фактически связывающую воедино его соображения в области понимания феномена агрессивности.

Прежде всего Лакан указывает на необходимость разграничения понятий агрессии и агрессивности. Агрессия представляет собой непосредственно действие, акт реализации

агрессивности. «Лишь в пределе, виртуально, агрессивность разрешается в агрессию. Однако агрессия не имеет ничего общего с витальной реальностью, это экзистенциальный акт, связанный с воображаемым отношением», — говорит Лакан [4, с. 235]. Таким образом, для интерпретации агрессии необходимо исследовать феномен агрессивности как неотъемлемую компоненту человеческого существования.

Лакан связывает трудности концептуализации понятия агрессивности с апоритичностью попыток объяснения человеческого опыта с точки зрения биологии [10, с. 82]. Человеческое существование опосредовано культурой. И значение культурных ценностей для человека становится все более преобладающим, вплоть до радикального отрицания естественных ценностей. В психоаналитическом контексте это означает, что требования Сверх-Я обусловливают реализацию человека прежде всего как субъекта культуры, существенно ограничивая его природное начало. Причем эта тенденция усиливается в связи с развитием культуры и соответствующим усилением инстанции Сверх-Я.

Таким образом, возможность целесообразного объяснения агрессивности человека по аналогии с тенденциями, свойственными животному миру, поставлена под вопрос. Разворачивание агрессии у человека непосредственно связано с его историей, личным опытом, что практически невозможно связать с априорностью инстинктивных реакций. Также с этой точки зрения плохо поддается объяснению феномен аутоагрессии. Кроме того, Лакан замечает, что и в природе «жизнь различных видов подчиняется своего рода координации, касающейся также хищников и их жертв» [4, с. 234], в отсутствие которой мотив борьбы за выживание приводил бы к видовому истреблению. То есть и здесь агрессивность можно рассматривать лишь как компоненту механизма жизнеобеспечения.

Лакан подчеркивает субъективный характер агрессивности и связывает ее с интеграцией первородного хаоса аутоэротизма и образованием представления о целостном образе Я.

Процесс формирования первичных представлений о собственном образе Лакан определяет как стадию зеркала, в которой происходит отождествление себя с отражением,

видимым ребенком в зеркале. При переходе от фазы аутоэротизма происходит идентификация Я, или нарциссическая идентификация. Эта идентификация прежде всего телесна. Объясняя этот феномен, Лакан пишет о нарциссической страсти (passion narcissique), диктующей человеку необходимость восприятия формы по образу и подобию другого с тем, чтобы в свою очередь запечатлеть свой образ в реальности [10, с. 95]. Здесь можно говорить о феномене захваченности образом, обнаруживающем характер природного феномена мимикрии [I].

Сопоставление себя с образом, приходящим, по сути, извне, сопряжено с ощущением несоответствия. Принятие гештальта (целостного образа), призванное согласовать первичную моторную нескоординированность, отчуждает субъекта от него самого, противопоставляя себе присвоенный образ — Я идеальное. Лакан показывает иллюзорность целостности Я и обращает внимание на напряжение, связанное с поддержанием этой иллюзии, напряжение, с которым всегда будет сопряжен любой идентификационный процесс. Это напряжение Лакан связывает с агрессивностью. «Понятие агрессивности отвечает, напротив, разрыву субъекта с самим собой — разрыву, впервые возникающему в тот момент, когда он видит, как воспринимаемый в цельности своего гештальта образ другого преждевременно вступает в противоречие с чувством несогласованности двигательных функций» [5, с. 485].

Формирование целостного образа Я, в свою очередь, связано с определением границы внутреннего и внешнего мира субъекта, обосновывает представления о разграничении себя и другого в рамках психической реальности. Идентификация с внешним образом предполагает, что желание субъекта, направленное на объект, усваивается как желание другого, обуславливая конкуренцию. Нарциссическая идентификация «структурирует субъект как соперничающий с самим собой» [10, с. 95]. То есть агрессивное напряжение, связанное с разрывом представлений о себе, можно рассматривать как конфликтное напряжение соперничества, свойственного нарциссической структуре, играющей ключевую роль в становлении субъекта.

Процесс формирования представлений о себе происходит непрерывно на протяжении всей жизни как неотъемлемая составляющая любых человеческих взаимоотношений, в которых на уже имеющийся собственный образ накладываются новые представления. То есть имеет место множественная идентификация Я. Агрессивное напряжение, соответственно, актуализируется с каждой новой идентификацией, с каждым новым сопоставлением себя с очередным образом. Это обусловливает постоянно присутствующий агрессивный потенциал и соответствующую амбивалентность в отношениях с людьми.

Здесь необходимо рассмотреть механизм, балансирующий агрессивность нарциссической субъективации и обеспечивающий возможность социализации. Таким механизмом, по мнению Лакана, является структурирующая эдипова идентификация «через интроекцию имаго отца» [10, с. 95]. Разворачивание эдипова комплекса происходит на фоне уже имеющегося опыта сопернического напряжения нарциссической идентификации. Присвоение либидинально нагруженного отцовского образа позволяет преодолеть это конфликтное агрессивное напряжение. Создается Идеал-Я — образ, сочетающий культурную нормативность и либидинальную нагрузку.

Функцию Идеала-Я Лакан называет умиротворяющей. Механизм ее реализации описан Фрейдом в мифе об убийстве отца [6], где конфликт соперничества, возникший между братьями после убийства родителя, нейтрализуется путем идентификации с отцовским тотемом. Общий тотем в данном случае выполняет функцию Идеала-Я, и эта общность сплачивает соперников, обусловливая возможность необходимых социальных связей. Так, с помощью эдиповой идентификации обеспечивается необходимое включение либидо и преодолевается агрессивность, сопряженная с нарциссическим конфликтом разрыва и соперничества с собой. Инстанция Сверх-Я, сформированная в результате разрешения эдипова комплекса, теперь ответственна за регуляцию агрессивности, в том числе путем обращения на Я. При этом добавляется агрессивное напряжение, связанное с новой идентификацией, что отражается в том числе в конфликте насаждения культурных норм. Так устанавливается

баланс, лежащий в основе социальных взаимоотношений субъекта.

Моменты нарциссизма обнаруживаются во всех фазах развития субъекта, следующих за либидинальной фрустрацией. Соответственно, агрессивность не является прямым следствием фрустрации, а опосредована нарциссической реакцией, за которой в свою очередь следует культурная, нормативная сублимация. Таким образом, механизм разворачивания агрессивности все время будет повторять первичный.

Здесь Лакан отмечает очень важный феномен. Актуализация образа агрессора вызывает не менее интенсивные реакции субъекта, чем непосредственная реакция субъекта на внешние, реальные факторы.

В психоанализе образы представляют психическую реальность субъекта. Причем помимо обычных образов, обусловливающих индивидуальность субъекта, обнаруживаются специфические образы, имеющие особое значение для формирования судеб его влечений. Такие образы могут, в частности, нести нагрузку направленной агрессивности и придавать ей особую значимость. Речь идет об образах, связанных с расчлененным телом («образы кастрации, эвирации, калечения, расчленения, потрошения, проглатывания» и т. д. [10, с. 85]).

То есть агрессивность проявляется через образ телесной дефрагментации. Это можно видеть, например, в сказках и играх малышей. Творчество Иеронима Босха Лакан называет «атласом всех агрессивных образов, терзающих человека» [10, с. 85]. Также такие образы встречаются в сновидениях и фантазиях.

Лакан отмечает, что напряжение агрессивности связано с напряжением тревоги. Напряжение тревоги также сопутствует первородному разрыву. И здесь остается вопрос, насколько страх смерти подчинен нарциссическому страху потери целостности тела?

Лакан акцентирует внимание на том, что нарциссическая структура свойственна человеку вообще, следовательно, и агрессивное напряжение является неотъемлемой частью социального опыта [5, с. 515]. Любой социальный механизм так или иначе сопряжен с агрессивностью. И поскольку любое

человеческое желание, по мнению Лакана, основано на кастрации, оно всегда будет нести нагрузку агрессивности.

Понимание агрессивности как неотъемлемой компоненты развития человека позволяет рассмотреть ее роль в контексте социальных процессов. Обратимся к концепциям современного общества М. Фуко и Ж. Делеза, на наш взгляд, наиболее точно и наглядно отражающим тенденции, характерные для этого общества.

Фуко представляет теорию дисциплинарного общества, показывает дисциплинарное воздействие власти, пришедшее на смену отношениям «господина и подданного» в XVI—XIX вв. [8]. Если система «господских» отношений средневековья не предполагает четкости иерархии и индивидуальной сфокусированности, то дисциплинарная власть фокусирует внимание и выделяет из толпы индивида.

Взаимоотношения индивида и дисциплинарной власти наглядно представлены в модели дисциплинарного института И. Бентама «Паноптикон». Индивид здесь находится под непрерывным наблюдением представителя власти. Этот эффект достигается архитектурным устройством — круговым зданием с башней в центре. Внутренние стены камер имеют стеклянные двери, а в вершине башни образовано пустое помещение для наблюдателя. Индивиды содержатся в камерах кругового здания, устроенных так, чтобы свет, проникающий через внешнее окно, позволял отследить все движения индивида из центральной башни.

То есть индивид становится видим, различим, как бы высвечиваясь лучом света паноптической камеры как точка приложения дисциплинарной власти. Тогда как сама власть (в лице ее представителей) для него не видима и может пользоваться посредниками (в том числе, например, правовой системой) при условии обеспечения четкой иерархичности.

Таким образом формируется непрерывность потенциальной угрозы наказания, обусловливающая развитие самодисциплины. Нетрудно видеть, что с психоаналитической точки зрения речь идет об усилении инстанции Сверх-Я. Эти трансформации необходимы обществу для обеспечения безопасности

в условиях роста населения. Они позволяют предупреждать преступные действия.

Дисциплинарные общества — структуры закрытой среды. Они выстраиваются в ограниченных пространствах (тюрьмы, фабрики, школы, больницы). Эти ограничения задают направление агрессивным импульсам сопротивления. Возникают многочисленные забастовки, революции. При этом культура выступает, с одной стороны, как насаждающая внутренние ограничения, с другой стороны, как претерпевающая ограничения внешние. И межгосударственные войны происходят под лозунгами ликвидации этих ограничений. Все это находит отражение в актуальности и особой значимости для субъекта вопросов «свободы».

Делез говорит о кризисе дисциплинарных обществ и постепенной смене их обществами контроля, информационными обществами [1]. В отличие от дисциплинарных, общества контроля являются открытыми системами. Поступательная трансформация дисциплинарного общества в общество контроля предполагает переход от строгой организации замкнутых дисциплинарных пространств (школа, завод, больница и т. д.) к условной свободе выбора и действий под цифровым мониторингом.

Если в дисциплинарном обществе остается неясным присутствие контролера на месте, из которого осуществляется контроль, то в обществе контроля неясно само это место, оно рассеивается. (Например, наличие камер фото- и видеофиксации в некоторых местах уже не требует специальных обозначений.) С одной стороны, это должно способствовать большему самоструктурированию, усилению Сверх-Я, с другой — может способствовать его трансформациям и возможным перверсиям. Принимая во внимание непосредственную связь инстанции Сверх-Я с обращением агрессии в аутоагрессию, в данном случае возможны также появления и усиления как психической, так и психосоматической симптоматики.

Внимание в дисциплинарном обществе, как и меры воздействия, в основном направлены на тело индивида. В обществе контроля основной фокус смещается на психическое, а именно

на бессознательную его часть. На это нацелены технологии воздействия, многочисленные психотехники.

Если в системе дисциплинарного общества появляется индивид, до этого сливавшийся с толпой, то технологии общества контроля настолько усовершенствованы и прицельны в своей контролирующей деятельности, что индивидуум (неделимый) перестает быть таковым и становится «дивидуумом» (делимым). Дисциплинарный контроль ранее осуществлялся в рамках реализуемых функций (работы, учебы и т. д.), теперь можно контролировать субъекта во всех его ипостасях, обеспечивая, в частности, безопасность и практически непрерывное соблюдение культурных норм.

Таким образом осуществляется как бы проникновение внутрь субъекта. Получается гуманное, без насилия, управление субъектом изнутри, в обход сознательного и рационализации. Практическая безграничность контроля ставит под угрозу иллюзию целостности Я. Это отражается в том числе в актуальной современному субъекту тематике агрессивных проявлений, связанной с границами субъекта.

Тело тоже контролируется, но все больше по частям. Например, в одном кабинете диагностируется зрение, в другом мозг и т. д. И этот контроль тоже в основном осуществляется изнутри (инвазивная диагностика и прочее), как и точечное воздействие фармакологических препаратов на различные системы организма. Образ расчлененного тела укоренен в повседневности.

При этом контроль становится все более тотальным. Агрессивность как неотъемлемая компонента человеческого развития не признается обществом. В результате все более сокращаются возможности признания и органичной реализации специфичного субъекту феномена амбивалентности любви и ненависти: «плохая» сторона все более вытесняется в пользу «хорошего», правильного поведения. Тотальное подавление может провоцировать вспышки неконтролируемой агрессии. Таким образом гуманистические, по сути, преобразования, парадоксально содействуют ее усилению.

Организующей компонентой общества контроля, необходимой в отсутствие внешних ограничений, становится инфор-

мация, представленная в виде сообщений-предписаний. Информация же является инструментом контроля и управления.

Современные маркетинговые технологии всесторонне используют информацию. Разворачивается борьба за внимание. И здесь наиболее эффективными оказываются информационные технологии, позволяющие напрямую связаться с бессознательными представлениями, запустить идентификационные процессы. За рамками управления и контроля остается конфликт идентификаций, о котором говорил Фрейд [7, с. 319], и соответствующее агрессивное напряжение.

Так, например, одной из характерных для общества контроля идентификаций является идентификация с корпоративным органом. На смену дисциплине завода приходит корпоративная вовлеченность. Слово «корпорация» происходит от латинского «corpus» — тело. Субъект должен ощущать себя органом, необходимым для функционирования этого тела, и сливаться с ним для реализации душевных стремлений. «Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью», — говорит Делез [1, с. 231].

Поддерживать корпоративный дух призваны изощренные системы мотиваций, общей и неотъемлемой компонентой которых является акцент на личное соперничество и конкуренцию. Культивирование идеи борьбы за выживание и естественного отбора, предполагающей естественными агрессивные проявления в рамках «здоровой» конкуренции и самозащиты, отвечает задачам реализации политики и развития экономики. Феномен распространения этой идеи Лакан считает показателем «преобладания агрессивности в нашей цивилизации» [10, с. 98].

Подводя итоги, можно говорить об интернализации процессов контроля. Агрессивное напряжение при этом не исчезает, а возможно, даже усиливается. Факторы, способствующие этому усилению, во-первых, рассеиваются, и во-вторых, укореняются в бессознательном. Таким образом, разворачивание агрессии приобретает характер стохастических процессов. В этих условиях психоаналитические подходы должны подразумевать большую гибкость, и здесь выглядит целесообразной идея, предложенная Ф. Гваттари и Ж. Делезом, — идея о смещении акцента с эдипальной структуры психики на нестабильную

множественность состояний человека [2]. В этой множественности Ф. Гваттари и Ж. Делез видят новые возможности субъективации.

Примечания:

I. Р. Кайуа противопоставляет идею «искушения пространством» [3, с. 96] и слияния с окружающей средой традиционному пониманию мимикрии как механизма самосохранения.

Библиографический список:

1. Делез Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры. — СПб.: Наука, 2004. — С. 226—233.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: «У-Фактория», 2007. — 494 с.
3. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
4. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары: Книга I (1953/1954)). — М.: Гнозис; Логос, 2009. — 432 с.
5. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинары: Книга II (1954/1955)). — М.: Гнозис; Логос, 2009. — 520 с.
6. Фрейд З. Тотем и Табу // Фрейд З. Вопросы общества и происхождения религии. — М.: ООО «Фирма-СТД», 2008. — С. 287—444.
7. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: ООО «Фирма-СТД», 2006. — С. 291—352.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: AD MARGINEM, 1999. — 480 с.
9. Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 учебном году. — СПб.: Наука, 2007. — 450 с.
10. Lacan J. Aggressiveness in Psychoanalysis // Lacan J. Ecrits: the first complete edition in English. — London: W. W. Norton & Company, 2006. — P. 82—102.

AGGRESSION AND RELATIONSHIP OF EXTERNAL AND INTERNAL IN THE MENTAL REALITY OF THE HUMAN SUBJECT OF MODERN SOCIETY (BY M. FOUCAULT AND J. DELEUZE CONCEPTS)

Bogach Elena Victorovna
bachelor of East-European psychoanalytical Institute, Moscow

Abstract. The article presents a psychoanalytic view of the aggression phenomenon and examines the conditions for its development in connection with the social processes of modern society. According to the metapsychological concept of aggressiveness by J. Lacan, the tension of aggressiveness corresponds to the narcissistic structure inherent in humans, and manifests itself through the image of bodily defragmentation. The concepts of modern society by M. Foucault and J. Deleuze make it possible to talk about the internalization of control processes, which can contribute to an increase in aggressive tension.

Keywords: aggression, aggressivity, disciplinary society, society of control, narcissism, identification

1.10. ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ЭДИПАЛИЗАЦИИ В ТЕОРИЯХ З. ФРЕЙДА И Ф. ДОЛЬТО

Ким Ольга Андреевна
психоаналитик,
магистрант АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические модели прохождения эдипова комплекса в теориях З. Фрейда и Ф. Дольто. Описаны особенности отличия эдипальной логики у субъектов мужского и женского пола. Особенность прохождения эдипова комплекса у девочки связана с тем, что первым объектом ее привязанности является родитель одного с ней пола, в связи с чем ей предстоит признать утрату себя в качестве объекта материнского наслаждения, совершить отказ от матери и обратиться к отцу как к любовному объекту, а после найти возможность для идентификации с матерью, тем самым утвердив себя в женской позиции. Логика женской эдипализации лежит в символическом поле, поскольку либидо, в отличие от сексуальности, может относиться только к женскому психическому, сформированному через язык.

Ключевые слова: эдипов комплекс, женская эдипализация, комплекс кастрации, комплекс мужественности, логика обходного пути женской эдипализации

Говоря об эдиповом комплексе, невозможно начать разговор не с Фрейда, поскольку именно благодаря ему Эдип из мифа культурного стал феноменом индивидуальным. Несмотря на то что эдипов комплекс является фантазматической структурой, он имеет важное значение в становлении субъекта, ведь именно в его прохождении решаются вопросы выбора пола и сексуальной ориентации, отношение к телесности и к сексуальности; в процессе эдипализации субъект сделает выбор по отношению к Закону.

Еще в 1905 году Фрейд заметил, что каждый ребенок столкнется с задачей прохождения Эдипа, но подошел

к описанию эдипова комплекса только в 1910 году в статье «Об особом выборе объекта у мужчин», показав логику эдипализации со стороны субъекта мужского пола. Сексуальность человека не задана биологически, она конструируется на протяжении длительного времени, приобретая в каждом отдельном случае свою историю и уникальность, но важен и еще один момент — отличие прохождения эдипализации у субъекта мужского и женского пола. Фрейд отмечает, что становление мужского и женского сексуального развития невозможно рассматривать по аналогии. К существующим между ними различиям мы попробуем подойти через точку зрения Ф. Дольто.

Фрейд отмечает, что либидо изначально носит мужской (активный) характер у субъектов обоих полов, однако у девочки в пубертате должно произойти вытеснение мужской сексуальности. Когда ребенок сталкивается с разницей полов, он начинает задаваться вопросами о том, откуда берутся дети, откуда появился он сам, а также вопросами разницы полов.

Нехватка знания восполняется инфантильными сексуальными теориями, которые, как отмечает Фрейд, вначале одинаковы у детей обоих полов:

— ребенок предполагает наличие пениса как у мужчин, так и у женщин;

— поскольку у детей нет представления о женских репродуктивных органах, рождение ребенка конструируется ими в анальной логике;

— садистическое понимание коитуса, когда ребенок видит или слышит, как происходит половой акт родителей, он может фантазировать, что мужчина причиняет женщине боль.

Однако уже после 11—12 лет юный субъект конструирует свою собственную теорию сексуальности — в отличие от детства, когда сексуальность не подвергнута торможениям.

Согласно Фрейду, основными задачами, решаемыми субъектом в ходе эдипализации, становятся [1]:

— возможность открытия выбора любовного объекта во взрослой сексуальной жизни;

— сборка частичных влечений под приматом генитальной сексуальности;

— усвоение (интроекция) отцовского закона и запрета на инцест и формирование инстанций Я, Оно, Сверх-Я.

Именно прохождение эдипова комплекса призвано установить табу на прямое исполнение желаний и связать желание и Закон, прописав отношения между участниками семьи. У мальчика разрешение эдипова комплекса связано с угрозой кастрации, он предполагает, что девочка лишилась пениса за проступок, и поскольку он к этому времени уже открыл для себя удовлетворение и чувствительность, связанную с этим органом, то начинает бояться кастрации как угрозы со стороны отца. Причем отец не обязательно должен быть реальным, этот запрет может исходить от любого взрослого. Угроза кастрации носит фантазматический характер и воспринимается как рана, нанесенная нарциссизму юного субъекта. Если влечение стоит потери пениса, то, конечно, нарциссическое инвестирование берет верх и заставляет отказаться от матери, а инстанция Сверх-Я не позволит отныне осуществиться возврату вытесненного инцестуозного влечения.

Комплекс кастрации был подготовлен чередой уже прошедших утрат: отлучение от груди, приучение к чистоплотности и контролю над сфинктером, но главное — обнаружение желания матери, направленного не только на ребенка, а вовне, что поможет ему уйти с места объекта ее желания, чтобы сконструировать свой путь. Так, прохождение Эдипа у мальчика связано с отношением к комплексу кастрации: он отворачивается от матери и отождествляется с отцом только через запрет на собственную сексуальность, направленную на мать или сестру.

В 1924 году в статье «Крушение эдипова комплекса» Фрейд скажет, что итогом разрешения Эдипа становится формирование инстанции Сверх-Я (как результат интроецированного/усвоенного запрета на инцест). Таким образом, эдипов комплекс является важной вехой: в рамках данной структуры осуществляется вход субъекта в культуру и логику порядка. Отныне желание будет связано не только с запретом, но и с последствиями, за которые субъект должен нести ответственность.

С девочкой все обстоит сложнее. Как и у мальчика, первым любовным объектом для нее является мать, то есть любовный объект одного с ней пола. Для девочки комплекс кастрации оказывается проблематизирован, поскольку она изначально кастрирована. «Половая жизнь женщины распадается на две фазы, первая из которых носит мужской характер; только вторая фаза является специфически женской... Судьбоносная связь между любовью к одному родителю и одновременной с ней, обусловленной чувством соперничества ненавистью к другому, прослеживается исключительно у ребенка мужского пола» [5, с. 190].

Так, Фрейд выделяет для женской сексуальности три возможности связанные с комплексом кастрации:

1. Девочка может допустить свою кастрацию, свою недостаточность по сравнению с мальчиком, тем не менее одновременно она будет бунтовать против этого. Она может отвернуться от любой сексуальности, оставив в стороне идею мужественности и вместе с ней большую часть своей активной деятельности.

2. Она продолжит надеяться на получение пениса, останется с завистью к пенису и периодами фантазирования, что она на самом деле — мужчина. Этот комплекс мужественности может служить мостиком к гомосексуальному выбору объекта.

3. Девочка обращается к отцу как к объекту любви и приходит к эдиповому процессу намного медленнее, чем мальчик.

Об эдиповом комплексе девочки Фрейд сказал: «У маленькой девочки, как мы полагали, дело должно обстоять аналогичным образом, но все же как-то иначе» [3, с. 166]; также он задается вопросом о том, что происходит с инстанцией Сверх-Я у девочки. Фрейд предполагает, что эта инстанция слабее, и ее становление происходит на протяжении всей жизни, так как желание иметь пенис не упраздняется, но может на символическом уровне заместиться желанием иметь ребенка. Как следствие зависти к пенису Фрейд отмечает установление ревности как свойства характера — как смещенную зависть к пенису, ослабление нежных чувств к матери, на которую девочка возлагает ответственность за свою неполноценность. Именно цель получить ребенка позволяет девочке сменить мать

(свой первый объект влечения) на отца (обещающего в будущем ребенка).

На этом витке Фрейд отмечает возможность возврата к мужской сексуальности в случае неустановления привязанности к отцу, тогда девочка может пойти по пути идентификации с ним. То есть Фрейд мыслит становление девочки как «череду отказов от мужской сексуальности».

Так, по мнению Фрейда, важным различием эдипализации мальчика и девочки является разное отношение к привязанности к матери как к первому объекту любви. Поскольку для мальчика он остается прежним, а для девочки необходимо обоснование смены любовного объекта и отказ от клитора как от ведущей генитальной зоны в пользу новой генитальной зоны, которой должна стать вагина.

В связи со сменой ведущей сексуальной зоны половая жизнь женщины распадается на две фазы: первоначально мужскую (женщина как объект любви и клитор в качестве ведущей генитальной зоны) и окончательно женскую (мужчина как объект любви и смена генитальной зоны на вагинальную). Складывается картина, что для мальчика комплекс кастрации является завершающим эдипов комплекс, тогда как для девочки он предшествует началу эдипальной фазы, которая, по мнению Фрейда, не может быть преодолена до конца. В поздних работах 1930-х годов Фрейд предлагает помыслить женскую сексуальность не через аналогию с эдипализацией мальчика, а в принципиальном отличии от нее.

Для Ф. Дольто эдипов комплекс — структурирующий перекресток социальной личности, проживаемый еще физиологически незрелой девочкой, но знающей о своей будущей женственности, желающей пользоваться правами женщины: получить социальное признание в качестве женщины, иметь ребенка. Забегая вперед, можно отметить, что и для мальчика, и для девочки в логике эдипализации проблематика одна — отделиться от матери. Девочка и мальчик проходят через кастрационный комплекс. Чтобы в психическом появилось нечто новое, необходима утрата.

Дольто отмечает, что у девочки уже в младенческом возрасте замечаются ранние влечения к отцу, с эмоциональным

стремлением к матери: как она полагает, это уже первые метки, составляющие женскую эдипализацию. Открытие разницы полов также приносит девочке нарциссическое разочарование, провоцируя зависть к пенису, имеющемуся у мальчиков. Дольто отмечает наблюдения, свидетельствующие о том, что девочка, знающая, что она носит фамилию отца, которая присоединяется к ее имени, и имеющая уверенность в том, что он ждал ее в качестве дочери по образу матери (без пениса), легче принимает разницу полов и женскую позицию.

Вопреки мнению Фрейда, наблюдения Дольто сообщают, что в случаях, когда мать не отказывалась от правдивых ответов на вопросы девочки, досада из-за пениса быстро преодолевалась. Переживания девочки приятных ощущений в области гениталий требует подтверждения в словах матери, но прежде всего требуют быть услышанными без порицания.

Именно мать может дать девочке на символическом уровне гордость за обладание вульвой на месте пениса. Дольто отмечает роль языка как символического канала, через который вербализуются эмоции. В отличие от комплекса кастрации, именно речь может нанести урон образу тела и внести нарушения в структурирование Я.

Так, подводя краткий итог, можно сформулировать следующее. Для того чтобы занять женскую позицию, девочке необходимо:

— обнаружение разницы полов и артикуляция в символическом порядке, позволяющая это различие увидеть;

— утрата себя в позиции объекта матери, дезидентификация с телом матери;

— понимание автономии собственного тела и телесных ощущений.

Согласно Дольто, вхождение в Эдип происходит на третьем году жизни. Она отмечает, что гомосексуальность в отношении матери необходима, поскольку так девочка интроецирует образ символически кастрированной женщины, но при этом оставшейся живой и все же фаллической рядом с отцом, который сверхценен как личность с точки зрения своей генитальности.

В начале установления Эдипа (Дольто относит этот момент к возрасту 3—4 лет) приобретаются новые навыки: автономность тела, личное местоимение Я, социальная принадлежность к дому, фамилии, знание своего возраста, также субъективная диалектика теперь уже автономного тела и ощущений, которые ребенок испытывает. В контакте со взрослыми возникает чувство стыдливости. Для ребенка становится важной возможность сокрытия, оно для него сексуально и несет защиту от угрозы кастрации. Взрослый, уважая в ребенке его скрытность, допускает вербализацию, отвечает на вопросы относительно его тела, разрешает генитальную адаптацию ребенка к своим органам и желаниям.

Дольто отмечает, что только в процессе обмена символами может установиться структурирующая эдипальная ситуация. Если вербализация сексуальности приводит не к обвинению или перверсивным и соблазняющим инициациям, а к ответам согласно реалиям генитальности, благодаря которым у ребенка сформируется здоровый сексуальный нарциссизм. Так запрос на доступ к генитальному либидо выражается вербализованным вопросом, касающимся рождения детей и их собственного появления.

Между 6-ю и 8-ю годами эдипальные фантазии девочки характеризуются желанием настоящего ребенка, однако это сопровождается смертельно опасным соперничеством с матерью. Девочка в этих фантазиях сама приходит к пониманию диспропорции половых органов отца и ее. За этим стоит тревога изнасилования всеми пенисами, которым можно придать ценность. Тревога изнасилования отцом в эдипальном периоде является для развития девочки тем же, что и кастрационная тревога для мальчика. Любое сексуальное желание мыслится как «призыв» пениса, энергетическая ценность которого будет равняться нехватке.

Отец в качестве символического представителя фаллоса находится в исключительном владении ее кастрирующей матери. Идентифицируясь с матерью, она надеется в своих фантазиях, что однажды, возможно по ошибке, отец примет ее за взрослую женщину, они поженятся, и у них будут дети. Эта фантазия лежит в основе ее маскарадных игр. Простого наличия

отца достаточно для возможности этой структуризации, активное воспитание дочери с его стороны не обязательно. Мать в данном случае амбивалентна: с одной стороны, она является препятствием отношениям с отцом, с другой стороны — может помочь достичь цели, ей можно подражать, чтобы понравиться отцу.

Однако гомосексуальная фиксация на матери может помешать установлению Эдипа, блокируя девочку в комплексе мужественности. Дольто отмечает две возможные логики комплекса мужественности:

1. Идентификация и отождествеление себя с мальчиком в зеркальной, нарциссической логике. В таком случае любой мужчина будет всегда напоминать о том, что у него есть нечто, чего лишена женщина. Поскольку не происходит инвестиции либидо в собственное тело, восполнение комплекса кастрации будет лежать в поле воображаемого регистра.

2. Девочка начинает фантазировать, что у нее появится что-то значительное в будущем, в этом случае нет необходимости присваивать себе мужские черты, но может быть присвоено много черт в воображаемом порядке, относящихся к женскому. В данном случае происходит либидинальная инвестиция в тело, а не только в клиториальную зону. Все тело становится эрогенной зоной и пространством для украшения. Это способ занять позицию, в которой на нее направлены взгляды других, попытка создать приманку для взгляда.

Для девочки в возрасте 6 лет многое будет зависеть от отношений с матерью. Чем меньше она ощущает принятия и получает объяснений, тем больше она чувствует вину из-за своих генитальных влечений. Объяснения, данные матерью на доверительные признания девочки, помогают укреплению чувства принадлежности к женскому полу, понять роль взаимодополняемости мужчины и женщины. Чем больше будет объяснен и известен половой акт, тем яснее станет отказ по внутренним причинам, пока тело девочки не станет женским.

Для доступа к зрелости девочка сама должна разрешить конфликт, порождаемый тройственной ситуацией о половых органах трех людей (она, мать, отец), признанных местами желаний. Двое из этих людей принадлежат одному полу и

имеют соперничество в отношении третьего. Так тревога изнасилования преодолевается девочкой благодаря сознательному отказу от пениса отца, это становится возможным, если мужчины в ее окружении не являются соблазняющими. Из этого отказа следует сублимация генитальных влечений.

Эдипальное разрешение для девочки, по мнению Дольто, может произойти не ранее 9—10 лет, часто даже только в пубертате, после пробуждения затихших эмоций. Затем следует критический возраст, когда Эдип еще свирепствует, компенсация эмоционального равновесия носит истерический оттенок, переходя от возбуждения к депрессии при малейшей нарциссической ране. Эволюция либидо происходит у девочки с эдипальным разрешением и оплакиванием мечты об инцестуозном материнстве к генитальному варианту ее собственной личности в смешанном обществе.

Так (оральные, анальные, фаллические) желания, испытываемые в отношении эдипальных объектов (отец, мать, старшие братья или сестры), получают аутентичные (неповторимые) сублимации. Тело девочки становится фаллическим, несет эстетическую ценность и служит сигналом для других девочек (для объединения в группы или соперничества) и привлечения внимания мальчиков.

Истинной конечной точкой разрешения Эдипа Дольто считает конструирование в психическом первосцены (представления о коитусе в истоке собственного существования девочки). Первосцена, проживаемая вербально и воображаемо в присутствии взрослого, не запрещающего размышления о ней, оправдывает нарциссические вложения женского тела, которое сосредоточено на привлечении фаллического, в месте гениталий, которые либидинально нагружены. Именно с помощью значимого взрослого должна произойти инициация к законному и структурирующему представлению первосцены. Гетеросексуальность инициируется в Эдипе и разрешается с доступом к первосцене. Согласно Дольто, локализация либидо в области гениталий не указывает на то, что девушка достигла генитального структурирования личности.

Дольто приводит пример перверсивного сценария эдипального разрешения. Когда оно не останавливается на отказе

от родителя, но через влечение смерти проявляется как нарциссически сладострастное отречение от всякой половой жизни, ощущаемое как необходимое для принятия в группу (группа выступает как кастрирущая материнская фигура). Например, принесение в жертву генитальности в пользу духовной группы или клана как родительского заместителя, чьим рабом становится субъект.

Дольто отмечает, что эдипальная ситуация у женщины может затягиваться, например, в случае если первоначально (в 3—4 года) желание пениса было смещено на куклу как на фетиш отсутствующего пениса; если в возрасте примерно 6 лет, когда девочка хочет настоящего ребенка, в семье действительно появляется ребенок, то магическая вера в осуществление желания может заставить чувствовать вину за инцест со всеми последствиями символической кастрации, от которой девочка защищается, подавляя женскую генитальность.

Не раньше фазы латентности девочка может отказаться от желания иметь ребенка от отца. Первосцена приобретает инициирующую и социализирующую роль, и если девочке отказать в представлениях, касающихся полового акта, она может остаться заложницей удовольствия отца, которого она в некоторых случаях может ожидать всю жизнь. И только с рождением первого ребенка (наполовину инцестуозного) женщина достигает эдипального роста и понимает, что ребенок принадлежит больше ее семье, чем семье его отца. Так, эдипальный ребенок, полученный благодаря мужу, по отношению к которому женщина сама была полуребенком, наконец завершает эдипальный цикл девочки. Затем может начаться фаза, соответсвующая выходу из Эдипа, — эволюция в автономном и культурном варианте.

Подводя итог, можно сформулировать, что девочка в логике эдипализации проживает:

— Отказ от матери как объекта любви и утрату место объекта материнского наслаждения. Это возможно через открытие измерения желания отца, направленного на мать, что делает мать окончательно запретной и дает возможность последующей идентификации с матерью и формированию отношений с желанием мужчины.

— Возможность идентификации с матерью — это возможность иметь дело с желанием отца, отцовским отказом и запретом на инцест. Идентификация с субъектом нехватки проявит в будущем вопросы материнства и измерение женского.

Логика обходного пути женской эдипализации, согласно Ф. Дольто, — это возможность субъекта женского пола в разных местах закрепиться в женской позиции. Говоря о либидо, мы всегда говорим о бессознательном либидо, и если сексуальность может относиться к женскому полу, то либидо может относиться только к женскому психическому, сформированному через язык в поле символического. Девочке предстоит обнаружить невидимое, и это возможно через слово и поле символизации.

Библиографический список:

1. Беркутова В. В. Концепция женской сексуальности в теориях З. Фрейда, Ж. Лакана и Ф. Дольто // IV Фрейдовские чтения. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, проведенной в ЧОУВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа» 21.05.2019 г. / Под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб.: ВЕИП, 2019. С. 36—47.
2. Фрейд З. Закат эдипова комплекса // Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат эдипова комплекса. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2015. — С. 153—162.
3. Фрейд З. Некоторые психические следствия анатомического различия полов // Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат эдипова комплекса. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2015. — С. 163—176.
4. Фрейд З. О детских теориях сексуальности // Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат эдипова комплекса. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2015. — С. 53—72.
5. Фрейд З. О женской сексуальности // Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат

эдипова комплекса. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2015. — С. 185—207.
6. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Хрестоматия: в 3 т. Т. 1. Основные понятия, теории и методы психоанализа. — М.: Когито-Центр, 2016. — С. 297—405.
7. Dolto F. Sexualité féminine. La libido génitale et son destin féminin. — Paris: Gallimard, 1996. — 448 p.

FEATURES OF FEMALE OEDIPALIZATION IN THE THEORIES OF S. FREUD AND F. DOLTO

Kim Olga Andreevna
psychoanalyst,
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article discusses theoretical models of undergoing of the Oedipus complex in the theories of S. Freud and F. Dolto. The features of the difference between oedipal logic in male and female subjects are described. The peculiarity of the undergoing of the Oedipus complex in a girl is connected with the fact that her first object of affection is a parent of the same sex, in this connection, she has to admit the loss of herself as an object of maternal pleasure, reject her mother and turn to her father as a love object, and then find an opportunity for identification with the mother, thereby establishing herself in the female position. The logic of feminine oedipalization lies in the field of the word, since libido, unlike sexuality, can only refer to the feminine psychic, formed through language in the field of the symbolic.

Keywords: oedipus complex, female oedipalization, castration complex, masculinity complex, logic of the roundabout way of female oedipalization

Раздел 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

2.1. ВЛИЯНИЕ НАРУШЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ БАЗОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ПЕРИНАТАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ НА ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ: НА ПРИМЕРЕ КЛИНИЧЕСКОГО ОПЫТА РАБОТЫ С БЕСПЛОДИЕМ И НАРУШЕНИЯМИ МАТЕРИНСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Скибинцева Наталья Викторовна
психоаналитик, перинатальный психолог, гипнолог,
г. Челябинск

Аннотация. В статье представлено описание клинического опыта работы с симптомами взрослых пациентов, причинами которых стали нарушения удовлетворения базовых потребностей в перинатальном периоде жизни. Рассмотрены потребности, связанные с биологическим выживанием ребенка в антенатальном, интранатальном и постнатальном периодах. Проанализировано влияние нарушений удовлетворения этих потребностей на формирование материнской компетентности и репродуктивную способность на основании клинического опыта работы с женским бесплодием.

Ключевые слова: перинатальный период, перинатальные потребности, материнская компетентность, репродуктивная способность

В настоящее время состояние репродуктивного здоровья женщины является предметом интереса не только медицины, но также и психологии, так как в большинстве случаев причины женского бесплодия и нарушения материнской компетенции скрываются в самых ранних периодах развития тела и психики женщины и напрямую связаны с ее психоэмоциональным состоянием.

Важным периодом онтогенеза человека является перинатальный период, в котором преобладают бессознательные импульсы и закладываются основы физического и психического

здоровья, включая репродуктивную способность и материнскую компетентность. Физический перинатальный период включает в себя: антенатальный — внутриутробный период, интранатальный — родовой процесс и постнатальный — семь первых дней жизни. Психологический перинатальный период охватывает более широкий временной интервал, включающий события, происходящие в жизни матери еще до ее беременности и в первые три года жизни ребенка после рождения.

Изучением и исследованием того, что происходит с человеком в этот период, занимается перинатальная психология как научное направление, возникшее на стыке двух дисциплин: перинатальной медицины и психологии. Перинатальная психология, таким образом, представляет собой «область психологической науки, изучающей возникновение, динамику и особенности самых ранних этапов онтогенеза человека от зачатия до первых лет жизни после рождения в его взаимодействии с матерью» [3, с. 30]. Объектом изучения перинатальной психологии является «уникальная симбиотическая диада "мать-плод", которая после рождения ребенка преобразовывается в диаду "мать-новорожденный ребенок" и триаду "отец-мать-новорожденный ребенок"» [5, с. 6].

Другими словами, перинатальная психология — «область психологии, изучающая систему "мать-отец-дитя" при обстоятельствах вынашивания, рождения и вскармливания ребенка» [1, с. 10]. В этот период самое сильное влияние на ребенка оказывает его взаимодействие с матерью. Весомый вклад в мировое развитие перинатальной психологии внесли: Станислав Гроф — основатель трансперсональной психологии (США), Фрэнк Лэйк — врач-психиатр (Великобритания), а также Атанассиос Кафкалидес — нейропсихиатр (Греция), который одним из первых получил научные доказательства наличия дородовой памяти и сенсорной чувствительности еще не родившихся детей [4]. Все трое проводили исследования перинатальных переживаний с помощью погружения пациентов в гипнотическое состояние. Плод в утробе матери, а впоследствии младенец (далее ребенок), не имеет возможности сделать что-то для себя сам, он находится в тотальной беспомощности и зависимости от матери, осуществляющей за ним уход. Форми-

рование стабильного физического и эмоционального здоровья в этот период происходит только в том случае, когда потребности ребенка, отвечающие за его биологическое выживание, удовлетворяются в полной мере. Из-за слабости защитной системы ребенок очень чувствителен к травматическим переживаниям, которые запечатлеваются в бессознательной памяти ребенка как преобладающий жизненный опыт, если они повторяются неоднократно. Именно преобладающий опыт ложится в основу дальнейшего восприятия себя, взаимодействия с близкими людьми, восприятия окружающего мира.

Фиксация травматического опыта в психике ребенка происходит в условиях, когда его потребности, связанные с биологическим выживанием, не удовлетворяются матерью в необходимом объеме и качестве таким образом, чтобы ребенок ощущал себя в безопасности. Данная фиксация ведет к формированию механизма психической защиты. «Понятие "механизм психической защиты" идет от З. Фрейда. Впервые З. Фрейд обратился к понятию психологической (психической) защиты в работе "Нейропсихология защиты" (1894); подробно рассматривает ее в работе "Толкование сновидений"» [2, с. 3].

Во время беременности в психике женщины бессознательно происходит идентификация со своим младенцем, на которого она переносит свой собственный перинатальный опыт, а также идентификация со своей матерью и опыт взаимодействия с ней в диаде «мать-дитя». Травматический опыт, полученный женщиной в перинатальном периоде собственного онтогенеза, влияет на репродуктивную способность — зачать, выносить и родить младенца, а также на ее материнскую компетентность как на способность создавать для своего ребенка безопасные условия для дальнейшего роста и развития. Под влиянием зафиксированного травматического опыта организм женщины может защищаться от беременности и материнства.

Как показывает клинический опыт работы с женскими запросами, одной из защит от материнства в современном мире является сопротивление к замужеству, отсутствие благополучных отношений с мужчиной, в которых женщина может чувствовать себя в безопасности для того, чтобы стать матерью.

В настоящее время женское бесплодие выходит за рамки физических нарушений в репродуктивной системе. Все чаще встречается психологическое бесплодие, которое выражается в самых разных формах, в том числе в отсутствии сексуальных отношений с мужчиной как защите от возможности забеременеть.

Базовые потребности ребенка в перинатальном периоде, связанные с его биологическим выживанием

Потребности, связанные с биологическим выживанием в антенатальный (внутриутробный) период. Для внутриутробного периода характерна абсолютная физическая и эмоциональная зависимость плода от матери, которая связана с экзистенциальными вопросами жизни и смерти. В процессе внутриутробного развития плод нуждается в эмоциональной привязанности и материнской вовлеченности, что выражается в следующих важных потребностях.

Во-первых, в поддержке и интеграции организма в противоположность угрозе растворения и дезинтеграции. Данная потребность очень важна для развития физических систем жизнедеятельности и психических структур, которые поддерживают психику человека в единстве и дают ощущение целостности и непрерывности. Материнское тело является для плода гарантией формирования и роста его организма в единую целостную систему для того, чтобы родиться и быть способным жить самостоятельно вне матери.

Во-вторых, в безопасности существования в противоположность угрозе быть разрушенным, которая ощущается плодом как потребность иметь право на свою жизнь и свое место в этой жизни. Первое физическое место в жизни человека — это материнская утроба. Бессознательное влечение женщины избавиться от ребенка или сознательные попытки сделать аборт нарушают эту потребность.

В-третьих, в непрерывности связи в противоположность угрозе быть изгнанным (отвергнутым), которая ощущается как необходимость быть желанным ребенком для матери. Для удовлетворения этой потребности важно, чтобы мать была

эмоционально доступной, а ее беременность и ожидание рождения ребенка приносили ей искреннее удовольствие.

Потребности, связанные с биологическим выживанием в интранатальный период (процесс родов). Процесс рождения является физической сепарацией ребенка от матери. В природно-естественной форме родовой процесс начинается, как только организм матери получает сигнал о полном дозревании плода, когда все его системы жизнедеятельности готовы функционировать вне материнского организма. Роды являются безусловно-рефлекторным процессом, который мать сознательно не контролирует, но бессознательно может вмешиваться своим эмоциональным состоянием и нарушать его природно-естественный ход. Основные потребности ребенка в родах следующие.

Во-первых, ребенку необходимо благополучно перейти из одной среды в другую и суметь адаптироваться к новым условиям физического выживания. Поэтому очень важно, чтобы мать обладала достаточно хорошим физическим и психическим здоровьем и помогала ребенку родиться, а не препятствовала этому.

Во-вторых, ребенку необходимо, чтобы после родов мать была рядом и имела физические и эмоциональные силы о нем позаботиться. Новорожденный после рождения нуждается именно в матери, чтобы благополучно выжить и адаптироваться к новым для него условиям. Такая тотальная зависимость от матери обусловлена тем, что все сенсорные системы новорожденного настроены именно на нее. Ребенок рождается с информацией о своей матери. Ему знакомы ее запах, звуки голоса, тактильные касания, вкус материнского молока, ее эмоциональное состояние.

Потребности, связанные с биологическим выживанием в постнатальный (послеродовый) период, а также в первые три года жизни. После рождения в первые три года жизни происходит формирование психической структуры «Я». В этом возрастном периоде продолжает закладываться первичное физическое и психическое здоровье ребенка, которое будет оказывать влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Основными потребностями ребенка в этот период являются: заботливый уход за его телом, потребность в кормлении, тактильном контакте, эмоциональном контакте, безопасности. Для удовлетворения перечисленных потребностей матери необходимо научиться понимать потребности своего ребенка и удовлетворять их именно так, как он в них нуждается. Таким образом, матерью создаются благополучные условия, в которых ребенок может спокойно расти и развиваться.

Нарушения удовлетворения потребностей в этом периоде фиксируются в следующих случаях: 1) если мать эмоционально недоступна или физически отсутствует; 2) если мать находится рядом, но не понимает сигналы ребенка о его потребностях, осуществляя уход за ним в соответствии со своей фантазией о его потребностях или с точки зрения чужого опыта и мнения со стороны.

Как показывает клинический опыт работы со взрослыми пациентами, нарушения удовлетворения базовых потребностей в перинатальном периоде приводят к патогенезу разной степени тяжести во взрослой жизни и к формированию психических и телесных защитных механизмов.

Влияние травматического опыта во взаимодействии в симбиотической диаде «мать-дитя» на взрослую жизнь рассмотрено на примере клинического опыта работы с женщинами, имеющих трудности в материнской компетентности и нарушения репродуктивной способности. Нарушения удовлетворения потребностей в перинатальном периоде выявлены, проанализированы и описаны на примере клинического опыта работы с запросами пациенток с применением метода гипноза при анализе их перинатальных переживаний. Применение гипноза как вспомогательного метода для глубокого физиологического расслабления позволяет обнаруживать и корректировать травмирующие события в перинатальном периоде, так как опыт перинатальных переживаний находится за пределами сознания, в области бессознательных процессов.

Клинический опыт работы с женским бесплодием и нарушениями материнской компетенции

Первый клинический случай: описание, анализ, результат

Пациентка — 36 лет, замужем, детей не было, 5 лет безуспешных попыток стать матерью. Медицинский диагноз: бесплодие с направлением на экстракорпоральное оплодотворение (далее ЭКО).

Анамнез на момент обращения включал в себя: самопроизвольное прерывание беременности (выкидыш), две внематочные беременности, с последующей перевязкой маточных труб и возможностью забеременеть только с помощью ЭКО. Была одна беременность с помощью ЭКО, которая закончилась прерыванием на 20-й неделе по медицинским показаниям. После этого была еще одна неудачная попытка забеременеть с помощью ЭКО, в процессе которой подсаженные эмбрионы были отторгнуты.

Пациентка обратилась с запросом снять тревожное ожидание беременности перед следующим плановым ЭКО. По анамнезу явно прослеживалось, что организм и психика женщины активно сопротивлялись беременности и материнству. В процессе работы были обнаружены несколько причин этого сопротивления, связанных с перинатальными переживаниями.

Во-первых, мать пациентки во время беременности ею ощущала сильную тревогу и опасалась, что может не справиться с вынашиванием, так как предыдущая беременность завершилась самопроизвольным прерыванием. Страх матери перед новым процессом и тревожный стиль переживания беременности способствовал тому, что пациентка внутриутробно не ощущала любящего материнского внимания, благополучной эмоциональной вовлеченности матери в свою беременность. Таким образом, произошло нарушение удовлетворения внутриутробной потребности плода в непрерывности связи, вследствие чего у пациентки зафиксировалась тревога перед новым нежелательным процессом.

Аналогичные чувства пациентка проживала при каждой своей беременности. Фантазии о переменах в жизни, которые

происходят с появлением ребенка в семье, вызывали в ней тревогу. Плод бессознательно воспринимался помехой для привычной жизни, что приводило к прерыванию беременности в качестве защиты от возникающей тревоги.

Во-вторых, при взаимодействии с маленькими детьми пациентка ощущала раздражение. Причиной этого раздражения, как оказалось, была младшая сестра, которая родилась, когда пациентке было 2,5 года. В этом событии опять обнаружился страх перед новым нежелательным процессом — появлением другого младенца, который забирает все внимание матери себе. Возникла сиблинговая конкуренция, агрессия по отношению к сестре-младенцу и желание, чтобы конкурента не стало.

Ассоциативно младенец воспринимался пациенткой как угроза для ее биологического выживания. Рождение нового ребенка у матери означало для пациентки, что маме она больше не нужна, возникал регресс к первоначальной внутриутробной тревоге — угрозе быть изгнанной (отвергнутой). Поскольку тревога и агрессия как реакция на травмирующее событие не были отрефлексированы, сконтейнированы матерью и осмыслены ребенком, они зафиксировались внутри структуры «Я» пациентки. При беременности агрессия как разрушительный импульс бессознательно переносился ею на своего собственного младенца, который воспринимался как угроза для жизни и в качестве защитной реакции разрушался (отторгался) материнским организмом.

В-третьих, под воздействием травмирующих событий надежная эмоциональная привязанность с матерью в перинатальном периоде не сформировалась, материнская фигура была обесценена, и как следствие была обесценена женская идентификация с матерью. После появления сестры значимыми фигурами для девочки стали отец и бабушка (мать отца). Они неоднократно критично отзывались в ее присутствии о форме тела матери, что вызывало в пациентке сильную тревогу. Для нее означало, что если ее мать не нравится (нежеланна) отцу и бабушке, то в случае сходства со своей матерью, она будет так же нежеланна близким фигурам. Возникал повторный регресс к первоначальной внутриутробной тревоге — угрозе быть изгнанной (отвергнутой).

Пациентке не хотелось быть похожей на мать, но, замечая в форме своего тела сходство с ней, она сильно раздражалась. Обнаружилось бессознательное убеждение, что ей не хотелось быть такой же женщиной, как мама. Ассоциативно идентификация с матерью, способной на беременность и материнство, воспринималась пациенткой как угроза. В результате у нее появлялся страх перед изменением тела при беременности в худшую сторону, в связи с чем появлялись фантазии о том, что муж ее разлюбит и отвергнет.

Все обнаруженные в процессе анализа причины позволяют сделать вывод, что нарушение удовлетворения антенатальной потребности плода в непрерывности связи с укреплением этого нарушения в повторяющихся событиях повлияли на репродуктивную способность пациентки.

Результат анализа и проведенной коррекции: спустя шесть месяцев после обращения пациентка забеременела с помощью ЭКО, благополучно выносила и родила девочку.

Второй клинический случай: описание, анализ, результат

Пациентка — 30 лет, на момент обращения была не замужем, отношений с мужчиной и детей не было, на протяжении десяти лет жила одна, отдельно от родительской семьи. Обратилась с запросом разобраться с ощущением одиночества и страхом перед близкими отношениями и рождением ребенка. Были переживания по поводу своей внешности, связанные с кожными высыпаниями на лице и теле, которые вызывали ощущения сексуальной непривлекательности для мужчин. Через этот физический симптом проявлялось сопротивление к сексуальным и эмоционально близким отношениям с мужчиной и, как следствие, к собственному материнству.

Во время работы с пациенткой обнаружено, что причина этого сопротивления в следующих перинатальных переживаниях. С первых месяцев жизни мама оставляла ее с бабушкой и уезжала учиться в другой город на неделю, что неоднократно повторялось. Мать очень сильно страдала от того, что приходится оставлять новорожденного младенца, и это еще больше усиливало ощущение одиночества и тревогу пациентки.

Поскольку первые шесть месяцев жизни мать и младенец находятся в эмоциональном слиянии, соответственно, при разлуке со своим младенцем мать испытывала эмоциональные переживания, которые ребенок чувствовал вместе с ней.

Таким образом, первые близкие отношения пациентки в симбиотической связи «мать-дитя» запомнились как очень болезненные, вызывающие невыносимые страдания. Кожные высыпания у нее впервые появились уже в первый год жизни — как сигнал матери о нарушенном процессе в ее взаимодействии с младенцем.

Травматический опыт пациентки в первые шесть месяцев ее жизни позволяет сделать вывод о том, что нарушение удовлетворения постнатальной потребности пациентки в физическом и эмоционально благополучном присутствии матери повлияло на ее взрослую жизнь таким образом, что зафиксировался страх перед близкими отношениями, который в дальнейшем переносился на все другие отношения пациентки, в том числе и на близкие отношения с мужчинами.

В дальнейшем отношения с матерью во взрослой жизни при реальном взаимодействии были очень напряженными и болезненными для них обеих. Бессознательно пациентка сильно сопротивлялась тому, чтобы быть женщиной, похожей на свою мать, которая вышла замуж и родила детей.

Результат анализа и проведенной коррекции: после обнаружения и корректировки перинатальных переживаний анализ с пациенткой продолжался в психоаналитическом формате, в процессе которого у нее прошел страх перед близкими отношениями. Она встретила мужчину, с которым сложились эмоционально благополучные близкие отношения, вышла за него замуж. Непродолжительное время после замужества сопротивление к материнству еще сохранялось, затем пациентка забеременела и родила ребенка. Чувствует себя счастливой в отношениях и в материнстве.

Третий клинический случай: описание, анализ, результат

Пациентка — 35 лет, на момент обращения была замужем, детей нет. Обратилась с запросом разобраться со своими

чувствами к мужу, в отношениях с которым испытывала амбивалентные реакции: то желание сблизиться и родить ребенка, то наоборот, огромную тревогу от близости, вследствие которой появлялась ненависть к мужу и желание уйти из отношений из-за непереносимости эмоциональных страданий. Мысли о рождении ребенка вызывали тревогу и фантазии о том, что, как только она родит, останется одна с младенцем на руках. В ходе сбора анамнеза выяснилось, что муж стал для пациентки замещающей фигурой после смерти матери. Соответственно, она переносила на него свои переживания утраты, ощущая острые амбивалентные чувства.

Во время работы с пациенткой были выявлены причины амбивалентных чувств, связанные с перинатальными переживаниями. Во-первых, обнаружились нарушения ее потребностей в антенатальном периоде. Так, мать пациентки была очень рада своей долгожданной беременности, поскольку долго не могла забеременеть по медицинским показаниям. Бабушка (мать матери пациентки), напротив, узнав о беременности дочери, возражала против рождения ребенка и настаивала на аборте.

Далее пациентка вспомнила семейную историю о том, что в период, когда бабушка была беременна матерью пациентки, на шестом месяце беременности у нее погиб муж. Для молодой беременной женщины это стало сильным потрясением. Беременность дочери напомнила бабушке пациентки о травматическом опыте во время своей беременности, что привело к возникновению сопротивления, поэтому она настаивала на аборте. Кроме того, острые переживания утраты вместе с ней пережила внутриутробно и мать пациентки, и этот травматический опыт в дальнейшем также отразился на ее отношении к своему материнству.

Соответственно, мать в начале своей беременности испытывала амбивалентные чувства: с одной стороны, ребенок был желанный, и ей хотелось стать матерью, с другой стороны, злость на свою мать за отсутствие поддержки и вину за свое желание стать матерью, поэтому возникали мысли об аборте. Таким образом, в результате внутреннего конфликта матери пациентки, спровоцированного внешним конфликтом со своей матерью (бабушкой пациентки), произошло нарушение

удовлетворения внутриутробной потребности плода в безопасности существования.

Во-вторых, когда пациентке исполнилось 1 год и 2 месяца, ее мать родила сына и была вынуждена находиться с ним в больнице продолжительное время по состоянию здоровья, поэтому пациентку на несколько месяцев забрала бабушка. Вследствие длительной разлуки с матерью была не удовлетворена постнатальная потребность пациентки в физическом и эмоционально благополучном присутствии матери рядом столько, сколько ей было необходимо, чтобы чувствовать себя в безопасности. Данное нарушение привело к дальнейшему укреплению зафиксированных в психике внутриутробных переживаний.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перинатальный травматический опыт пациентки лег в основу ее амбивалентных реакций в близости с другим человеком, которые сопровождали все ее отношения с мужчинами. После смерти матери, в переносе на мужа, амбивалентные реакции приобрели остроту и усилились из-за переживаний утраты. Рождение ребенка в ее фантазиях ассоциативно было связано с обязательной потерей мужчины. Соответственно, для отношений пациентка выбирала мужчин ненадежных, подтверждающих ей, что в любой момент мужчина может ее оставить. Глубоко в психике закрепился жизненный опыт бабушки, связанный с потерей мужа. Зафиксированные тревожные переживания в перинатальном периоде вызвали сопротивление к благополучным отношениям с мужчиной и собственному материнству.

Результат анализа и проведенной коррекции: после обнаружения и корректировки перинатальных переживаний анализ продолжается в психоаналитическом формате. На текущий момент переживания, связанные со смертью матери, ею прожиты, из невротических отношений с мужем (уже бывшим) пациентка безболезненно вышла. Сейчас она находится в близких надежных отношениях с мужчиной, в которых чувствует себя безопасно, они планируют рождение совместного ребенка. Мысли о семье и ребенке вызывают в ней приятные и радостные чувства. Пациентка начала заниматься планирова-

нием беременности, заботясь о состоянии своего физического здоровья. Психоаналитическая работа с ней продолжается.

Выводы

На основании вышеизложенного клинического опыта можно сделать следующие выводы.

Во-первых, нарушение удовлетворения базовых потребностей в перинатальном периоде жизни женщины оказывает влияние на важные сферы ее взрослой жизни: отношения с мужчиной, замужество, материнство. Травматический опыт, полученный в перинатальный период онтогенеза, оказывает прямое влияние на репродуктивное здоровье женщины, воздействуя на физическое тело, и является причиной формирования соматических защит в виде физических симптомов в теле, через которые проявляется психологическое сопротивление.

Во-вторых, применение гипноза как вспомогательного метода для глубокого физиологического расслабления позволяет существенно сократить период работы с женским бесплодием и сопротивлением к материнству при коррекции травматических перинатальных переживаний пациентов.

В-третьих, применение базовых знаний из перинатальной психологии позволяет оказывать эффективную и всестороннюю помощь в работе с пациентами, имеющими различные физические и психоэмоциональные симптомы, причины которых находятся в перинатальном периоде.

Библиографический список:

1. Абрамченко В. В., Коваленко Н. П. Перинатальная психология: теория, методология, опыт. — Петрозаводск: Интелтек, 2004. — 350 с.
2. Деларю В. В. Защитные механизмы личности: методические рекомендации — Волгоград: ВолгГАСА, 2004. — 48 с.
3. Добряков И. В. Перинатальная психология. — СПб.: Питер, 2010. — 272 с.
4. Кафкалидес А. Знания из лона. — СПб.: ИПТП, 2007. — 256 с.

5. Сидоров П. И., Чумакова Г. Н., Щукина Е. Г. Перинатальная психология: учебное пособие. — СПб.: СпецЛит, 2015. — 143 с.

INFLUENCE OF DISTURBANCE OF BASIC NEEDS SATISFACTION IN PERINATAL PERIOD ON ADULTHOOD (CASE STUDY OF CLINICAL EXPERIENCE IN FEMALE INFERTILITY AND MATERNAL COMPETENCE DISORDERS)

Skibintseva Natalia Viktorovna
analytical psychologist, perinatal psychologist, hypnologist
Chelyabinsk

Abstract. In the article the author presents description of clinical experience in working with symptoms in adult patients that had been caused by disturbances of basic needs satisfaction in perinatal period. Biological survival of an infant in antenatal, intranatal and postnatal periods and basic needs related to this survival are being considered in the paper. The writer of this article has studied the impact of the above-mentioned disturbances of basic needs on reproductive performance and maternal competence formation and development as well following on personal clinical experience in female infertility.

Keywords: perinatal period, perinatal needs, maternal competence, reproductive performance (fertility)

2.2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ПРАКТИК В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Ломоносова Наталья Сергеевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, возрастной и дифференциальной психологии АНОВО «ВЕИП», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлены выводы, сделанные на основании анализа психологического консультирования в период пандемии COVID-19. Основной метод работы, рассматриваемый в статье, — письменные практики. Отмечается увеличение количества запросов на личную консультацию, увеличение объемов текстов, представляемых клиентом для анализа, расширение диапазона используемых письменных практик.

Ключевые слова: письменные практики, психологическое консультирование в период пандемии

Значение психологической помощи в период пандемии возросло многократно. Далее представлены материалы анализа текстов сорока двух человек, проходящих психологическое консультирование, основной формой работы являются письменные практики. Материалы предоставлены шестью консультантами (включая автора статьи). Выводы базируются на анализе материалов консультативной работы и систематическом обсуждении с коллегами проблем психологического консультирования в период пандемии.

1. Увеличился объем текстов, написанных клиентами. Минимум на четверть стало больше материала, представляемого для анализа. При этом объем единиц анализа (тем в одном тексте) существенно не изменился, а стиль изложения преобразовался. Тексты стали менее структурированными, в них много повторов, застревания на одной ситуации. Вероятно, это обусловлено тем, что люди пишут о новых для них условиях, в которых надо освоиться, осознать свои чувства и реакции,

выстроить новые модели поведения. И в текстах отражается та эмоциональная реакция, которую надо проработать, а также поиск решения в новых и постоянно меняющихся условиях. Однако тут же можно предположить и актуализацию/формирование невротической потребности заполнения времени действиями, в том числе написанием текстов.

2. Стало больше запросов на встречи. Если до пандемии частота личных встреч (онлайн или оффлайн) была в среднем один раз в три недели, то с наступлением пандемии частота встреч увеличилась до одного раза в неделю. Можно предположить, что это запрос касается не столько содержательной части консультативной работы, которая происходит по-прежнему в основной форме письменного онлайн взаимодействия, сколько поиска поддержки, социального контакта с «живым человеком» (несмотря на онлайн формат общения в период пандемии). Таким образом, все формы работы в сфере письменных практик увеличились в объеме — и предоставление текста для анализа (п. 1), и устные консультации-сопровождение (п. 2).

3. Расширились формы письменных практик, используемые клиентами. Те клиенты, которые до пандемии предпочитали фрирайт, дополнительно стали писать формализованные, структурированные тексты (списки, событийные дневники и другое [1; 2]). Клиенты, использовавшие рациональные формы работы, стали писать также эмоционально-направленные тексты. То есть привычные формы поведения в ситуации высокого стресса не давали достаточной эффективности, и возникла потребность расширения диапазона моделей поведения как в формах психологической работы, так и в жизни в целом. Я рассматриваю это как позитивный признак: в ситуации стресса выбрана стратегия поиска новых путей решения, а не игнорирование ситуации или регрессия.

В начале пандемии наиболее распространенной формой письменный практик у клиентов были списки. Люди строили планы о том, как эффективно они проведут время карантина, самоизоляции: пройдут онлайн обучение, займутся спортом и т. д. Стремление занять себя какой-либо деятельностью было в том числе маркером проявления тревоги: нужно занять себя чем-либо, чтобы не думать о проблемах пандемии. Списки

составлялись без учета высокой стрессогенности ситуации, без реального понимания, сколько психической энергии уйдет на приспособление к новым условиям, опыта проживания которых у людей не было. Задача консультанта была в том числе в прояснении реальной картины — высокой сложности адаптации к жизни в пандемии, включая помощь в оптимальном планировании и сопровождение формирования эффективных моделей преодоления стресса (в противовес механизмам отрицания, избегания, формального переключения внимания на другую деятельность, которые не дают в перспективе положительного эффекта, а только множат проблемы внутреннего неблагополучия).

В заключение следует отметить, что введение карантина, самоизоляции и других форм ограничения передвижения не привело к организационным проблемам консультирования, поскольку уже несколько лет назад большинство консультантов, использующих письменные практики, перешли в формат онлайн-работы.

Библиографический список:

1. Кэрролл Р. Bullet Journal метод. Переосмысли прошлое, упорядочи настоящее, спроектируй будущее. — М.: Бомбора, 2019. — 336 с.

2. Schaefer E. M. Writing Through the Darkness: Easing Your Depression with Paper and Pen. — United States: Celestial Arts, 2008. — 224 p.

USING WRITTEN PRACTICES IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING DURING THE COVID 19 PANDEMIC

Lomonosova Natalia Sergeevna

candidate of psychological sciences, associate professor of the department of general, age-related and differential psychology of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the conclusions drawn from the analysis of psychological counseling during the COVID-19 pandemic. The main method of work considered in the article is written practices. There is an increase in the number of requests for personal advice, an increase in the volume of texts submitted by the client for analysis, an expansion of the range of written practices used.

Keywords: written practices, psychological counseling during a pandemic

2.3. СЕПАРАЦИОННАЯ ТРЕВОГА ВЗРОСЛЫХ И ПЕРЕЖИВАНИЕ РАССТАВАНИЯ

Гржибовская Виктория Витальевна
практикующий психолог,
студент ДПО «Психоанализ» АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье описаны теоретические и практические аспекты психологической помощи взрослым в переживании сепарационной тревоги при завершении отношений. Рассмотрена сепарация как выход из отношений и интеграция жизненного нарратива в процессе расставания с опорой на теории М. Малер, З. Фрейда, М. Кляйн и Д. Винникотта. Представлен клинический случай работы с сепарационной тревогой в ситуации завершения отношений.

Ключевые слова: сепарация, сепарационная тревога взрослых

Тема процесса сепарации как приобретения автономии часто упоминается в значении механизма, способствующего взрослению ребенка. Но способность к сепарации как к процессу достижения интрапсихической отделенности играет большую роль в построении взрослых отношений, а особенно — в переживании их завершения. Больше о сепарационных сложностях и работе с ними стало известно с ростом обращений в консультирование и психотерапию пограничных субъектов, особенно остро переживающих конфликт близости и автономии. Однако невротически организованные личности также могут переживать сепарационные проблемы достаточно остро и болезненно. А значит, практически каждый психолог сталкивается с этими вопросами в своей практике.

Сепарационная тревога — реакция, возникающая в ответ на реальную или символическую разлуку со значимым объектом. Этот механизм помогает предохранять отношения от их разрушения, обозначая важность ощущения принадлежности к кому-то, вовлеченности в эмоциональную связь. Но есть и

обратный эффект: избыточность сепарационной тревоги делает практически невозможным переживание одиночества.

Завершение отношений — это шаг в сторону автономии, независимости, отдельности через разрушение эмоциональной связи. Сепарационная тревога является нормальным фоном этих процессов, но иногда ее характер настолько интенсивен, что факт расставания становится невозможным для признания или переживания. Мы можем видеть, как люди сохраняют привязанность к партнеру, который покинул их много лет назад, испытывают эмоциональную боль, как будто расставание случилось совсем недавно, не готовы вступать в новые отношения, потому что постоянно в фантазиях или реальности пытаются поддерживать или возобновить эту связь. Эти сценарии уберегают от переживания сепарационной тревоги, позволяют превратить ее в «не совсем настоящую», диссоциироваться с этими переживаниями, но не оставляют возможность утратить значимый объект до конца.

Сепарационные процессы взрослого затрагивают весь жизненный нарратив. Отношения подразумевают расставание не только с общим настоящим, но и с общим прошлым и будущим. Ощущение обеднения прошлого и бессмысленности будущего являются не меньшим дестабилизирующим фактором, чем переживание настоящих событий. Боль сепарации от значимого другого имеет смысл прожить хотя бы в пользу обслуживания своего будущего, в котором можно найти место не только сепарационному ужасу, но и удовольствию от автономии и новой привязанности.

Сепарационная тревога и утраченное прошлое

Если мы проведем параллель между результатами исследований процесса сепарации детей (нами использована теория сепарации-индивидуации Маргарет Малер) и развитием партнерских отношений взрослых, то обнаружим определенные сходства. Фазе сепарации всегда предшествует фаза симбиоза, единого целого, полного слияния друг с другом. Начало романа часто характеризуется некоторой слитностью, симбиотичностью идентичностей партнеров, построенной на частичной идеализа-

ции друг друга. Особенно страстная влюбленность имеет признаки симбиотического психоза: в этом регрессивном состоянии не так важны вербальные конструкции и работа когнитивных функций, как присутствие другого, которое само по себе влечет за собой удовлетворение. Эти реакции являются основой способности вступать в отношения, оставаться вовлеченным в них и формировать здоровую зависимость от другого. Со временем развития отношений реальный образ начинает проступать сквозь идеализацию, партнеры обнаруживают свои различия и сталкиваются с переживаниями по этому поводу. Способность к сепарации внутри отношений дает возможность не игнорировать эти различия, а включать их в процесс взаимодействия и обрабатывать.

М. Малер в своих наблюдениях за детьми и их матерями пришла к выводу, что качество симбиоза отношений определяет качество сепарации. Это же правило применительно ко взрослым, переживающим завершение отношений. В работе над случаем исследование качества симбиоза утраченных отношений позволяет больше узнать о способах, к которым субъект прибегает при переживании сепарационной тревоги. Если отношения между двумя взрослыми носят тревожно-неустойчивый или поглощающий характер, не предусматривающий достаточную автономию внутри этой связи, то и расставание будет протекать как осложненная сепарация. Говоря о симбиотических отношениях, мы подразумеваем не только идиллические отношения, где хотя бы один партнер остается абсолютно удовлетворенным, но и конфликтные симбиозы, в которых обоюдная неудовлетворенность становится основой связи.

В отношениях с недостаточным ощущением автономии тяжело переносится неудовлетворенность — своя или партнера. Часто в этих историях мы обнаруживаем излишнюю вовлеченность одного или обоих партнеров в отношения, навязчивое желание угодить, ревность, стремление к контролю, фантазии или реальные попытки завладеть всем временем и вниманием другого, в том числе через шантаж и манипуляции. Переживания относительно общего прошлого чаще носят амбивалентный

характер, но не всегда противоположный полюс отношений представлен в сознании.

Анализ общего прошлого позволяет найти ответы на важные вопросы: что такого уникального было в этих отношениях? С чем я не могу расстаться? И почему я не могу расстаться с этим? Невозможность ответить на эти вопросы способна превратить печаль по объекту в депрессивные переживания собственной плохости. Ответы позволяют обнаружить специфический внутренний порядок, в котором утраченный объект имел важное, иногда на уровне жизни и смерти, значение. И тогда расставание становится не только прощанием с конкретно этим человеком во взрослой жизни, а символическим переживанием сепарации с более значимыми фигурами из прошлого, отношения с которыми и сформировали это внутреннее устройство.

«Она [сепарация-индивидуация — *В. Г.*] никогда не заканчивается, и в новых жизненных фазах можно увидеть действующие отголоски самых ранних процессов» [2, с. 21]. Утраченное прошлое может быть намного больше и сложней, чем отношения двух взрослых. Мы можем сталкиваться с целой чередой замещающих объектов, открывающих цепочку незавершенных сепараций.

Переключение с внешнего реального объекта на объекты внутренние становится важной частью терапевтического процесса. Его можно рассматривать как осознанное движение к приобретению автономии. Сопротивление этой динамике, стремление сливаться с утрачиваемым объектом, примитивная идеализация и обесценивание бывшего партнера, отказ признавать конечность отношений практически неизбежны, но должны использоваться нами как важный материал, обнажающий внутреннее нежелание переживать сепарационный процесс, даже если на рациональном уровне запрос клиента звучит прямо противоположным образом.

Сепарационная тревога и утраченное настоящее

Основная сепарационная драма расставания происходит в настоящем и состоит в поиске ответа на вопрос: кто я, когда эти отношения закончились? Идентификация (частичное

слияние) с другим подразумевает некоторую жертву в пользу отношений. И если эта условная жертва взаимна и добровольна, речь скорее всего идет о достаточно удовлетворяющих отношениях. Расставание отнимает эту идентификацию. Если она сохраняется, жертва теряет всякий смысл: ответного удовлетворения не возникает. Также могут включаться вторичные процессы, в которых удовлетворение получается извлечь из самого процесса безответного жертвования, не приносящего ответного удовлетворения.

Мы можем использовать два источника материала, анализ и проработка которого способствует возвращению собственной идентичности. Первый — переживания, влечения, фантазии, мысли клиента, связанные с актуальными событиями и реальным утраченным объектом. Второй — переносные отношения и контр-переносные реакции, возникающие и развивающиеся между психологом и клиентом в процессе встреч. Поначалу, особенно если расставание переносится остро, все внимание сосредоточивается на первом аспекте, но это не значит, что психолог игнорирует сценарии, которые разыгрываются в кабинете и в которые клиент неосознанно вовлекает нас. Зачастую то, что остается для субъекта белым пятном, становится наблюдаемым в кабинете.

В работе с молодой женщиной (назовем ее Анной), одновременно страдающей по утраченным идеализируемым отношениям и от неудач в построении новых связей, постоянно возникали жалобы на одиночество и отсутствие поддержки, ощущение собственной недостойности и плохости. При этом на мою сочувствующую реакцию при обсуждении драматических сюжетов ее детства, Анна отреагировала обесцениванием и высмеиванием, буквально уничтожив мое поддерживающее движение навстречу ей, уничтожив меня как заинтересованного в ней другого. Позже стало понятно, что проявление такой агрессии и моделировало ее одиночество в партнерских и дружеских отношениях. Атаки на сочувствие другого позволяли его обесценивать, а значит, избежать эмоциональной зависимости в отношениях и не испытывать сепарационную тревогу, сопровождающую отношения с хорошим значимым объектом. Все эти действия оставались за кадром ее сознания, что делало

других в фантазиях Анны черствыми и равнодушными, а ее — одинокой и несчастной.

Прояснить этот феномен мы можем через описанный Мелани Кляйн механизм расщепления значимого объекта на очень хороший и очень плохой, и одновременное собственное расщепление. Анна осознает свою одинокую и тоскующую часть, отщепляя агрессивную, сохраняя при этом представление о себе как о неудовлетворенной и пассивной. Но на уровне реального поведения существует что-то еще — переключение в активное состояние, агрессивное проявление неудовлетворенности. Одинокое и тоскующее Я подразумевает утрату чего-то хорошего, тогда как агрессивное и отвергающее Я направлено на что-то плохое. Таким образом и ощущение себя, и ощущение другого дезинтегрировано, что способствует дополнительному росту тревоги.

Эта же схема мешала сепарационному процессу при расставании. Сталкиваясь с частичным неудовлетворением при взаимодействии с партнером, Анна ощущала себя глубоко несчастной, но оставалась терпеливо пассивной, остро переживающей сепарационную тревогу, расщепляясь со своей агрессией, сохраняя объект привязанности от разрушения. Расставание произошло неожиданно и по ее инициативе: на волне конфликта появился внутренний доступ к агрессии, которая помогла не ощущать сепарационный страх утраты объекта. Мы говорим именно о расщеплении, потому что даже через несколько лет после расставания фигура бывшего партнера не была интегрирована, он оставался то абсолютно ужасным, то примитивно идеализированным. В процессе интеграции образа утраченного другого пришло присвоение агрессии и переживание вины. Осознание собственного вклада в отношения снизило тревогу и позволило продвинуться в сторону автономии. Вина избавила Анну от неосознанного переживания состояния, напоминающего параноидно-шизоидную позицию, толкающего попеременно нападать на объект привязанности и переживать сильный страх зависимости от него. Вина дала доступ к ощущению значимости пережитой утраты и усвоению опыта как опыта отношений с достаточно хорошим объектом.

Расставание в целом вызывает ощущение утраты части себя, той части, которая была идентифицирована с партнерским «мы», построенном на симбиотических переживаниях. Мы можем использовать и фрейдовское различие между скорбью (печалью) и меланхолией (депрессией). Прощание со значимым объектом, возможность скорбеть и негодовать об этой утрате освобождает «Я» от «мы», тогда как запрет на печаль и агрессию порождает внутренние конфликты, нападение критикующей части «Я» на измененное «Я».

Эта новая часть должна быть переработана и присвоена уже в переформулированном виде. Если сепарационная тревога высока, расщепление может стать способом уйти от необходимости прикасаться к этому болезненному материалу.

Само присутствие кого-то еще в этом процессе позволяет сделать одиночество чуть более переносимым и чуть менее пугающим. Мы можем сравнить терапевтическое пространство и отношения с переходным объектом, который помогает пережить ощущение покинутости и глобальной утраты, потому что «способность к одиночеству основана на опыте одиночества в присутствии кого-то, и без подобного опыта индивид так и не сможет приобрести этой способности» [4, с. 417]. Люди, испытывающие сепарационные проблемы, не являются обладателями достаточно хороших внутренних объектов, чтобы пережить всю горечь утраты, опираясь на них. Зато обладают опытом болезненного одиночества, к которому они явно не были готовы на более ранних периодах своей жизни. Аналитическая ситуация, свободное ассоциирование и даже молчание на сессиях может выступить опытом одиночества в присутствии другого, усвоение которого позволит переживать сепарационную тревогу без угрозы саморазрушения.

Сепарационная тревога и утраченное будущее

Представления о будущем — еще одна часть нарратива, требующая переформулирования при переживании расставания. Как депрессивные переживания (меланхолия) способствуют самопознанию не самых лучших сторон собственного Я, так и переживание сепарационной тревоги позволяет ограничить

фантазии о всемогущем себе и о всемогущем идеальном другом. Поначалу эти открытия могут подкреплять ощущения бессмысленности будущего; ведь какой смысл вступать в отношения, если их окончание приносит столько боли, а все отношения по своей природе конечны. Но процесс обработки этой боли дает возможность перестать избегать ее, закрепляя либидозный катексис на образе утраченного объекта, а возвращать его себе и размещать его в уже новых отношениях. «При нормальных условиях победу одерживает уважение к реальности, но требование не может быть немедленно исполнено» [3, с. 213]. Сепарационному процессу, как и любому другому психическому движению, необходимо свое время и пространство.

В качестве заключения и иллюстрации нового обращения с сепарационной тревогой представляю реальный случай клиентки, который она выбрала в качестве описания ее выросшей способности к автономии при завершении нашей работы.

«В туристической поездке я вместе с подругами зашла в торговый центр. Он был размещен на нескольких этажах. Мы поднялись на последний этаж, чтобы постепенно спускаться вниз. Я хотела купить рюкзак. И на самом верхнем этаже я увидела его — черный, с золотыми деталями. Недолго думая, я взяла этот рюкзак. Но пока мы продолжали гулять по торговому залу, я начала сомневаться. Я вижу себя в зеркалах — я такая большая, а он (рюкзак) такой маленький. Да и не вместится в него столько, сколько мне нужно. И отдел с сумками остался наверху, а я спускаюсь вниз. Рюкзак мне нравится все меньше. В какой-то момент я решаю оставить его, понимая, что скорее всего я не найду сегодня чего-то подходящего мне. И на самом нижнем этаже, у кассы стоит белый большой рюкзак. Его ткань точь-в-точь как моя маленькая белая сумка. Конечно, я купила его. Но если бы я не отложила тот, первый, я бы не стала искать что-то другое. И не нашла бы». Размышляя об этой метафоре, мы пришли к выводу, что иметь силы переживать сепарационную тревогу — это возможность закончить одни отношения, не ища им срочную замену, но зная, что достаточно хороший объект привязанности еще обязательно встретится.

Библиографический список:

1. Кляйн М. Любовь, вина и репарация // Кляйн М. Психоаналитические труды в VII т. Т Т.II: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929-1942 гг. — Ижевск: ERGO, 2007. — С. 205—255.
2. Малер М. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. — М.: Когито-Центр, 2011. — 413 с.
3. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 211—231.
4. Winnicott D. W. The capacity to be alone // International Journal of Psycho-Analysis. — 1958. — № 39. — P. 416—420.

ADULT SEPARATION ANXIETY AND SEPARATION EXPERIENSE

Grzhibovskaya Victoriya Vital'evna
practicing psychologist,
student of continuing professional development's program «Psychoanalysis»
of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article describes theoretical and practical aspects of psychological assistance for adults experiencing separation anxiety in relationships. Separation is regarded as ending relationships and integrating of life narrative in the process of separation, based on theories of M. Mahler, S. Freud, M. Klein and D. Winnicott. The clinical case of working with separation anxiety in relationships is presented.

Keywords: separation, adult separation anxiety

2.4. ТАТУИРОВКА: РАЗВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ КОРОЛЕВСКАЯ ДОРОГА В БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ?

Усатых Галина Николаевна
психолог, психоаналитик,
г. Санкт-Петербург

Аннотация: В статье проводится анализ символа татуировки, выражающей внутренний мир субъекта, включающий сознательное и бессознательное содержимое. Автор сосредоточивает внимание на возможности влияния влечений на символ рисунка, а также влияния рисунка на образ тела; на причинах желания в изменении своего тела. Татуировка рассматривается как средство коммуникации между Я и внешним миром.

Ключевые слова: образ тела, рисунок, татуировка, символ, влечения

Учитывая интересы современного общества в самовыражении, многие молодые люди делают себе татуировки, отдавая дань популярности этой теме. Но задумывались ли они, что каждая татуировка не только имеет общепринятое символическое значение, но и несет много большее — бессознательное выражение желаний и смыслов?

Рисунки, как и другие формы творческой деятельности, дают важную информацию о внутреннем, скрытом ото всех мире человека. Он становится самовыражением личности, включающим сознательное и бессознательное содержимое. Г. Ферс считал, что рисунок может служить в качестве диагностического средства наряду с чисто аналитическим, так как открывает дорогу в бессознательное. Символ из области бессознательного действует как компенсирующий элемент по отношению к сознательной части психики и «обладает целебным воздействием, стремясь к сбалансированности и целостности личности» [6, с. 22]. Как символическое выражение проблем в рамках аналитических отношений, так и символическое выражение с помощью символов на теле дает возможность разрешения внутренних конфликтов.

Ключевым словом здесь становится «символическое». С помощью символов человек бессознательно передает некие заложенные смыслы, становясь транслятором информации для окружающих. К. Г. Юнг считал, что символ всегда больше, чем вмещает сознание, и что творчество становится внутренним механизмом саморегуляции, а символический язык рассматривал как выражение личного и коллективного бессознательного. Рисунок становится неким символом, содержащим множество смыслов, образов, фантазмов человека. И если посмотреть глубже — еще и культуры, эпохи, общества, в котором живет индивид. Изучая историю символов, замечаешь, что в каждом символе присутствует архетипическая часть прошлого. Поэтому зарождение символа для выбора татуировки происходит на разных уровнях восприятия: образном, мысленном, вербальном, зрительном, телесном, а также на разных уровнях психики: Я, Сверх-Я и Оно.

Имеет ли значение способ создания рисунка? С незапамятных времен информация передавалась различными способами. Рисовали на камнях, стенах, теле и прочих поверхностях. Г. Ферс отмечал, что «способ создания рисунка не имеет значения, поскольку все рисунки открывают дорогу к психике или содержанию бессознательного конкретного человека» [6].

Символ татуировки пробуждает влечения, скрытые в большей степени в бессознательном и проявляющие себя на грани тела и психики. Тело становится «полотном» для выражения своих фантазмов, а символ приобретает «телесность», наполняясь множественностью смыслов. Вследствие этого возникает вопрос о бессознательном образе тела, то есть о том, каким наше тело нам представляется и как мы его воспринимаем: о наших установках, мыслях и ощущениях, связанных с телом. Это наше самоощущение, самооценка и самовосприятие.

С одной стороны, тело — часть нашего Я, с другой — объект внешнего мира. То есть тело в психике является двойственным объектом, который включает в себя целостное Я и объект, нагруженный представлениями внешнего мира о теле. Рассмотрю образ татуированного тела с трех позиций: реальное

(отраженное по Дольто) тело (бессознательный образ тела), тело как Я-Идеал и презентация своего тела вовне [2, 3].

До нанесения татуировки тело — это образ; оно может восприниматься как недостаточно хорошее, поэтому подлежит корректировке в той или иной степени (диеты, операции, татуировки и т. п.). Присутствует идеал тела как некий мысленный образ того, каким должно быть свое тело, будь оно хорошим и любимым объектом. Презентация тела внешней среде становится тем посылом, который субъект несет обществу о себе и своей истории. Сама татуировка в таком случае становится объектом, который «кричит» о желаниях и внутренних конфликтах своего хозяина.

Принимая во внимание эти мысли, мы можем сделать интересный вывод о том, что желание изменить свое тело на первый взгляд может быть связано с несколькими причинами:

— непринятие себя через Другого;

— непринятие своего Я;

— и выражение невыраженного.

Таким образом, становится понятнее, что все истоки причин находят свое отражение в бессознательном образе тела как субстрате языка на уровне отношений. Ф. Дольто отмечает, что тело «является бессознательной частью Я и местом, откуда субъект может сказать: Я». Тогда тело и татуировка, нанесенная на него, выступают как объект, который Я предъявляет миру, как средство для коммуникаций. В таком случае тело с татуировкой выступает еще и как отраженный образ, который способствует трансформации бессознательного образа тела. Кроме того, татуировку, уже нанесенную на тело, можно рассматривать как объект, наделенный психической энергией, которая способствует нарциссическому удовлетворению и приближает к Я-Идеалу [3].

Ф. Дольто в книге «Бессознательный образ тела» отмечала, что образ тела развивается в системе взаимоотношений с Другим [2]. Тогда татуировка на теле рассказывает о взаимоотношениях субъекта к себе и миру через символический язык рисунка. Символ начинает «разговаривать» с миром, и, как считал Кассирер, человек с помощью символов упорядочивает хаос.

Попробуем рассмотреть символ татуировки как прообраз некоего объекта влечения, который включает в себя силу (напряжение энергии влечения), утраченный ранее объект и задает силу влечения, цель влечения и источник этого напряжения. Рассмотрим их подробней по отношению к символу татуировки.

Сила как некое напряжение энергии влечения проявляет себя в виде разрядки посредством нанесения символа на тело. Тогда и психика, и тело получают удовлетворение от того, чего лишали себя ранее. Теперь же посредством выражения своей фантазии влечение удовлетворяется, хоть и частично.

Утраченный объект — многоликий объект представлений, сформированный на основе синтеза разных представлений не только из истории самого индивида, но и отсылающий к коллективному полю бессознательного. Как считали Ж. Делез и Ф. Гваттари, человек впитывает в себя все, что находится не только в поле окружения человека, но и в поле более глубинных слоев бессознательного [1].

Цель влечения — достичь удовлетворения, которого по разным причинам субъект был лишен. Если не углубляться, а попробовать скользить по поверхности, задав себе некие ориентиры, то, нанося себе на тело татуировку, субъект получает разные виды удовлетворения. Например, скопическое — удовлетворение через зрительный образ, телесное — татуировку можно потрогать на теле другого или получить наслаждение от прикасания к своей коже. Психическое — выражение желаний и смыслов, скрытых от других.

Возникает вопрос: при удовлетворении потребности желания другого в нанесении татуировки и при соглашении с ним, происходит ли некое подобие орального удовлетворения? Да, тогда мы удовлетворяем желание другого, как и в случае удовлетворения чувства власти Другого. В случае же если удовлетворяется требование нанесения себе татуировки, как происходит в племенах, то можно ли тогда говорить о том, что такое требование становится удовлетворением анального влечения Другого?

Источник влечения — детский опыт, который стимулируется событиями настоящего. Происходит переплетение прошло-

го и настоящего, то есть того времени, когда была нанесена татуировка, и истории жизни субъекта. Выбор времени нанесения татуировки не случаен, как и приход в терапию. Важно отметить, что символ татуировки становится тем объектом, который удовлетворяет не только влечения субъекта, но и требования социума как требования Сверх-Я.

Удовлетворение влечения посредством рисунка татуировки на теле снижает не только напряжение от ранее вытесненных аффектов, но и, возможно, образование невротического симптома. Потому как «символ имеет внутреннюю связь с чувством, которое он символизирует» [7, с. 23], как отмечал Э. Фромм. Например, Фома Аквинский полагал, что символы сновидений указывают на определенные соматические процессы и могут помочь выявлению болезней. И если предположить, что между татуировкой и сновидением можно провести параллель, то и рисунок может пролить свет на связь образа с телом. Говоря о сновидении, Э. Фромм подчеркивает, что символический язык является языком, на котором внутренние события, чувства и мысли выражаются так, словно они — чувственный опыт, события внешнего мира [7]. Что также позволяет полагать, что татуировка отражает скрытый смысл событий, чувств и мыслей субъекта связывая прошлое и настоящее.

Ф. Дольто считала, что рисунок — это фантазм, сновидение [2]. Поэтому для понимания скрытого смысла татуировки важны все детали: символы и их расположение на теле, размеры объектов и их взаимосвязь, цвет рисунка, тематика изображения, пропорции и прочие детали. Изучая символы, объединенные друг с другом в рисунке, мы должны рассматривать их не только по отдельности, но и в сочетании смыслов, что дает еще больший пласт информации о скрытом смысле татуировки. Немаловажным здесь будет являться и срок нанесения рисунка на тело в истории жизни субъекта, и события, которые могли повлиять на выбор символа.

Уделив внимание цветовой гамме рисунка и объемному заполнению цветом, мы тоже получаем огромный объем информации для анализа. Приведем значения часто используемых цветов с учетом мнения разных авторов [4, 5]:

— Красный — потребность действовать и добиваться успеха. Сила воли, активность, агрессивность, наступательность, властность, сексуальность, воля к победе, творческое начало, кровь, стремление к обладанию благами, желание, возбудимость, жизненная сила, стремление к успеху, влечение к спорту, борьбе, эротике.

— Желтый — потребность смотреть вперед и надеяться. Активность, стремление к общению, любознательность, оригинальность, веселость, честолюбие, высокая экспансивность, раскованность, расслабленность, надежда на радость, ожидание счастья, направление на будущее, стремление к новым перспективам. Солнце, яркость зарождающегося дня.

— Зеленый — потребность в самоуважении. Настойчивость, самоуверенность, целеустремленность, самоуважение, упорство, сопротивление изменениям, желание произвести впечатление. Символ защиты, маскировки, затаенности, упругость воли, независимость. Потребность производить впечатление, сохранять свою позицию.

— Синий — потребность в удовлетворении и привязанности. Потребность в покое, удовлетворенность в отношениях, нежность, привязанность, выявляет чувствительность и ранимость, свидетельствует о доверии, самопожертвовании. Расслабление, пассивность, глубина переживаний, спокойствие, удовлетворенность, привязанность, нежность, любовь.

— Черный — как конечная точка, отказ, полное отречение, непринятие, стремление к покою, отрицание бытия и ярких красок жизни.

Г. Ферс полагал, что символ соотносится с чем-то более глубоким и сложным, что сознание, будучи ограниченным, не способно постичь. Он несет элемент неизвестного и необъяснимого. Сам факт наличия символа говорит о том, что на каком-то уровне есть значение, стоящее за этим символом, которое известно или ощущается нами. Между этим и действует психическая энергия [6].

Стоит добавить, что в рисунке, нанесенном на тело, важную роль играет соотношение фигур между собой, их очертания и заполненность, направление движения, размещение, недоста-

точность элементов, странности, пропорции, искажения. Все эти моменты анализа дополняют картину истории субъекта.

В заключение можно сказать, что рисунок татуировки дает нам большой пласт информации для анализа и рассуждений о истории жизни субъекта и его внутреннем мире. Вышеизложенные рассуждения оставляют за собой достаточно большое количество вопросов. Эти вопросы станут для нас основой при дальнейших исследованиях данной темы.

Библиографический список:

1. Делез Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.
2. Дольто Ф., Назьо Ж.-Д. Ребенок зеркала. — М.: «ПЕРСЕ», 2004. — 96 с.
3. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары: Книга I (1953—1954)). — М.: «Гнозис», «Логос», 1998. — 432 с.
4. Собчик Л. Н. Метод цветовых выборов. Модификация восьмицветового теста Люшера. — СПб.: Речь, 2018. — 128 с.
5. Тимофеев В. Психодиагностика цветопредпочтением: Краткое руководство практическому психологу по использованию цветового теста М. Люшера. — СПб.: Иматон, 1995. — 29 с.
6. Ферс Г. М. Тайный мир рисунка. Исцеление через искусство. — СПб.: Деметра, 2003.— 176 с.
7. Фромм Э. Забытый язык. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 320 с.

TATTOO: AN ENTERTAINMENT OR THE ROYAL ROAD TO THE UNCONSCIOUS?

Usatykh Galina Nikolaevna
psychologist, psychoanalyst,
Saint-Petersburg

Abstract. The article analyses the symbol of tattoo expressing inner world of the person including the conscious and the unconscious.

The author focuses on whether the person's passions can influence the symbol of the picture as well as on influence of the picture on the body image, reasons of desire to change the body. Tattoo is considered as the means of communication between inner self and outer world.

Keywords: body image, picture, tattoo, symbol, passions

2.5. ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В КОУЧИНГЕ

Гусенцова Наталья Александровна
практикующий психолог,
директор Психологического онлайн-центра,
г. Толука де Лердо

Аннотация. В статье раскрываются принципы психоаналитической психотерапии как метода психологической помощи. Коучинг рассматривается как современный инструмент в области психологии для достижения поставленных целей. Автор исследует современные тенденции к объединению психологических направлений для психологической помощи людям и показывает возможность эффективного применения принципов психоанализа в коучинге.

Ключевые слова: психоанализ, коучинг, современная тенденция, speedy coaching, эффективный инструмент

Психология как наука появилась, выкристаллизовав себя из материнского лона философии. В середине XIX века В. Вундт трудился в своей экспериментальной лаборатории, на рубеже XIX и XX веков Фрейд начал поиски немедицинских причин психических заболеваний. За ними подтягивались другие талантливые энтузиасты. В современной психологии мы насчитываем уже более 600 различных методов и школ психологической помощи, многие из которых появились путем объединения между собой уже существующих психологических направлений.

В данной статье мы рассказываем о таких направлениях в психологической сфере, как психоанализ и коучинг, а также о психоаналитическом коучинге как сплаве этих двух течений.

На сегодняшний день психоанализ — одно из старейших и базовых направлений в психологии, открытия которого проникают и применяются многими психологическими школами, а такое понятие, как бессознательное, которое ранее

подвергалось насмешкам и отвергалось наукой, сейчас уже повсеместно признано и используется даже в повседневной жизни. «Идея бессознательного существовала с незапамятных времен — еще древнегреческий философ Платон (IV в. до н. э.) говорил о таком способе исследования, как "познание-воспоминание", при котором знания извлекаются откуда-то из глубины психики» [3, с. 33]. Зигмунд Фрейд доказал тот факт, что сознательная часть — это далеко не вся психика. Многие ее аспекты бессознательны и нами не осознаются.

Когда психотравмирующие события настолько невыносимы для людей, их психика, пользуясь механизмом вытеснения, отправляет воспоминания о них в область бессознательного. «Вытеснение — это действие, посредством которого субъект старается устранить или удержать в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания). Вытеснение возникает в тех случаях, когда удовлетворение влечения само по себе приятно, но может стать неприятным при учете других требований» [2, с. 121].

Вытесненное не исчезает из нашей жизни тотально, а только становится недоступным нам напрямую, чтобы не причинить вред психическому аппарату. При этом эти вытесненные элементы так же проявляют себя, только косвенно: как описки, оговорки, сны, телесные симптомы и т. п. К тому же вытесненное содержание, с экономической точки зрения метапсихологии Фрейда, — это своего рода «капсула», которая постоянно требует подпитки психической энергией для удержания ее в бессознательном, постоянного функционирования и сохранения ее целостности. По сути, это большое количество энергии, которое тратится ежесекундно «впустую», увеличивая трудозатраты психики и снижая ее жизнеспособность. Оно же встает на пути к реализации наших возможностей и способностей в повседневной жизни, становится причиной неудач и проблем.

Для того чтобы «разрядить» эту капсулу, высвободить огромное количество энергии и справиться с жизненным затруднениями, Зигмунд Фрейд опытным методом сформулировал основные принципы психоаналитических сеансов:

1. Кушетка и положение полулежа. «Психотерапевт сидит рядом, но обязательно немного смещаясь назад, чтобы встреча взглядов исключалась, так как положение "глаза в глаза" затрудняет раскрепощение сознания» [3, с. 26].

2. Расслабление и одновременное сосредоточение на своем внутреннем состоянии.

3. Терапевт создает атмосферу общения, так как только она способствует высвобождению насильно сдерживаемых мыслей, желаний и влечений. При этом он все-таки направляет речь пациента вопросами, сохраняя принцип психоаналитической нейтральности: не поощрять, не осуждать и не сочувствовать высказываниям.

4. Применение «свободных ассоциаций», когда пациенту предлагается говорить все без раздумий или фактически применять принцип нейтральности к себе.

5. Анализ вытесненного в бессознательное через косвенные проявления: исследование описок, очиток, оговорок, снов, телесных симптомов и т. п.

Соблюдение данных принципов позволяет пациенту вспомнить вытесненный материал, а психоаналитику, читающему косвенные подсказки бессознательного, интерпретировать этот материал. Оба начинают как бы читать «между строк», видеть то, что скрыто в бессознательном, то есть второй план ситуации, и понимают смысл происходящего. Это способствует осознанию действительного положения вещей в психике пациента, расстановке осознанного материала по своим местам и освобождению (высвобождению) внутренних энергетических ресурсов.

Психоаналитический метод изначально применялся преимущественно для работы с негативными переживаниями, возникшими в прошлом. Развитие психологической науки в настоящем дает нам возможность применять те же самые принципы, но для достижения желаемых целей в будущем.

Для того чтобы реализовать эту возможность, нам нужно воспользоваться таким современным методом психологической помощи, как коучинг. Существует множество определений коучинга и коуча, то есть специалиста, практикующего этот метод.

«Коучинг — это набирающий известность психологический метод, с помощью которого личность раскрывает свой внутренний потенциал для дальнейшего его использования в любой сфере жизнедеятельности. А коуч, в свою очередь, — это специалист, активно взаимодействующий как с отдельным человеком, так и группой людей, близкий по содержанию работы к менеджеру по развитию персонала, помогающий достигнуть определенного конечного результата» [4, с. 12].

В личном коучинге поощряется умение фиксировать свое внимание на том, что происходит здесь и сейчас, отделять свои размышления о прошлом, настоящем и будущем от того, что реально происходит с человеком и тем, что его окружает в данный момент [1, с. 51].

По сути, коучинг помогает структурировать внутреннее пространство мыслей. И для этого он может использовать специфические схемы. Например, классическая коуч-сессия проходит по определенному плану, которому следует коуч. В разных школах он может различаться в мелочах, но в основе всегда лежат следующие пункты:

1. Ледоколы.
2. Введение.
3. Постановка цели и прояснение ситуации.
4. Исследование ресурсов.
5. Постановка планов.
6. Мотивация.
7. Интеграция.
8. Завершение.

Коуч ведет клиента по заданному маршруту, придерживаясь вышеизложенных принципов, и в идеале приводит клиента к решению той задачи, которую тот для себя поставил, — достичь определенной цели. Таким образом, если еще не в реальной жизни, то на коуч-сессиях клиент понимает, как ему достичь той цели, которую он себе определил в будущем.

В некоторых принципиальных моментах психоанализ и коучинг согласуются:

1. И психоаналитик, и коуч должны создать подходящую атмосферу, которая будет способствовать работе их психологического метода.

2. И психоаналитик, и коуч «ведут» человека в соответствии с методом.

3. И в том, и в другом методе приветствуется расслабление и сосредоточенность на своем внутреннем состоянии.

Различия коучинга и психоаналитической психотерапии таковы:

1. Клиент коуча сидит напротив специалиста, и общение происходит «глаза в глаза».

2. Коуч делает акцент на когнитивной и поведенческой области психологии. Клиент должен продумывать свои ответы, стараться находиться «здесь и сейчас».

3. В общем коучинг работает с сознательной частью психики клиента, не затрагивая бессознательную часть.

В связи с особенностью применяемых принципов, слабой стороной коучинга является отсутствие возможности работать с неосознаваемой частью психики человека, а значит, и прошлой вытесненной травматической ситуацией. Коуч не может помочь человеку, «попавшему в травму» здесь и сейчас. Коучинг справляется с этим тем, что он «обходит» эти ситуации. Или коуч просто перенаправляет своего клиента к психологу, который может поработать с его травматической ситуацией в прошлом. Психоанализ в свою очередь не ставит себе задачи вести человека к какой-либо цели, оставляя это на усмотрение анализанта.

Психоаналитический коучинг — это метод, который совмещает в себе целенаправленность коучинга и глубину проработки бессознательного психоанализом. Он старается сбалансировать и совместить эти моменты (рис. 1).

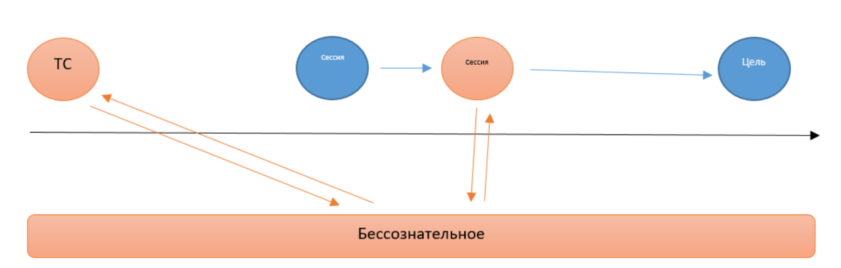

Рис. 1. Схема взаимодействия коучинга и психоаналитической психотерапии.

Психоаналитические принципы позволяют работать в коучинге с глубиной, присущей психоанализу, не передавая клиенту другому специалисту и прорабатывая травматическую ситуацию, не обходя ее. Коучинг ведет клиента к получению желаемого.

К тому же психоанализ помогает вести клиента к цели не только через прояснение травматических ситуаций в прошлом и устранение их последствий, но и через работу с будущим через бессознательное (рис. 2).

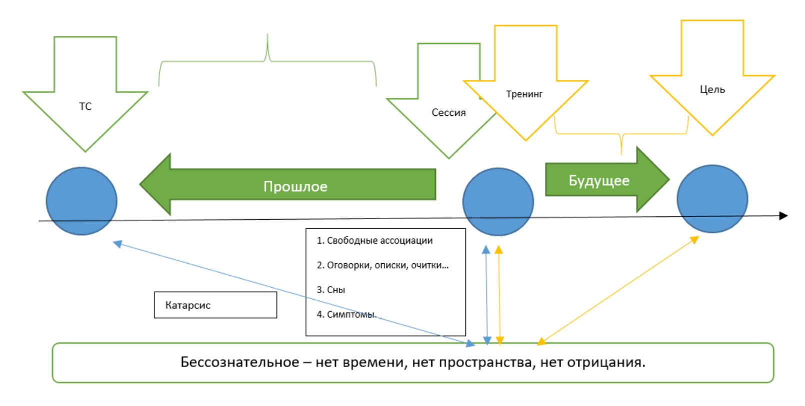

Рис. 2. Работа в коучинге с целью через бессознательное.

Примером такого психоаналитического коучинга является игровой коуч-тренинг Speedy Coaching. В онлайн-тренинге участвует три человека и тренер (рис. 3). В таком составе проводится шесть встреч, каждая из которых прорабатывает одну из шести схем коучинга («Классика», «Линия времени», «Квадрат Декарта», «Сила 6», «Пирамида Дилтса», «Стратегия У. Диснея»). Каждый участник за каждую встречу успевает побывать один раз клиентом и поработать со своим запросом и два раза коучем, что дает возможность натренироваться в проведении сессии. Тренер всегда является коучем, который объясняет правила, каждую схему, следит за прохождением каждой сессии и показывает пример, так как сам является третьим коучем.

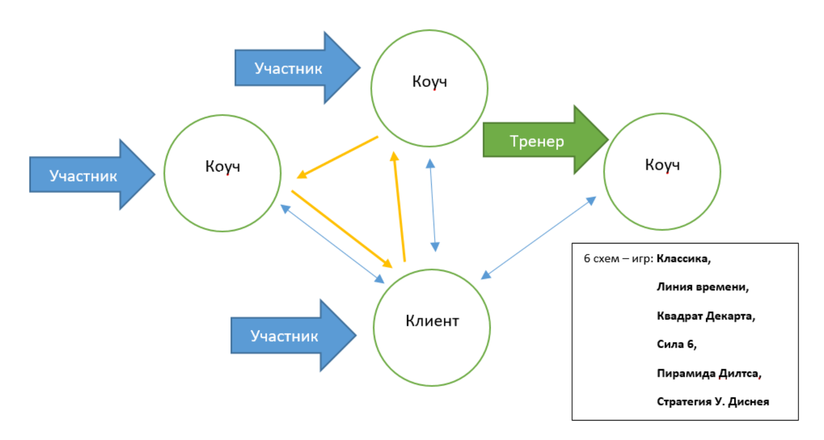

Рис. 3. Общая схема проведения каждой встречи тренинга.

Общие черты для коучинга и психоаналитической психотерапии сохраняются:

1. Тренер должен создать подходящую атмосферу, которая будет способствовать работе их психологического метода.
2. Тренер «ведет» участников в соответствии с обоими методами, совмещая их.

3. На тренинге приветствуется расслабление и сосредоточенность на своем внутреннем состоянии (будущем достижении цели).

Элементы коучинга заключаются в следующем:

1. Используются схемы коучинга, вопросы которых направляют процесс работы в группе в едином для всех направлении. Создаются одинаковые для всех условия, структурируется направление мыслей участников.

2. Вопросы исследуют ситуацию здесь и сейчас с направлением к цели (в будущее).

3. Процесс делает акцент на когнитивных, поведенческих способностях участников.

4. Контакт «глаза в глаза» возможен в начале общения группы и по окончании работы по схеме, когда идет обсуждение результатов проведенной работы.

Психоаналитическая терапия в тренинге проявляется через:

1. На вопросы по схемам предлагается отвечать, используя метод «свободных ассоциаций». В процессе отработки схемы предлагается отклонится от компьютера, если это не диктуется самой схемой, или даже прилечь, если есть возможность.

2. В процессе коучинга взаимодействуют с бессознательным. Участникам дается возможность быстро заглянуть в прошлое, наблюдая за косвенными проявлениями вытесненного материала.

3. Также внимательно относятся к опискам, очиткам, телесным проявлениям, которые стараются интерпретировать, но не в свете прошлого опыта, а в вероятности будущих событий.

Пример: у девушки 35 лет была цель найти работу, и это ей нужно было, чтобы сменить руководителя; она никак ни с кем не могла найти общий язык. В процессе проработки выяснилось, что она сама прекрасный организатор, обладающий аналитическим способностями, что по сути могло бы сделать ее хорошим руководителем. Когда ей это продемонстрировали, то задали вопрос: «Какова вероятность для вас найти работу с хорошим руководителем в таких обстоятельствах?». Она ответила, что скорее всего нулевая, ведь похоже, что она сама

хочет стать руководителем и будет обесценивать любого другого человека. Это признание самой себе стало для нее настоящим открытием.

4. Сводится к минимуму контакт «глаза в глаза» непосредственно в процессе отрабатывания схем.

Возникают особенности самого тренинга:

1. Предполагается, что свободно ассоциировать могут не только люди, но и пространство вокруг. Во время опроса участника, когда ему задаются вопросы в соответствии с его запросом, обращают внимание не только на то, что отвечает человек, но и на то, что происходит в окружающем пространстве: кто-то приходит, поступает смс-сообщение, происходит какая-либо неожиданность. Все это участнику предлагается интерпретировать в свете прозвучавшего вопроса или его запроса.

Пример: женщина, около 50 лет, бывший театральный работник, педагог и библиотекарь в настоящем. Запрос на тренинг: нет мужчины рядом — хочет найти покровителя, любовника. В процессе тренинга отвечала на вопросы других участников, которые являются для нее посторонними людьми. Вдруг у одной из коллег, задававших вопросы, звонит телефон. Она отходит, чтобы поговорить, а когда возвращается, становится очевидно, что находится в недоумении. Говорит: «Этот звонок явно был не для меня. Звонила незнакомая женщина и предлагала пойти в театр. Я в театры не хожу, и эта тема меня вообще не волнует». Для нас, казалось бы, вопрос исчерпан, но когда мы поворачиваемся к героине, она сидит с огромными глазами, наполненными слезами. «Это был звонок мне. Много лет назад в театре произошло одно неприятнейшее событие, после которого я на театре поставила крест и забыла, как страшный сон (то есть говоря психоаналитическим языком, вытеснила), и сейчас я понимаю этот звонок как приглашение вернуться туда, ведь я вообще люблю театр и чувствую себя там как рыба в воде!».

2. В зависимости от подготовленности участников тренер может помогать участникам в анализе, участники в конце работы со схемой могут поделиться своими впечатлениями, что предлагается рассматривать не как мнение авторитетных лиц, а

как очередное косвенное проявление вытесненного через психику другого человека. Сразу делается акцент на то, что это просто дополнительная информация, которую можно принять или отвергнуть, в зависимости от того, как решает и чувствует сам участник-слушатель.

Благодаря сочетанию коучинга и психоаналитической психотерапии, тренинг становится хорошим психодиагностическим инструментом, который не только ведет человека к его цели, но и показывает препятствия на пути к ней. Фактически человек проясняет цель и понимает план психологических изменений, по которому ему нужно двигаться для того, чтобы достичь желаемого.

Моментальный анализ того, что произошло прямо здесь и сейчас в процессе отработки схемы, цитирование слов самого участника, снижает сопротивление и увеличивает доверие к сказанному. В свою очередь это увеличивает эффективность психологической работы с человеком и его удовлетворенность результатом тренинга. Уровень веры часто достигает такого масштаба, что человек остается далее в личном анализе.

Современная психология — это наука, которая сочетает в себе глубину теоретических знаний и эффективность практических инструментов. Расцвета она достигла благодаря своей либеральности и толерантности к новому, которое берет как из смежных областей, так и в процессе сочетания уже существующих внутренних направлений. Это способствует усилению интереса к ней и вовлеченности большего числа разных людей, а также усилению эффективности ее области за счет удовлетворения большого количества разнообразных потребностей.

Библиографический список:

1. Аткинсон М., Чойс Т. Р. Наука и искусство коучинга: Внутренняя динамика. — Киев: Companion Group, 2010. — 256 с.

2. Лапланш Ж., Панталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М.: Высшая школа, 1996. — 623 с.

3. Психоанализ: учебник для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 315 с.
4. Смарышева В. А., Глебова Н. А. Динамика развития волевого потенциала в процессе психоаналитического коучинга // Прикладная психология и психоанализ. — 2020. — № 2.

APPLICATION OF THE PRINCIPLES OF PSYCHOANALYTIC PSYCHOTHERAPY IN COACHING

Gusentsova Natalia Alexandrovna
practicing psychologist and director
of the Psychological online center,
Toluca de Lerdo City

Abstract. The article reveals the principles of psychoanalytic psychotherapy as a method of psychological assistance. Coaching is considered as a modern tool in the field of psychology for achieving goals. The author explores the current trends towards combining psychological directions for psychological assistance to people and shows the possibility of effective application of the principles of psychoanalysis in coaching.

Keywords: psychoanalysis, coaching, modern trend, speedy coaching, effective tool

2.6. ОСОБЕННОСТИ СНОВИДЕНИЙ У ЛИЦ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Савельева Светлана Сергеевна
бакалавр III курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются особенности подросткового периода, специфика психоаналитической работы с подростками, представлена характеристика подростковых сновидений.

Ключевые слова: психоаналитическая терапия, сновидения, подростковый возраст

Подростковым называют возраст от 11 до 19 лет. Принято различать ранний подростковый возраст (от 11 до 14 лет) и поздний подростковый возраст (от 15 до 19 лет). Это период серьезных физиологических, психологических и эмоциональных изменений. У подростков начинают активно вырабатываться половые гормоны, изменяются объемы и пропорции тела, девочки начинают ощущать себя более женственными, а мальчики — более мужественными. В концепции психосексуального развития Фрейда этот возрастной период соответствует генитальной стадии, на которой происходит окончательный выбор объекта любовной привязанности. Подростки начинают проявлять интерес к теме отношений и сексуального общения с противоположным полом.

В этот период происходит активный поиск себя, актуализируется проблема идентичности. Вопрос: «Кто я?» занимает главное место среди вопросов, на которые подросток ищет ответы. Невозможность получения однозначного ответа на этот вопрос осознается и переживается подростком довольно тяжело.

Подросток не может назвать себя ребенком и одновременно с этим не может идентифицировать себя с миром взрослых. В юнгианской психологии образу подростка соответствует архетип Пуэра. Пуэр — вечный юноша, который находится в стадии перехода между двумя противоположными

состояниями: детством и взрослостью. Не принадлежащий ни одному из этих миров, он одновременно сочетает в себе черты их обоих. Подросток остается зависимым от родителей и других значимых людей и в то же время активно ищет свое место в социуме, пытаясь выстроить отношения со взрослыми на равных. В это же время жизненный опыт подростка еще не так велик, и навыки социального взаимодействия освоены им не в полной мере. Подросток — это тот, у кого есть прошлое, но пока еще нет определенного будущего. Фундаментальной характеристикой его бытия является неопределенность.

Конфликт между детством и взрослостью является базовым конфликтом подросткового периода. В настоящее время снижается доля молодых людей, предпочитающих переживать его самостоятельно. Возрастает число подростков, обращающихся за психологической помощью. Психоанализ подростков, по сути, ничем не отличается от психоанализа взрослого человека. Однако следует отметить, что подростковому психоанализу присущи некоторые особенности.

Во-первых, установление трансферентных отношений происходит гораздо быстрее. Это объясняется тем, что подросток все еще остро нуждается в значимом взрослом. Аналитик — взрослая фигура, и его возраст примерно соответствует возрасту родителя.

Во-вторых, подросткам в целом свойственна более позитивная реакция на интервенции психоаналитика. У подростка еще не сформировалась своя картина мира. Его неопределенное будущее выглядит и привлекательным, и пугающим одновременно. Подросток нуждается не только в одобрении значимого другого, но и в некотором руководстве с его стороны. В связи с этим можно выделить еще одну особенность подросткового анализа: в нем обязательно должна быть проявлена личность аналитика. Подростку важны не только интерпретации, но и суждения аналитика, основанные на его жизненном опыте.

Анализ сновидений может стать ключом к пониманию внутреннего мира подростков, актуальных проблем этого возраста и особенностей их индивидуального развития. Подростки практически сразу начинают воспринимать аналитика как значимого взрослого и охотно делятся с ним своими

сновидениями. Сновидения подростков имеют свою специфику и отличаются от сновидений взрослых людей.

На основе метода контент-анализа, разработанного совместно Восточно-Европейским Институтом психоанализа и Институтом им. Бехтерева, мною был проведен анализ сновидений 10 подростков в возрасте от 13 до 19 лет. В результате анализа были выявлены следующие особенности подростковых сновидений:

1. В сновидениях подростков присутствуют фантастические объекты. Объектам подростковых сновидений свойственны неопределенность, внезапные и причудливые превращения или резкая смена состояний. Также можно отметить частое присутствие объектов в неявном виде.

2. Выражены либо негативные эмоциональные переживания, либо переживания смешанного типа, связанные с взаимодействием с присутствующими во сне объектами.

3. Отсутствие контроля над ситуациями, связанными с деструктивным поведением объектов по отношению к сновидцу.

4. Отсутствие сексуального поведения сновидца по отношению к объектам.

5. Уровень реализма сновидений подростков по 5-тибальной шкале не поднимается выше отметки 3.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реальный мир, мир объектов, представляется подростку фантастическим, иллюзорным, текучим. Не имея достаточных представлений о реальных объектах, подросток фантазирует о них, наделяя их причудливыми, гротескными свойствами. Эмоциональные взаимоотношения с миром объектов преобладают над когнитивными.

В процессе терапии содержание сновидений подростков может претерпевать изменения. На смену фантастическим сюжетам приходят другие, более реалистичные, в сновидениях становится меньше тревоги и неопределенности. Изменение сюжета и характера сновидений позволяет судить об изменениях в бессознательных процессах, свидетельствовать о психологическом росте подростка, что в целом является показателем успешной психоаналитической работы.

Библиографический список:

1. Авакумов С. В. Особенности манифестного содержания сновидений у лиц, обращающихся за психотерапевтической помощью // Сибирский психологический журнал. — 2002. — № 16—17. — С. 89—97.
2. Дольто Ф., Дольто-Толич К., Першминье К. Разговор с подростками, или Комплекс омара. — М.: «Вектор», 2015. — 192 с.
3. Франц фон М.-Л. Вечный юноша. Puer Aeternus. — М.: Независимая фирма «Класс», 2009. — 378 с.

FEATURES OF DREAMS IN ADOLESCENTS

Saveleva Svetlana Sergeevna
bachelor of East-European psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article deals with the peculiarities of the adolescent period, the specifics of psychoanalytic work with adolescents, and the characteristics of adolescent dreams.

Keywords: psychoanalytic therapy, dreams, adolescence

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

3.1. ПСИХОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ А. И. КУПРИНА: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Боева Галина Николаевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры рекламы и связей с общественностью
ФГБОУ ВО «СПбГУПТД»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. На материале произведений А. И. Куприна («Олеся», «Гранатовый браслет», «Яма», «Колесо жизни» и других) анализируется психология поведения героев в любовных отношениях и доказывается детерминированность их сексуальности, с одной стороны, биологической природой человека в соответствии с эстетической программой натурализма, а с другой — интеллектуальной атмосферой рубежа XIX — начала XX вв. Показано, что в своих представлениях о различии в сексуальности женщины и мужчины Куприн ориентируется на представление о полигамности мужчины, которое было характерно для естественнонаучного дискурса и сформировалось под влиянием идей А. Фореля. Утверждается вписанность творчества Куприна в дискурсивное пространство эпохи модерна и актуальность реинтерпретации его литературной репутации в эстетических координатах натурализма.

Ключевые слова: А. И. Куприн, психология, сексуальность, мужское, женское, естественнонаучный дискурс, натурализм

Дискурсивное пространство в России рубежа XIX—XX вв. было не вполне дифференцированным, и художественная словесность продолжала выполнять внеэстетические функции. Если воспользоваться мыслью М. Фуко о том, что при капитализме часть регулирующих и карательных функций в сфере сексуальности переходит от государства в руки профессионалов

[10], то следует признать: в российском нерасчлененном интеллектуальном пространстве такими профессионалами оказались журналисты, репортеры, критики, писатели. «Половой вопрос», поставленный еще Л. Толстым в «Крейцеровой сонате» (1889), заявил о себе в последующие два десятилетия в так называемой «порнографической литературе», как принято было тогда называть эту тематическую область словесности [6], и целом ряде «эротических бестселлеров» (рассказы Л. Андреева, проза В. Брюсова, Ф. Сологуба, М. Арцыбашева и другие). Освоение темы однополой любви тоже началось прежде всего в литературе Серебряного века (М. Кузмин, Л. Зиновьева-Аннибал и другие). Свою роль сыграло и ослабление цензуры в 1905 году [11].

Сближение художественного и естественнонаучного дискурсов в интересующий нас период диктует и новую исследовательскую оптику. Ограничимся здесь только одним примером. Так, О. Матич, апеллируя к знаменитому труду М. Нордау «Вырождение» (1892—1893) и опираясь на предложенный им путь совмещения физиологического и художественного, выдвигает следующий тезис: «Ранний модернизм возник на пересечении новых эстетических устремлений и медицинских исследований об упадке психического и физического здоровья» [5, с. 15].

В свете сказанного актуализация в русской литературе рубежа веков линии натурализма, ориентированного на когнитивное высказывание, можно расценить именно как установку на совмещение художественного и научного дискурсов. Характерно, что с идеями одного из главных европейских натуралистов, Э. Золя, в России знакомились еще в 70-е годы, то есть раньше, чем во Франции, благодаря ряду его публикаций об «экспериментальном романе» в «Вестнике Европы».

В книге «Проблемы пола, половые авторы и половой герой» критик П. Пильский называет Александра Куприна в числе тех, кто умеет разрабатывать рискованные вопросы пола, оставаясь в рамках культуры [8, с. 36]. О творчестве Куприна можно говорить как о продукте эпохи модерна, который «сексуализирует человека и всю сферу человеческих отношений, делая его заложником "основного инстинкта"» [2, с. 24].

Кроме того, Куприн, несомненно, принадлежит к тем писателям, чье творчество было затронуто «золаизмом» с его биологическим объяснением поведения человека. Любовь между мужчиной и женщиной во всех ее проявлениях — стержень, фабульная основа почти всех произведений, принесших Куприну известность у читателя и определивших его писательское лицо. Посмотрим, как трактуется Куприным сексуальность, определяющая конфликтность его прозы.

«Мужское» и «женское» — главный конфликт произведений Куприна. Это два полюса бытия, находящиеся во взаимном притяжении и отталкивании. Их взаимодействие редко завершается гармоническим союзом, а если это и происходит, то возникают сюжетные коллизии, разрушающие его — как в «Олесе» (1898), «Суламифи» (1908). Часто в сюжетном пространстве купринских произведений действует герой, наделенный автобиографическими чертами и приобретающий черты резонера, — именно он рефлексирует на тему взаимоотношения мужского и женского и предлагает свое объяснение фатальной неспособности влюбленных к счастью. К числу таких героев можно отнести репортера Платонова в «Яме» (1909—1915), профессора в «Колесе времени» (1929), генерала Аносова в «Гранатовом браслете» (1910).

Женщина в своем лучшем проявлении — любви — предстает в купринском художественном мире как существо, стоящее на более высокой ступени организации: чистое, бескорыстное, жертвенное, неизмеримо более свободное в любовных отношениях, чем мужчина (Мария из «Колеса времени», Олеся, Суламифь и Наташа из одноименных произведений, Любка из «Ямы»). Однако эти лучшие качества женской натуры раскрываются только в счастливой, взаимной любви: отвергнутая или обманутая, женщина может быть или ввергнута в порок (искалеченные судьбы героинь дома Анны Марковны в «Яме», куда возвращается Любка после «эксперимента» студента Лихонина), или превратиться в фурию мести и ревности (Астис в «Суламифи»).

В том, что женская способность к любви не может быть удовлетворена в современности, виноваты мужчины, «в двадцать лет пресыщенные, с цыплячьими телами и заячьими

душами, неспособные к сильным желаниям, к героическим поступкам» [3], говорит Аносов Вере Шеиной. По вине недостойных мужчин современные женщины часто не могут встретить свою истинную любовь — или встречают ее, но мужчина оказывается слабым в любви, как слабым оказывается возлюбленный «Олеси», связанный предрассудками. По этой же причине теряет свою возлюбленную главный герой в «Колесе времени».

Женское начало в изображении Куприна магнетично — это своего рода «ведьмачество», колдовство, только природа его поддается вполне научному объяснению. Колдовские приемы, которые демонстрирует ему «полесская ведьма», герой вспоминает многими годами позже, когда читает отчет доктора Шарко об опытах, произведенных над двумя пациентками Сальпетриера, а в заговаривании Олесей крови он прямо усматривает механический пережим вены.

Сценарий развития любви в «Колесе времени», где одна из глав так и называется — «Трактат о любви», — рассматривается в натуралистических терминах. Приведем эту логику мысли, выделив важные для нас понятия курсивом: *зенит* любви неизбежен, после чего начинается, как с неуловимым *тангенсом* в тригонометрии, *уклон* — и эта неуловимость подобна границе, отделяющей различные состояния *эфиромана* при *поглощении сернистого эфира*; любовь, которую испытывают герои в *зените*, определяется как *золотые лучи*. В других произведениях материальная, волновая природа любви подчеркивается уподоблением ее *теплоте, токам, волнам*. В романе «Юнкера» (1932) зарождение любви между Александровым и Зиночкой на катке происходит под воздействием *флюидов,* которыми они обмениваются, безмолвно глядя друг другу в глаза.

Полнее всего эта естественнонаучная концепция — как аналогия мощному воздействию на мужчин расцветшей девушки, заглавной героини, — дана в позднем рассказе «Наташа» (1932). В начале его дается развернутое сравнение с бабочками героини и вьющихся вокруг нее вожделеющих мужчин: точно так же женские коконы разновидности Z, помещенные в стеклянную банку, в определенный период

своего развития таинственным образом привлекают бабочек-самцов того же вида — и автор-повествователь, называя это одной из загадок «великолепной книги о вопросах пола», высказывает гипотезу о существовании неких «вибрирующих токов». В финале рассказа заглавная героиня находит настоящего мужчину и настоящую любовь — ту самую, которая сильнее смерти и одна на миллион, как говорят резонерствующие купринские герои в других произведениях. Рассказ оканчивается описанием счастливой взаимной любви сильного мужчины и вверившейся ему девушки на фоне цветущей природы — редкий для Куприна финал счастливой развязки, которой он не наделяет влюбленных из многих других своих произведений.

Что же мешает любящим в художественном мире Куприна? В «Гранатовом браслете» устами резонерствующего Аносова прямо утверждается, что только трагическая любовь — истинная. Именно такая любовь настигает Желткова. Дар подобной любви — как всякий дар — редкий в мире людей, и главный герой в «Колесе времени» утверждает, что любовь представляет собой «лестницу с бесконечным числом ступенек, ведущих от влажной, темной, жирной земли вверх, к вечному небу и еще выше» [4]. В этой связи можно констатировать, что в купринской «Яме» изображается самая низкая ступенька этой лестницы.

«Яма» — повесть, которую вполне можно расценивать как исследование в духе «экспериментального романа» Золя: в ней сполна проявились такие черты натурализма, как фактографизм, введение в зону художественного анализа нового социального материала, биологическое объяснение поведения человека. «Яма» — купринский аналог леонидандреевской «бездны», в которую с неизбежностью падают герои, оскверняя душу и тело. Исследуя проституцию, деформирующую взаимоотношения мужчины и женщины в современном обществе, Куприн на примере одного публичного дома вскрывает все винтики и колесики этого механизма: как туда попадают девушки, что происходит с ними (прослеживаются все стадии вплоть до больницы, мертвецкой и кладбища), кто их клиенты, как формируется чувственность молодых людей из разных социальных слоев, как торговля телом приобретает огромные масшта-

бы, как бюрократическое продажное государство заинтересовано в этом, какую роль здесь играет алкоголь, книги и многое другое. В сущности, эта повесть — энциклопедия сексуальности современной Куприну эпохи.

Лишь отчасти причина торговли женским телом в повести — уродливые социальные отношения (как в традиции, идущей от «Воскресения» (1999) Толстого). В анализе причинно-следственных отношений Куприн выступает подлинным последователем натурализма. В «идейном разговоре», за которым он сводит героев «Ямы» в доме Анны Марковны, один из них, Платонов, декларирует подлинную причину проституции: это полигамность мужчин, роковым образом подверженных власти безличного женского начала. Эту мысль можно было бы счесть чистым резонерством, однако она реализуется в сюжете повести: перед женским телом и гибельным соблазном пола (потеря чистоты, часто болезнь, иногда смерть) не может устоять никто из приходящих в публичный дом. Никто, кроме Платонова — репортера, который наблюдает эту изнанку жизни и мечтает написать о проституции честную, сильную книгу (фигура писателя-наблюдателя, фактографа, интерпретатора идеально отвечает представлениям Золя об авторе-«экспериментаторе»). Вспомним, что и в «Трактате о любви», входящем в «Колесо времени», герой рефлексирует над причинами, которые погубили его любовь, и определяет их как «постепенность и привычку».

Что могло сформировать подобные взгляды Куприна на сексуальность, помимо уже упомянутых идей «золаизма», с которыми он наверняка был знаком? Если учесть, что конец первого десятилетия XX в. ознаменован взлетом творческой активности писателя и, в частности, началом работы над повестью «Яма», следует констатировать: это время чрезвычайной популярности естественнонаучных книг — и особенно, как свидетельствует П. Пильский, двух: «Половой вопрос» швейцарского психотерапевта и невропатолога О. Фореля и «Пол и характер» молодого венского интеллектуала О. Вейнингера. По поводу второй из них отсылаем к статье Е. Берштейна, который приводит убедительные доказательства популярности и влиятельности этого труда, а также его роли

в формировании многих идей сексуальности в символистских кругах и в культуре модерна в целом [1]. Однако с вейнингерианством Куприна отчасти роднит лишь абсолютизация сексуальности в жизни человека — вряд ли писателю было близко представление о женщине как превосходящей мужчину своей чувственностью.

Что касается книги Фореля, то она к 1909 году выдержала два издания, с разницей в два года, и стала для русского образованного читателя ликбезом по основам современной сексопатологии, повлияв на формирование основных векторов дискуссии о поле. Как представляется, можно с большим основанием говорить о влиянии этой книги на взгляды Куприна. Именно Форелем высказывается идея о том, что причиной «фатальной» для современного общества половой распущенности является стремление к переменам — свойство мужского полового возбуждения. Помимо «искусственного культивирования мужского Libido sexualis», швейцарец указывает на еще одну причину повышенной сексуальности — жажду наживы, эксплуатирующую половое возбуждение [9, с. 79]. В качестве главных средств его искусственного «подстегивания» невропатолог, помимо собственно порнографических изображений, называет алкоголь и «порнографические романы», а современное искусство прямо обвиняет в том, что оно «часто становится грандиозным вспомогательным средством возбуждения эротизма <…> союзником порнографии» [9, с. 79]. Все перечисленное есть в повести Куприна «Яма». Добавим, что и комментаторы повести отмечают: монологи Платонова содержат мысли, которые в 1908—1909 годах активно высказывались в статьях о проституции, в частности в работах врача П. Е. Обозненко, считавшего, что торговля женщинами порождена не только экономическими причинами, но и самой «природой человека» [7]. Представляется, что в эмиграции, в своем позднем творчестве 20-х—30-х годов, Куприн продолжал разделять эти взгляды.

Подводя итоги, сформулируем: особенности изображения сексуальности в художественном мире Куприна, во-первых, обусловлены эстетической программой натурализма (русская версия «золаизма»), на которую он ориентировался, а во-

вторых, современным ему естественнонаучным дискурсом, в котором мужчина и женщина наделены разной сексуальностью. Для Куприна эта «разность» была фатально предопределена полигамностью мужчины, который оказывается не способным соответствовать ожиданиям женщины, наделенной цельностью и силой чувства. Еще один вывод касается литературной репутации Куприна-«рассказчика», которая настоятельно требует реинтерпретации: его творчество, до настоящего времени воспринимаемое как простые фабульные истории, — органичная часть интеллектуального пространства начала XX в.

Библиографический список:

1. Берштейн Е. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 64—89.
2. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. — 384 с.
3. Куприн А. И. Гранатовый браслет // Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. [Электронный ресурс]. — М.: Правда, 1964. — URL: https://www.rulit.me/series/a-i-kuprin-sobranie-sochinenij-v-devyati-tomah/tom-5-proizvedeniya-1908-1913-download-202186.html (дата доступа: 30.04.2021).
4. Куприн А. И. Колесо жизни [Электронный ресурс] // Куприн А. И. Повести. Колесо времени. — М.: Худ. лит., 1976. — URL: https://ruslit.traumlibrary.net/page/kuprin-kolesovremeni.html (дата доступа: 30.04.2021).
5. Матич. О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siécle в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 400 с.
6. Новополин Г. С. Порнографический элемент в русской литературе. — СПб.: Б. и., 1909. — 247 с
7. Петляр И. Комментарии [Электронный ресурс] // Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 6. — М.: Правда, 1964. — URL: https://www.rulit.me/series/a-i-kuprin-sobranie-sochinenij-v-devyati-tomah/tom-6-proizvedeniya-1914-1916-download-202187.html (дата доступа: 30.04.2021).

8. Пильский П. Проблема пола, половые авторы и половой герой. — СПб.: Книгоиздательство «Освобождение», 1909. — 150 с.
9. Форель О. Половой вопрос: Естественнонаучное, социологическое, гигиеническое и психологическое исследование: В 2 т. — СПб.: Книгоиздательство «Освобождение», 1909.
10. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — Т. 3. — 282 с.
11. McReynolds L. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. — New York: Princeton University Press, 1988. — P. 218—222.

PSYCHOLOGY OF SEXUALITY IN THE PROSE OF A. I. KUPRIN

Boeva Galina Nikolaevna
doctor of philological sciences, associate professor,
professor in the Department of advertisement and public relations,
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
Saint-Petersburg

Abstract. Based on the works of A. I. Kuprin (Olesya, Pomegranate Bracelet, The Pit, Wheel of Life, etc.) analyses the psychology of the behavior of heroes in love relations and proves the deterministic nature of their sexuality, on the one hand, the biological nature of man in accordance with the aesthetic program of naturalism, and on the other — the intellectual atmosphere of the turn of the XIX — early XX centuries. Shown, that in her ideas about the difference in sexuality between women and men, Kuprin focuses on the idea of polygamy of men, which was characteristic of natural science discourse and was formed under the influence of the ideas of A. Forel. It is argued that Kuprin's work is inscribed in the discursive space of the Art Nouveau era and the relevance of the reinterpretation of his literary reputation in the aesthetic coordinates of naturalism.

Keywords: A. I. Kuprin, psychology, sexuality, male, female, natural science discourse, naturalism

3.2. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ «МЕДИТАЦИИ»: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ МЕХАНИЗМОВ И ПСИХОДИАГНОСТИКИ

Воронов Игорь Анатольевич
доктор психологических наук, профессор,
проректор по научно-исследовательской работе
АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Пантелеева Галина Владимировна
кандидат психологических наук,
Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта,
г. Санкт-Петербург

Буланов Сергей Олегович
кандидат педагогических наук, главный тренер сборной команды РФ по французскому боксу сават,
г. Санкт-Петербург

Куликова Ольга Юрьевна
кандидат исторических наук,
Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. С конца 50-х годов XX века в СССР широкую популярность начали приобретать различные восточные системы психотелесных тренировок. Тому было множество причин. В том числе и потребность населения в индивидуальном духовно-творческом развитии, не регламентированном официальными государственными структурами, жестко формализовавшими духовную жизнь советских граждан узкими рамками материалистической идеологии и широким спектром различных запретов и табу. В широком спектре средств восточных психотелесных систем, помимо оригинальных техник двигательных действий, ритуалов и терминов, предлага-

лось и такое действо, как «медитация» (от англ. meditation). В настоящей публикации авторы предлагают научное определение «медитации» и анализируют некоторые подходы к ее измерению. Медитация — это концентрация внимания на качестве чувствительности к собственным произвольным фантазиям в любой модальности по механизму синестезии. Так как медитация оказывает влияние (воздействие) на состояния и черты характера, то состояния, как правило, психологи предлагают измерять либо популярным опросником САН (Самочувствие — Активность — Настроение), либо интроспекцией (в том числе с помощью формализованных анкет, где могут быть описаны, например, фантазии), а черты характера — многочисленными опросниками, по типу MMPI или 16PF Р. Кеттелла. В статье приведены результаты эмпирического исследования последствий медитации (в качестве примера) у спортсменов единоборцев.

Ключевые слова: медитация, научное определение, психология, восточные системы психотелесных тренировок, рекреационно-реабилитационные системы физической культуры, психодиагностика, антиципация

С конца 50-х годов XX века в СССР широкую популярность начали приобретать различные восточные системы психотелесных тренировок (ВСПТ). Тому было множество причин. В том числе и потребность населения в индивидуальном духовно-творческом развитии, не регламентированном официальными государственными структурами, жестко формализовавшими духовную жизнь советских граждан узкими рамками материалистической идеологии и широким спектром различных запретов и табу. В широком спектре средств ВСПТ, помимо оригинальных техник двигательных действий, ритуалов и терминов, предлагалось и такое действо, как «медитация» (от англ. meditation).

Этимология этого понятия достаточно сложна. В настоящей публикации авторы склонны понимать его происхождение, в числе прочего, от японского термина дзен 禅, который был

заимствован от китайского понятия чань 禪, который, в свою очередь, пришел из Индии в форме термина дхьяна ध्यान (санскрит), обозначающего «созерцание», «видение умом», «интуитивное видение», медитация, сосредоточение, размышление.

Насколько это понятие необходимо в современной психологической науке? Насколько необходимо для практики ВСПТ? Или для включения медитативных практик в учебно-тренировочный процесс в йоге, китайских рекреационно-реабилитационных системах физической культуры, единоборствах, различных видах спорта? Ведь ныне многие специалисты, занимающиеся психологической подготовкой к деятельности, психокоррекцией и психотерапией, считают медитацию чуть ли не ключевым понятием и действом в своей работе. Насколько это оправдано и требуется ли вообще так называемая медитация в работе психолога (в частности, спортивного психолога), психотерапевта? Профессионализм или дилетантизм демонстрируют психологи, использующие это понятие?

С одной стороны, определение медитации мы встречаем во многих источниках, поэтому перечислять сами источники (ввиду их нескончаемой многочисленности) мы не будем, укажем лишь на несколько определений, которыми интернет буквально «кишит», сбивая с толку неофитов, традиционно верящих в печатное слово:

1. Медитация (от лат. meditatio — «размышление») — ряд психических упражнений, используемых в составе духовно-религиозной или оздоровительной практики, или же особое психическое состояние, возникающее в результате этих упражнений (или в силу иных причин).

2. Медитация — особая разновидность углубленного размышления о каком-либо предмете, духовной истине, иной идее, сопровождаемое отвлечением «от внешне-случайных обстоятельств», устранением «всех факторов, рассеивающих внимание, как внешних (звук, свет), так и внутренних (физическое, эмоциональное, интеллектуальное и другое напряжение)».

3. Медитация — состояние внутреннего сосредоточения или действие для его достижения.

4. Медитация — «измененное состояние сознания», обусловленное как внешними, так и внутренними причинами, или «тип психотехники, продуцирующий измененные состояния сознания» (вариант: форма психической активности с целью погружения «в особые трансовые состояния»).

В этих определениях регулярно встречаем «волшебное» слово «особые», которое, собственно, ничего конкретного не сообщает о сущности и содержании этого понятия, в лучшем случае — о некой концентрации внимания и размышлениях. Ничего не сообщает оно и о сущности психотехники под названием «медитация», а ведь определения понятий — это важная составляющая в современной науке [3; 4].

Лутц, Слагтер, Данн и Дэвидсон (2008) предложили теоретическую основу, в которой медитативные практики подразделяются на две основные группы. Техники концентрации — или сосредоточенного внимания (concentrative — or focused attention — techniques) — включают в себя непрерывное устойчивое внимание на выбранном объекте: объектом фокусирования может быть дыхание или телесные ощущения, субвокально повторяющийся звук или слово (мантра) или воображаемый ментальный образ. Медитация сосредоточенного внимания требует сужения осознания так, чтобы ум содержал только объект сосредоточения. С другой стороны, практики медитации осознанности (mindfulness meditation practices), также называемые медитацией открытого наблюдения или медитацией прозрения (open-monitoring or insight meditation), включают расширение осознания без явного фокуса (кроме самого осознания). При сконцентрированном внимании практикующим предписывается позволять любой мысли, чувству или ощущению возникать в сознании, сохраняя при этом нереактивное осознание того, что переживается. Осознанность (mindfulness) может быть описана как устойчивое понимание, направленное на нереактивное и непривязанное ментальное наблюдение, без когнитивной или эмоциональной интерпретации разворачивающегося от момента действия к моменту опыта [8].

Но главное, остается неясным, как измерять эту медитацию? Какими тестами, психодиагностическими методиками? А ведь «наука начинается там, где начинаются измерения».

Да и вообще, нужен ли термин «медитация», когда мы описываем, например, углубленные размышления изобретателя над новым прототипом какого-либо устройства? Медитирует ли пилот, концентрируя внимание во время посадки самолета? Называется ли медитацией творческая работа актера при воплощении в образ своего героя? Стоит ли называть медитацией, например, идеомоторные упражнения спортсмена перед выступлением на соревнованиях? Наконец, будем ли мы считать медитацией релаксацию мышц, даже если мы сопровождаем их аутотренинговыми упражнениями?

Заметьте, все описанные выше термины имеют научные определения и объяснены в современных терминах и понятиях из области психологии, физиологии и биомеханики. Итак, промежуточный вывод: мы вполне можем обходиться без термина «медитация» во многих случаях, где его ныне пытаются использовать.

С другой стороны, термин и понятие «медитация» все чаще и «настойчивее», начиная с 70-х годов [5], встречается в современных публикациях не только в связи с восточными практиками, но и в психологической литературе. Все чаще психологи включают этот термин в научный лексикон. При этом сам термин еще не обозначен ни в классификаторе психологических наук ВАК 19.00.00, ни в научном лексиконе психологии вообще. Но количество публикаций с использованием этого понятия растет из года в год в геометрической прогрессии: если в 70-х годах это были единицы научных публикаций, то к 2010 году их насчитывалось около 300, а к 2017 — более 7000 за год [2; 6]. Другими словами, дать научное определение понятию «медитация» — это в настоящее время исторически назревшая необходимость.

Б. В. Евстафьев (1990) указывал на следующие требования к определению: 1. Объективность: определение должно исходить из природы явления. 2. Историчность: определение должно строго соотноситься с конкретной исторической эпохой, этапом развития общества. 3. Четкость определения: оно должно быть кратким, иметь в своем составе минимальный перечень общих и специфических признаков. 4. Завершенность определения: в нем долины использоваться только такие термины,

которые уже известны и не требуют объяснения [3]. Евстафьев также декларировал три принципа эффективности определения: 1) принцип эффективности определения — его четкость и ясность; 2) принцип соотношения содержательного и терминологического аспектов процесса определения понятий; 3) принцип необходимости учета всей системы используемых понятий [3].

Учитывая перечисленные требования и принципы, попытаемся все же дефинировать понятие «медитации». Для чего вначале разберемся с некоторыми научными терминами современной психологии и психофизиологии.

Во-первых, следует разобраться в «конструктивных особенностях» тела человека и обратить внимание на понятие «чувствительность» (sentience), не забывая при этом о сенсорных системах человека (в том числе и о проприорецепции, и о интерорецепции — это важно!). Чувствительность в физиологии — это воспринимаемая психикой часть рецепции (всей афферентной импульсации, поступающей в различные отделы ЦНС); способность организма воспринимать раздражения, исходящие из окружающей среды или из собственных тканей и органов. Чувствительность организма предшествует его реактивности (дифференцированному ответу). Чувствительность в психологии — это способность чувствовать, воспринимать или переживать субъективно.

Во-вторых, обратимся к психологическому понятию «фантазия» (fantasy). В психологии фантазией называют широкий спектр умственных переживаний, опосредованный способностью воображения в человеческом мозгу, отмеченный выражением определенных желаний с помощью ярких мысленных образов и обычно связанный с отсутствием логики или вещей, которые невозможны или невероятны. Порой, по Вайланту (Vaillant), фантазия проявляется в форме «незрелой защиты», а порой обеспечивает «небольшие регрессии и компенсирующие исполнения желаний, которые в действительности восстанавливают силы».

В-третьих, разберемся с механизмами синестезии (synesthesia). Синестезия — это перцептивный феномен, при котором стимуляция одного сенсорного или когнитивного

пути приводит к непроизвольным переживаниям в другом сенсорном или когнитивном пути. Синестетические ассоциации могут возникать в любой комбинации и в любом количестве чувств или когнитивных путей.

Все указанные термины являются научно обоснованными и дефинированными. Все научно определенные выше понятия позволяют теперь дефинировать «медитацию» с позиции научной психологии следующим образом, отличая ее от вышеприведенных примеров.

Медитация — это концентрация внимания на качестве чувствительности к собственным произвольным фантазиям в любой модальности по механизму синестезии. Безусловно, медитация (в нашем определении), благодаря механизму синестезии, может проявляться и в эффекторной деятельности мышц и желез. И если первое объясняет так называемый «спонтанный танец», то второе — те самые «измененные состояния сознания». Другими словами, в данном случае речь может идти о динамической и статической медитации, в зависимости от преобладающей в конкретной форме медитации эффекторной системы — мышц или желез.

Более того, медитация в таком определении объясняет и эффект «интуитивного прозрения», основанного на механизмах антиципации в совокупности с, опять же, механизмами синестезии. На наш взгляд, такое определение медитации не противоречит ни предыдущим ее определениям, ни научному тезаурусу.

Теперь о самом сложном — об измерении. Что и чем мы должны измерять, когда речь идет о медитации в рамках психологической науки? Внимание? Чувствительность? Фантазии? Или, по принципу «черного ящика», как бихевиористы, «какие-то» сигналы на выходе? Вряд ли измерение перечисленных параметров передаст нам сущность явления.

Например, что нам даст диагностика таких свойств внимания, как объем, переключаемость, избирательность, устойчивость, концентрация? Ничего! А научного психолога интересует, что конкретно происходит, когда, например, приверженцы восточных единоборств занимаются «медитативной практикой», будь то статическая или динамическая медитация.

Основываясь на предположении, что различные состояния сознания сопровождаются различными нейрофизиологическими состояниями, нейробиологический подход к медитации фокусируется на измененных сенсорных, когнитивных и самосознательных переживаниях. Вызванные медитацией нейрофизиологические изменения могут быть двух видов. Изменения, которые происходят во время практики медитации, называются изменениями состояния. Изменения, которые накапливаются в течение месяцев или лет и сохраняются даже тогда, когда ум не активно занят медитацией, называются изменениями черт характера [7].

Как правило, психологи предлагают измерять состояния либо популярным опросником САН (Самочувствие — Активность — Настроение), либо интроспекцией (в том числе с помощью формализованных анкет, где могут быть описаны, например, фантазии), а черты характера — многочисленными опросниками по типу MMPI или 16PF Р. Кеттелла.

Если состояния (психологические, психофизиологические и прочие) человека могут изменяться за короткое время, то черты характера — довольно устойчивые конструкты: на их изменение требуется весьма большое время, порой годы. Этот факт не позволяет в наше скоротечное время провести более или менее достоверный психологический эксперимент с достаточным объемом и гомогенностью экспериментальной группы.

По многочисленным опросам единоборцев, которые включали в тренировочный процесс медитацию (как они ее понимали), удалось получить ряд типичных ответов, которые мы привели к научному тезаурусу:

— Я стал более уверенным в себе.

— Мне медитация позволила уменьшить количество и силу «панических атак».

— Перед соревнованиями медитация позволяет мне настроиться на поединок более качественно.

— С помощью медитации мне удается реже болеть.

— Благодаря медитации у меня повысились антиципационные (и/или интуитивные) способности, что позволяет мне заранее настраиваться на неблагоприятные ситуации или избегать их.

Были также проведены эмпирические исследования по выявлению различий черт характера у занимающихся медитативными практиками в форме восточных единоборств (по методике генерала Ци Цзигуана [1]) и регулярно занимающихся фитнесом (силовыми и кардио-упражнениями в фитнес-залах Санкт-Петербурга). Результаты этого исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа данных экспериментальной (спортсмены-единоборцы, практикующие медитацию) и контрольной (фитнес) групп (nк=10; nэ=10).

Показатели шкал 16PF Р. Кеттелла (баллы)	**КГ**		**ЭГ**		**p** 2 сторон	**ES**
	M	**SD**	**M**	**SD**		
фактор E «Подчиненность — Доминантность»	7,2	1,5	8,8	1,9	0,048	0,96
фактор G «Нормативность поведения»	9,3	1,9	3,5	0,8	0,000	4,24
фактор I «Чувствительность»	6,0	1,9	8,7	1,1	0,001	1,80
фактор M «Практичность мечтательность»	5,3	1,6	6,9	1,7	0,048	0,95
фактор N «Прямолинейность — Дипломатичность»	5,4	2,1	7,4	1,3	0,018	1,20
фактор Q2 «Независимость, нонконформизм»	5,9	0,9	7,4	1,3	0,009	1,35
фактор Q3 «Самоконтроль»	4,4	0,8	6,3	2,0	0,013	1,34
фактор Q4 «Невозмутимость — собранность»	6,1	1,6	8,0	2,2	0,038	1,01

Примечание:
ES (Effect Size) — это параметр, означающий степень эффективности психологического воздействия по конкретной шкале, со следующими диапазонами:
0,00 — 0,19 — нет эффекта;
0,20 — 0,49 — низкая эффективность;
0,50 — 0,79 — средняя эффективность;
0,80 — 2,00 — высокая эффективность
(по Cohen J. The statistical power of abnormal-social psychological research // Journal of Abnormal and Social Psychology. — 1962. — № 65. — P. 145—153).

Анализ данных тестирования по 16-факторному опроснику Р. Кеттелла показал, что статистически достоверные изменения у спортсменов, практикующих медитацию, наблю-

даются по нескольким существенно важным для настоящей темы шкалам. Прежде всего, по фактору «Чувствительность» (фактор I). Ведь именно чувствительность у нас фигурирует в определении медитации.

Достаточно много вопросов во время интерпретации результатов вызвал фактор G — «Нормативность поведения»: для нас, экспериментаторов, столь низкие баллы по этой шкале стали неожиданностью. Но учтя высокие баллы по шкалам фактор Q3 «Самоконтроль» и фактор Q4 «Невозмутимость — собранность», мы склонны объяснять такой результат тем, что было сказано нами в первом абзаце настоящей публикации — потребностью занимающихся медитацией в индивидуальном духовно-творческом развитии, не регламентированном официальными государственными структурами. Для подтверждения этого результата нашими коллегами были проведено еще два независимых эмпирических исследования, которые также повторили полученные результаты.

Отдельным блоком проводилось экспериментальное исследование возможности психотелесного тренинга для доразвития антиципации у спортсменов-единоборцев средствами медитации на базе клуба французского бокса сават «Созвездие» (г. Санкт-Петербург). Запрос на проведение исследования спортсменов поступил в связи с потребностью в выявлении психологических детерминант, связанных с успешностью спортивной соревновательной деятельности. Многолетние исследования профессионально важных качеств спортсменов выявили, что антиципационные способности (пространственные, ситуативные, темпоральные и их производные) являются одними из ведущих. Проблема заключается в поиске форм и методов доразвития антиципационных способностей у спортсменов. В настоящее время, как отмечается отечественными и западными специалистами, эта проблема не решена. В этом эксперименте использовались три психодиагностические методики на антиципационные способности: Тест-опросник «Способность к прогнозированию» Л. А. Регуш (2003); Тест-опросник «Антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность)» В. Д. Менделевича (2003); Тест-опросник «А-5 — пять видов антиципации у спортсменов» И. А. Воронова и

Г. В. Пантелеевой (2019). Результаты обработки данных экспериментального исследования двух групп спортсменов показали, что психокоррекционное воздействие в форме медитативных практик действительно оказывает положительный эффект на развитие антиципации у единоборцев, а это, в свою очередь, влияет на успешность выступлений на спортивных соревнованиях. Некоторые результаты этого исследования приведены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа данных антиципационных способностей контрольной и экспериментальной групп (nк=33, nэ=37).

Шкала	**Гр**	**ДО**			**ПОСЛЕ**			**ES**
		M	**SD**	**p**	**M**	**SD**	**p**	
Регуш	к	10,36	1,97	0,396	10,42	2,02	0,030	0,46
	э	10,49	1,91		11,30	1,81		
M ОАС	к	264,85	21,07	0,223	263,36	21,33	0,004	**0,65**
	э	268,35	17,10		276,08	17,57		
M ЛСА	к	169,52	12,44	0,308	169,30	13,02	0,043	0,42
	э	170,97	11,77		174,65	12,61		
M ВА	к	39,88	5,45	0,220	39,33	5,22	0,000	**0,88**
	э	40,95	5,96		44,22	5,88		
M ПА	к	55,45	6,73	0,267	54,73	7,43	0,062	0,37
	э	56,43	6,33		57,22	5,97		
Lev A	к	57,67	6,17	0,229	57,36	6,79	0,006	**0,62**
	э	58,81	6,52		61,51	6,68		
S	к	12,39	2,03	0,232	12,42	2,52	0,193	0,21
	э	12,76	2,11		12,93	2,29		
SE	к	11,56	1,84	0,190	11,67	2,50	0,044	0,41
	э	11,99	2,20		12,63	2,15		
E	к	11,04	1,12	0,281	10,88	1,36	0,008	**0,60**
	э	11,21	1,28		11,71	1,41		
TE	к	11,04	1,21	0,324	11,12	1,74	0,032	**0,45**
	э	11,18	1,36		11,99	2,10		
T	к	11,64	2,16	0,477	11,28	2,04	0,020	**0,50**
	э	11,67	1,88		12,25	1,88		

Здесь мы видим, что по многим шкалам тестов на антиципацию произошли статистически достоверные изменения в сторону доразвития указанного качества. Исключение составили шкалы пространственной антиципации (по тесту Менделевича В. Д. — шкала МПА, по тесту Воронова-Пантелеевой — шкала S). Это объясняется, видимо, тем, что

пространственная антиципация формируется на самых ранних этапах развития человека и ее дальнейшее доразвитие происходит очень незначительно. Таким образом, мы можем констатировать, что антиципация является профессионально важным качеством для единоборцев; она может быть доразвита средствами специальных медитативных психотелесных упражнений, но не все антиципационные способности имеют равный вклад в достижение спортивной победы.

Остальные результаты говорят сами за себя и, на наш взгляд, не требуют дополнительных пояснений. Хотя в этом случае остается невыясненным — то ли медитация влияет на личностные черты, то ли такой набор черт побуждает заниматься медитацией.

Выводы. В настоящей публикации авторы предлагают научное определение «медитации» и анализируют некоторые подходы к ее измерению. Безусловно, использование медитации и ВСПТ, в учебно-тренировочном процессе в йоге, китайских рекреационно-реабилитационных системах физической культуры, единоборствах, различных видах спорта возможно и полезно. Но это применение требует четкого научного понимания медитации: что это такое, каковы ее механизмы, что и чем измерять и чего конкретно ожидать от медитативной практики.

Библиографический список:

1. Воронов И. А. Опыт перевода и расшифровки методики подготовки единоборцев китайского генерала Ци Цзигуана (XVI век) // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. — 2016. — № 1. — С. 129—138.
2. Гоулман Д. Измененные черты характера. Как медитация меняет ваш разум, мозг и тело. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 478 с.
3. Евстафьев Б. В. О некоторых методологических подходах к определению основных понятий в теории физической культуры. Материалы к лекциям. — Ленинград: ГИФК, 1990. — 36 с.

4. Лантюхова Н. Н. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. — 2013. — Вып. 1 (6). С. 42—45.
5. Налимов В. В. Проблема человека в современной науке // Вестник АН СССР. — 1979. — № 6. — С. 60—68.
6. Braboszcz C. Meditation and Neuroscience: from basic research to clinical practice // Integrative Clinical Psychology, Psychiatry and Behavioral Medicine: Perspectives, Practices and Research. — 2010. — P. 1910—1929.
7. Cahn B R. Meditation states and traits: EEG, ERP, and neuroimaging studies // Psychological Bulletin. — 2006. — № 2 (132). — P. 180—211.
8. Lutz A. Attention regulation and monitoring in meditation // Trends in Cognitive Science. — 2008. — № 4 (12). — P. 163—169.

PSYCHOLOGICAL DEFINITION OF «MEDITATION»: SOME PROBLEMS OF THE ESSENCE OF MECHANISMS AND PSYCHODIAGNOSTICS

Voronov Igor Anatolyevich
doctor of psychological sciences, professor, vice-rector of East European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Panteleeva Galina Vladimirovna
candidate of psychological sciences, The Lesgaft national state university of physical education, Saint-Petersburg

Bulanov Sergei Olegovich
candidate of pedagogical sciences, the head coach of the national team of Russia at the french boxing savate, Saint-Petersburg

Kulikova Olga Yurievna
candidate of historical sciences, The Lesgaft national state university of physical education, Saint-Petersburg

Abstract. Since the late 50s of the twentieth century, various Eastern systems of mind-body training began to gain wide popularity in the USSR. There were many reasons for this. This includes the need of the population for individual spiritual and creative development, unregulated by official state structures, which rigidly formalized the spiritual life of Soviet citizens within the narrow framework of materialist ideology and a wide range of various prohibitions and taboos. In a wide range of means of Eastern mind-body systems, in addition to the original techniques of motor actions, rituals and terms, such an action as «meditation» was also offered. In this publication, the authors propose a scientific definition of «meditation» and analyze some approaches to its measurement. Meditation is the concentration of attention on the quality of sensitivity to one's own arbitrary fantasies in any modality according to the mechanism of synesthesia. Since meditation has an impact As a rule, psychologists suggest measuring states and character traits either by the popular WbAM questionnaire (Well-being — Activity — Mood), or by introspection (including using formalized questionnaires, where, for example, fantasies can be described), and character traits-by numerous questionnaires, such as MMPI or 16PF by R. Kettell. The article presents the results of an empirical study of the effects of meditation (as an example) in martial artists.

Keywords: meditation, scientific definition, psychology, eastern systems of mind-body training, recreational and rehabilitation systems of physical culture, psychodiagnostics, anticipation

3.3. ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Шарова Анастасия Борисовна
старший преподаватель
кафедры общих дисциплин АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье дается краткий обзор методов, использующихся при моделировании протестной активности, и возникающих при этом проблем.

Ключевые слова: протестная активность, математическая модель

Субъект нашего времени вне всякого сомнения является субъектом протестующим. Если даже он непосредственно не вовлечен в саму протестную активность, он не может избежать информационного ее сопровождения. При этом, будучи погружен в эту тематику, он не имеет инструмента для определения того, что же на самом деле происходит. Поскольку речь идет в первую очередь о массовой психологии, использование математических методов моделирования может оказать существенную помощь в анализе этих процессов.

Математические методы анализа широко используются в психологии и даже привели к возникновению отдельной активно развивающейся дисциплины — математической психологии [4], изучающей в том числе социальное и групповое поведение, к которому можно отнести и социальный протест.

Существуют различные определения и типологизации социального протеста [13; 3]. Мы будем понимать под протестной активностью противостояние сторон, одной из которых является государство, по некоторому социально значимому вопросу, причем определяющим при переходе конфликта в протест является заявление о недовольстве и протесте. Наиболее полный перечень его видов и методов организации был дан Шарпом в книге «От диктатуры к демократии» [17].

Новое качество протестное движение приобрело в 2009 году, когда при организации протестной активности в Кишиневе были широко использованы социальные сети. Таким образом, современный социальный протест — явление достаточно молодое, оказавшееся на перекрестье интересов самых различных дисциплин, что приводит в анализ этих процессов не только классические методы социальной и политической психологии, но и методы математического моделирования, в том числе анализ сетей.

Протест можно анализировать на нескольких уровнях:

1. социально-экономический, исторический фон и предпосылки;

2. процесс формирования конфликтной ситуации;

3. анализ протестных настроений личности;

4. анализ протестного потенциала как отдельной личности, так и различных групп;

5. зарождение, распространение идеи, подготовка, организация, появление лидера;

6. непосредственное проведение протестной акции, динамика акции;

7. анализ информационного сопровождения протеста;

8. анализ множества акций за определенный промежуток времени.

Интерес с точки зрения моделирования не только политико-социального [16], но и в рамках математической психологии, в первую очередь представляют 4, 5 и 6 пункты. Для моделирования этих процессов используются различные подходы:

— анализ на основе моделей самоорганизации и скорости изменения численности групп [5; 11];

— анализ взаимодействия в социальных сетях [14; 10], в том числе анализ графов [9];

— агентный подход [1];

— теоретико-игровой подход [1; 12]

— рефлексивное управление [8; 6].

Моделирование протестной активности сталкивается с проблемами как общими для такого рода задач, так и достаточно специфическими:

1. С 2009 года прошло достаточно мало времени и накоплено недостаточное количество данных для системного анализа.

2. На момент заявления о переходе конфликта в протест уже сформирована основа для его реализации — есть активные группы, у которых уже определились лидеры, активисты, некие программные заявления и идет активная агитация сторонников.

3. Информационный шум, сопровождающий протестное движение, в том числе содержащий недостоверную информацию. Большой поток неструктурированной информации препятствует вычленению актуальной информации.

4. Многие модели носят неэкспериментальный характер.

5. Проверка действенности модели представляет определенную трудность, особенно на первых стадиях формирования протеста.

6. Наконец, даже простая формализация задачи может представлять трудность.

Последнее легко проиллюстрировать, например, попыткой описать в теоретико-игровой форме взаимодействие «А. Навальный — государство». Для описания данной игры мы должны определить игроков, их интересы, возможные стратегии и цену игры. В данном же случае, несмотря на то что данный сюжет постоянно присутствует в информационном поле, мы не можем быть уверены даже в том, что игра действительно идет, что она происходит именно между этими игроками, и уж совсем неочевидными являются предмет и цель игры и, соответственно, ее цена. Хотя отдельные сюжеты взаимодействия, такие как недавнее возвращение оппозиционера из Германии и последующий суд, вполне хорошо формализуются.

В завершение хочется упомянуть еще одну проблему, изучение которой методами моделирования могло бы представлять интерес. В связи с развитием интернета растет интерес к изучении его роли в различных аспектах жизни общества, а также интерес к самому интернету как функционирующей структуре. Выдвигаются предположения, что объединение людей с его помощью, создание такой человеко-информационной системы в виде сложно организованной многоуровневой сети есть предтеча ноосферы В. И. Вернадского [7]. В таком случае возникает вопрос: не является ли новый,

«гибридный» протест, помимо прочего, свойством или, возможно, следствием ее формирования?

Библиографический список:

1. Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. — 2021. — С. 12—45.
2. Баринов И. И. События 2009 в Молдавии: проблема формирования нового политического пространства // Вестник Удмуртского университета. — 2018. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 394—400.
3. Дементьева И. Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. — 2013 — Вып. 4. — С. 73—82.
4. Дмитриева Ю. А. Актуальные направления математической психологии // Евразийский Союз Ученых. — 2016. — № 2. — С. 16—22.
5. Колесин И. Д. Принципы моделирования социальной самоорганизации. — СПб.: Лань, 2013. — 288 с.
6. Колесников А. В. Цивилизационная трансформация социальной системы. Опыт компьютерного моделирования. Рефлексивные процессы и управление // Сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 17-18 октября 2019 г. — М.: Когито-центр, 2019. — С. 304—307.
7. Коломиец Я. Ю. Прогностические концепции XX века: теория коммуникации «Торонтской школы» и «Ноосфера» В. И. Вернадского // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6. — № 1. — С. 128—136.
8. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М.: Советское радио, 1972. — 160 с.
9. Морозова А. А., Кальярова К. Н. Анализ коммуникативной активности протестных групп в социальных сетях методами математического моделирования // Вестник ЧГУ. — 2017. — № 12. — Вып. 10. — С. 129—135.
10. Нагорняк К. И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования

протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник РУДН. — 2021. — Серия «Политология». — Т. 23. — № 1. — С. 60—77.
11. Новиков Д. А. Математические модели формирования и функционирования команд. — М.: Физматлит, 2008. — 184 с.
12. Салин П. Б., Юрга В. А. Формальные модели теории игр в политологии и их приложения к экспертным экономическим моделям // Гуманитарные науки. — 2012. — № 4. — С. 32—42.
13. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник НГУ. — 2014. — № 1. — С. 103—107.
14. Стукал Д. К., Беленков В. Е., Филиппов И. Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. — 2021. — № 1. — С. 46—75.
15. Хосаева З. Х. Математическая модель протестных акций // Компьютерные исследования и моделирование. — 2015. — Т. 7. — № 6. — С. 1331—1341.
16. Чеботарева И. В., Мрочко Л. В., Пирогова Л. И. Причины и особенности протестных движений в молодежной среде // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2019. — № 3. — С. 145—152.
17. Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2005. — 84 с.

PROBLEMS OF PROTEST ACTIVITY MODELING IN PSYCHOLOGY

Sharova Anastasya Borisovna
senior lecturer of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents a brief overview of the methods used in the modeling of protest activity, and the problems that arise in this process.

Keywords: protest activity, mathematical model

3.4. ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПРОЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И САМОРЕАЛИЗАЦИИ У ЖЕНЩИН

Лабанова Анна Михайловна
магистрант II курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлены социальные и психологические аспекты, связанные с субъективным проживанием одиночества у женщин. Приведен подробный обзор результатов исследований, проведенных в разных возрастных группах женщин. Автором выделены сложности, возникающие при проведении психологических исследованиях феномена одиночества. В заключении предложены варианты проведения эмпирических исследований и терапевтической работы.

Ключевые слова: одиночество, субъективное проживание одиночества, самореализация

Проблема одиночества не теряет своей актуальности и всегда остается среди наиболее значимых проблем психологии и частных запросов клиентов на терапию. На фоне последствий пандемии мы можем наблюдать, как обострились сложности межличностного общения, страх одиночества и отверженности, невозможность оставаться наедине с собой. Количество разводов резко увеличилось: по данным Росстата на 100 браков в 2020 году приходится 73 развода на территории Российской Федерации.

При этом, согласно статистике, большинство разводов происходит по инициативе женщин. В то же время молодые женщины не спешат вступать в брак. Таким образом, средний возраст вступления в брак увеличился до 25—34 лет и выпадает на первый период зрелого возраста.

Очевидной становится тенденция увеличения числа руководителей из числа женщин, а также развитие их в других сферах: профессиональная карьера, творчество, бизнес. Роль женщины за последнее столетие кардинально изменилась, что значительно повлияло на женскую идентификацию. В труде

Дарио Салас Соммэра подробно рассматривается переход женщины от «производителя домашней продукции» в равного мужчине соискателя работы. Индустриализация обесценила домашний труд, материнство перестает быть исключительно женской прерогативой [8].

Происходит масштабная смена ролей и вариантов идентификации, смена личностных ценностей. Рассмотрим результаты кросскультурного исследования Е. И. Симончик, направленного на определение иерархии ориентации современных женщин. В иерархии женщин России на первое место выходит профессиональная карьера. «Профессиональная занятость становится нормой поведения и определяет жизненную стратегию» [7]. Далее следуют такие ценности, как любовь и дети. При этом ценность семьи значительно ниже, что может служить определяющим фактором, влияющим на одиночество.

В рамках данного исследования также можно почерпнуть информацию о распределении профилей жизненных сфер, на основании которых мы можем сделать вывод, что наши соотечественницы отдают предпочтение саморазвитию и образованию, карьерным успехам, возможности профессионального роста и социальных достижений.

Карьерный рост придает уверенность в собственных силах, но требует большого расхода жизненных ресурсов: времени, энергии, эмоциональной вовлеченности. В подобных условиях сложно найти должный баланс на поддержание традиционного семейного быта и профессиональных успехов. Кроме того, любовные отношения с партнером могут вызывать высокую степень тревожности, ощущение нестабильности и повышенного риска из-за отсутствия гарантий.

Согласно исследованию Н. В. Шитовой, основными причинами женского одиночества являются: демографическое соотношение полов, эмоциональная изоляция, одинокое материнство, одиночество без детей, женский карьеризм, брак по расчету, особенности характера, вдовство [10]. Мы можем расширить данный список. На выбор позиции одиночества также влияет межпоколенное распределение семейных ролей в женской линии «бабушка — мать — дочь». Именно эти отношения закладывают будущий фундамент жизненных

паттернов, передаваемых далее. Таким образом, если у бабушки были тяжелые отношения с ее супругом, то матери, скорее всего, будет сложно построить и сохранить отношения, в свою очередь, у дочери в семейной истории не останется положительных примеров, на которые можно опереться в отношениях, и она вовсе не станет вступать в брак [9].

В качестве еще одной причины можно выделить современную тенденцию «не следовать нудным правилам и стандартам». Женщины, проживающие в крупных городах, имеют больше возможностей социального контакта и более быстрый ритм жизни, что влияет на качество отношений. Многие женщины все чаще делают выбор в сторону непродолжительных отношений или отношений в стиле «друзья с привилегиями».

Важно отметить, что одиночество среди женщин стоит рассматривать не только как социальное явление, но и как психическое состояние. Каждый субъект являет собой единство психических и соматических процессов, при этом сами процессы динамичны и переменчивы. В разные годы жизни одиночество чувственно проживается по-разному. Наиболее кризисными периодами считаются подростковый возраст, беременность и постродовой период, второй период зрелого возраста, пожилой возраст.

В подростковом возрасте одиночество может быть связано с неудовлетворенностью социальными связями, сложностью установления доверительного контакта и потерей идентичности. Чувство одиночества на этом жизненном этапе проживается в негативном аспекте и «остро воспринимается как заброшенность, покинутость, непонятость и отверженность» [5]. Согласно исследованию Т. А. Поповой и Л. А. Канаева, субъективное проживание у подростков, растущих в семье, связано с чувствами тревожности в рамках школьной жизни, достижении успеха, переживанием социального стресса. Ощущение одиночества проявляется в агрессивности, раздражительности и повышенной обидчивости. В то время как у подростков из детского дома уровень субъективного одиночества выше, но «компенсируется за счет собственных психических защит, связанными с чувством общности и социальной поддержки сверстников» [5].

В период студенчества и профессионального становления субъективное проживание одиночества напрямую связано с изменением ритма жизни, социальных связей, системой ценностей, переездом в другой город. По данным Д. В. Каширского, «чем выше степень переживаемого одиночества, тем ниже он оценивает степень удовлетворенности от самореализации в [различных] жизненных сферах. Заметим, что в числе жизненных сфер, носящих для студентов-первокурсников фрустрирующих характер, фигурируют доминирующие ценности, например, наличие хороших и верных друзей. По-видимому, именно сфера близких взаимоотношений представляет для одинокого человека наиболее вероятный источник внутреннего конфликта» [3]. На основании данных, приведенных в исследовании, можно сделать вывод, что в период студенчества острое проживание одиночества негативно влияет на развитие личности, возможности ее самореализации и профессионального роста. Хотелось бы также отметить, что, согласно исследованию О. В. Иванцовой, более глубокое чувство одиночества и тревоги проживают студентки, имеющие ограничения здоровья [2].

В период беременности и постродовой период женское психическое состояние очень уязвимо и сильно зависит от гормональных изменений. В этот период многие женщины отмечают, что чувствуют себя одинокими. На появление этого чувства могут повлиять изменение ритма жизни семьи, изменение социальных связей, происходящие изменения в теле матери, а также тревожные мысли, касающиеся здоровья малыша и его развития.

В пожилом возрасте данное состояние сопровождается повышенным уровнем тревожности и депрессии, вызванными переживаниями о постоянно изменяющихся социально-экономических условиях жизни, необходимости адаптации к новым стратегиям жизни. В период после трудовой деятельности среди женщин можно наблюдать две стратегии: стратегию адаптации в рамках самореализации развития или стратегию защитного поведения, направленного на выживание [6].

Выше мы рассмотрели варианты проживания одиночества и его влияние на женщин в кризисные периоды. Но в период

средней зрелости женщины также могут ощущать одиночество. Опираясь на данные, приведенные в статье Т. С. Мороз, Ю. В. Федоренко, М. В. Достойновой, можно судить, что субъективному переживанию одиночества подвержены как одинокие, так и состоящие в браке женщины. Следовательно, семейное положение не может иметь решающего значения. Согласно результатам исследования, одинокие женщины менее адаптивны, более тревожны, им сложнее принимать решения, чаще зависят от мнения других, менее жизнестойки. При этом в этой же группе испытуемых «наблюдается высокое стремление к общению, к совместной деятельности, к лидерству, руководству, ответственность за события, происходящие в жизни, принимается в большей мере за себя, результаты деятельности объясняются своим поведением, характером, способностями» [4]. Анализируя приведенные данные, можно допустить, что такие реакции одиноких женщин связаны с необходимостью опираться только на свой собственный опыт и ресурсы в каждый момент времени, в то время как замужние женщины могут разделить проблемы с партнером.

В указанных выше статьях переживание одиночества описано как негативный феномен, вызывающий чувство отверженности и эмоциональное состояние, ограничивающее возможности для реализации субъекта. При этом субъективное переживание одиночества может проживаться как позитивный опыт для творческого роста и развития креативности. «Возникают реальные возможности для саморазвития и самосовершенствования, для сублимации деструктивной энергии в энергию творчества, например, в виде описания своих переживаний в поэтической и прозаической формах» [1].

Также можно судить о том, что женщины, обычно более загруженные не только работой, но и домашними заботами, в большей степени способны использовать возможности уединения для удовлетворения познавательных процессов, реализации творческого потенциала. Об этом говорит активно растущий с каждым годом сегмент товаров для хобби, творчества и рукоделия.

При этом остается открытым вопрос: одиночество — это социальная болезнь или осознанный выбор? Опираясь на обзор,

приведенный выше, мы можем выделить сложности, возникающие при проведении психологических исследованиях феномена одиночества:

— отсутствие четкого понятия «одиночества», психологическое различие его от «изоляции» и «уединения»;

— сложности определения данного состояния для субъекта, так как одинокими себя могут чувствовать и субъекты, состоящие в отношениях;

— влияние социальных сетей и размывание границ социальных отношений;

— различные формы проявления одиночества: чувство, состояние, процесс и отношение. Вариант формы варьирует в зависимости от сложности построения взаимных отношений для субъекта. Если чувство одиночества проживается как отличие от других и может присутствовать в любой момент жизни, в браке и отношениях, наполненных взаимным принятием и любовью, то одиночество как отношение рассматривается в качестве невозможности принятия самоценности. Субъект не может встраивать себя в социальную действительность, пристраивать отношения в этом пространстве [11];

— большое количество психологических особенностей, тесно связанных с субъективным переживанием одиночества, таких как тревожность, адаптивность, жизнестойкость;

— ограниченные возможности анкетирования, в связи с тем что для многих переживание одиночества является сугубо личным и интимным процессом.

Возможными вариантами преодоления чувства одиночества могут стать: проживание индивидуальной самореализации, изменение формата идентификации, развитие личностных качеств и способностей, социальная активность, творческое самовыражение, позитивный взгляд на жизнь, поиск нестандартных решений.

В заключение обозначим варианты терапевтической работы и возможности проведения эмпирических исследований.

В первую очередь хотелось бы отметить использование проективных методик исследования. Данные методы позволят субъекту повысить степень самораскрытия через доступ к картине внутреннего мира, прояснить наиболее значимые ценности и определить истинное значение «одиночества» для субъекта.

Еще одним вариантом, позволяющим увеличить самораскрытие субъекта, является применение метода глубинного интервью. При проведении интервью можно создать более доверительные отношения с клиентом. Открытые вопросы позволяют снизить формализацию процесса, определить жизненную стратегию, выявить истинную значимость и степень проживания одиночества.

Для более полного раскрытия клиенту можно предложить различные дневниковые практики: утренние страницы, письмо себе и прочее. Важно объяснить клиенту специфику проведения анализа дневниковых записей. Анализ данного материала дает нам доступ не только к сознательному содержанию мысли клиента, но и к ассоциативным связям, динамике развития одиночества. Для анализа также может подойти использование материала из личных блогов, но необходимо учитывать, что текст блога ориентирован на определенную социальную оценку, что снижает его ценность для терапевтических целей [6].

В последнее время большой интерес и широкое распространение приобретают женские круги. Женский круг проводится как живая встреча женщин, где основой является равенство участниц вне зависимости от их социального положения и интересов. Главный посыл круга можно описать фразой: «С тобой все нормально». Данная встреча проводится с учетом сохранения конфиденциальности и взаимного уважения. В рамках круга можно включать различные методы телесно-ориентированной психологии, арт-терапии, дыхательные и медитативные практики, проективные методики, работу с МАК.

В процессе теоретического анализа при написании данной статьи удалось соприкоснуться с некоторыми вопросами появления субъективного переживания одиночества и его влияния на возможности самореализации у женщин.

Библиографический список:

1. Зудченко Е. В., Рудя И. А. Субъективное ощущение одиночества у женщин // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2015. — № 13 (4). — С. 58—60.

2. Иванцова О. В. Особенности переживания одиночества с личностной тревожностью у студентов инклюзивного высшего образования // Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции. — 2019. — С. 50—57.
3. Каширский Д. В. Психологические особенности систем ценностей студентов с различной степенью переживания одиночества // Мир науки, культуры и образования. — 2008. — № 5 (12). — С. 162—166.
4. Мороз Т. С., Федоренко Ю. В., Достойнова М. В. Особенности психологического благополучия женщин в период средней взрослости // Мир науки, культуры, образования. — 2017. — № 6 (67). — С. 408—411.
5. Попова Т. А., Канаева Л. А. Особенности агрессивности, тревожности и субъективного переживания одиночества у подростков из детского дома и семьи // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 5. — С. 398—401.
6. Пузанова Ж. В. Одиночество: Возможности эмпирического исследования // Вестник РУДН. — 2008. — № 4. — С. 28—37.
7. Симончик Е. И. Кросскультурные различия ценностных ориентаций молодых одиноких женщин (на примере Израиля и России) // Вестник Бурятского государственного университета: Педагогика. Филология. Философия. — 2009. — С. 143—146.
8. Соммэр Д. С. Существует ли женщина? — М.: Кодекс, 2018. — 192 с.
9. Томгорова Г. Н. Трансгенерация когнитивно-поведенческих паттернов в семье как детерминанта нежелательного женского одиночества: к постановке проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. — 2020. — № 1.
10. Шитова Н. В. Модель женского одиночества // Вестник КГУ. — 2008. — Т. 14 — С. 185—190.
11. Шитова Н. В. Одиночество — сложная проблема современных женщин // Территория науки. — 2006. — № 1. — С. 165—169.

RELATIONSHIP OF SUBJECTIVE LONELINESS AND SELF-REALIZATION AMONG WOMEN

Labanova Anna Mikhailovna

graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the social and psychological aspects associated with the subjective experience of loneliness in women. A detailed review of the results of the studies carried out in different age groups of women is given. The author highlighted the difficulties arising in the conduct of psychological studies of the phenomenon of loneliness. In the conclusion, options for conducting empirical research and therapeutic work are proposed.

Keywords: loneliness, subjective living of loneliness, self-realization

3.5. ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ, УБЕЖДЕНИЙ И ТИПЫ ПРИВЯЗАННОСТИ ЖЕНЩИН, РЕАЛИЗУЮЩИХ БДСМ-ПРАКТИКИ В МАЗОХИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ

Терехова Наталья Сергеевна
психолог, психоаналитик,
г. Москва

Кудрявцева Светлана Викторовна
кандидат медицинских наук, доцент кафедры психотерапии
АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлено исследование привязанности, убеждений и особенностей межличностных отношений у женщин, реализующих сексуальные БДСМ-практики в нижней мазохистической позиции. Результативный аспект заключается в формулировании рекомендаций для фокуса терапевтического воздействия при психологической работе с такими людьми.

Ключевые слова: БДСМ, тип привязанности, убеждения, обращение агрессии на себя, контроль, эмоциональные отношения, телесное отреагирование

В основе исследования была гипотеза, что использование БДСМ-практик в нижней мазохистической позиции — это способ отреагирования раннего негативного опыта отношений и способ поддержания собственной устойчивой положительной самооценки не за счет наличия эмоциональных отношений и связей, а за счет контроля над БДСМ-сценарием и способности выносить сильные физические ощущения.

Для проведения исследования были отобраны 2 группы женщин, в возрасте 27—37 лет, и проведены исследования по следующим методикам:

— определение типа привязанности испытуемых — методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли (адаптация Т. В. Казанцевой);

— исследование базовых убеждений — методика «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман (адаптация О. Кравцовой);

— исследование и выявление специфики межличностных отношений у женщин, использующих БДСМ-практики, где использовались опросник межличностных отношений (ОМО) А. А. Рукавишникова [6] и «тест профиля отношений» Р. Борнштейна, адаптация О. П. Макушиной.

После проведения опроса и выборки были отобраны 2 группы: контрольная (женщины, не практикующие БДСМ в нижней позиции — 33 человека) и основная, также названная БДСМ (женщины, использующие БДСМ-практики — в количестве 25 человек).

В первую очередь необходимо было выявить, существуют ли различия в типах привязанности между БДСМ-группой и контрольной группой. По методике «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли (адаптация Т. В. Казанцевой) были получены следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1. Классификация испытуемых по типу привязанности в контрольной группе.

Тип привязанности	**Количество человек**
избегающий (21%)	7
боязливый (3%)	1
зависимый (12%)	4
надежный (64%)	21
Всего:	**33**

В контрольной группе мы можем видеть, что надежный тип привязанности является преобладающим. Можно сделать вывод, что представительницы контрольной группы получали удовлетворение своих потребностей, уход и эмоциональное отношение своевременно и в достаточном количестве.

Результаты основной (БДСМ) группы сильно отличаются от контрольной группы (таблица 2).

Таблица 2. Классификация испытуемых по типу привязанности в основной (БДСМ) группе.

Тип привязанности	Количество человек
избегающий (24%)	6
боязливый (24%)	6
зависимый (16%)	4
надежный (36%)	9
Всего:	**25**

По результатам классификации мы можем увидеть, что 64% испытуемых группы БДСМ имеют деструктивные типы привязанности. Можно сделать вывод, что потребности в уходе и эмоциональном отношении не были удовлетворены в том объеме, качестве и количестве, чтобы их можно было назвать хорошо удовлетворенными. Таким образом, есть разница между тем, как выстраивают свои отношения представительницы группы БДСМ и представительницы контрольной группы.

Так как у половины респондентов группы БДСМ либо избегающий, либо боязливый тип привязанности, это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное взаимодействие воспринимается как болезненное и сопровождается страхом. Ряд исследователей говорят о том, что это вызвано провалом ментализации у ухаживающих лиц [1; 2; 5; 7]. Другими словами, через речь не было сформировано той среды, где обозначались чувства и объяснялись ситуации, которые их вызывали. Что опять же может привести к мысли, что для эмоционального облегчения и стабилизации состояния этими людьми будет использоваться не речь и отношения, а способ физического отреагирования, другими словами, необходимость изменить свое состояние через действие и через изменение внешних условий.

Наличие деструктивных типов привязанностей позволяют оценивать БДСМ-практики как модель отношений, сценарность которых позволяет справиться с тревожностью и задавать тот уровень дистанции, который считается наиболее предпочтительным, с одной стороны, а с другой стороны — то, что позволяет выразить внутреннее состояние эмоциональной боли, подчиненности судьбе, низкую самооценку через помещение себя в подобные условия и внешнее отыгрывание этих состояний не через эмоции, а через тело.

Для исследования убеждений использовалась методика «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман (адаптация О. Кравцовой). В таблице 3 приведены результаты.

Таблица 3. Средние значения по результатам методики «Шкала базовых убеждений».

Показатели	**Основная (БДСМ)**		**Контрольная**		**U-критерий**	**p**
	Ср.зн.	Ст.отк.	Ср.зн.	Ст.отк.		
Благосклонность мира BW	15,28	3,69	17,24	3,37	296,00	p≤0,05
Доброта людей BP	14,6	3,16	15,67	2,69	327,00	
Справедливость мира J	11,92	3,16	13,85	3,05	266,00	p≤0,05
Контролируемость мира C	14,8	3,54	14,27	2,71	379,00	
Случайность как принцип распределения происходящих событий R	15,36	2,55	14,88	3,68	361,50	
Ценность собственного Я SW	15,76	4,64	17,64	3,77	306,00	p≤0,05
Степень самоконтроля SC	17,32	3,34	16,12	2,72	319,50	
Степень удачи L	15,08	3,79	15,67	3,42	343,50	
Общее отношение к благосклонности мира среднее арифм. BW и BP	14,94	2,81	16,45	2,75	270,50	p≤0,05
Общее отношение к осмысленности	12,76	3,07	14	2,01	307,00	p≤0,05
Убеждение относительно собстенной ценности среднее арифм. SW SC L	16,05	2,89	16,47	2,61	382,00	

U-критерий при таком количестве респондентов равен 307, поэтому мы видим достоверные различия при p≤0,05 по шкалам: справедливость мира, общее отношение к благосклонности мира, ценность собственного Я, общее отношение к осмысленности. Можно сделать вывод, что негативный опыт ранних отношений в БДСМ-группе формирует убеждения, что мир несправедливо опасен, травматичен, холоден, неблагосклонен, агрессивен. Низкие показатели по шкале справедливости и

благосклонности позволяют сформулировать убеждение: «мир заставляет меня несправедливо страдать», что, возможно, отчасти формирует и негативное отношение к себе: «мир ко мне несправедлив, потому что я плох». И в этом случае разочарование, злость и агрессия на внешний мир будут обращаться на себя как единственно разрешенный способ выразить недовольство, не пострадав при этом еще больше. Таким образом, защита от страха, которую реализует мазохист, по мнению Райха, — это защита от агрессивности, вызванной фрустрацией. Получается, что мазохизм является реакцией на некую болезненную травматичную ситуацию [4]. В этом случае БДСМ-практики можно считать способом адаптации внешнего окружения внутренним ощущениям незаслуженного страдания, возможно, способом повторения ранней травмы, чтобы адаптировать психику путем многократного проигрывания ситуации в активной сильной позиции.

Также можно увидеть, что есть различия по шкалам благосклонность мира: 15,28 — в основной группе и 17,24 — в контрольной группе, при $U=296{,}00$ $p \leq 0{,}05$. Представительницы БДСМ-группы в меньшей степени относятся к миру как к позитивному, доброму. Это позволяет сделать вывод, что представители основной группы либо сталкиваются с более негативными проявлениями внешнего мира, либо оценивают их как более негативные, что может быть вызвано высокими уровнем внутренней критики. В этом случае более сдержанная оценка положительных качеств мира может быть проекцией такого же сдержанного либо негативного отношения к себе, что подтверждается статистическими различиями. В шкале ценность собственного Я достоверно: 15,76 — в основной группе и 17,64 — в контрольной группе, при $U=306{,}00$ $p \leq 0{,}05$. В теоретических источниках проекция и обращение на себя называют ведущими защитами при мазохистическом характере [3].

Испытуемые в основной группе в меньшей степени склонны проявлять позитивное отношение к себе. По сводной таблице результатов можно увидеть, что минимум в основной группе находится на уровне 6 баллов, в то время, как в контрольной на уровне 8 баллов. Общее отношение к осмысленно-

сти: 12,76 — в основной группе и 14 — в контрольной группе, U=307,00 $p \leq 0,05$. В основной группе события ощущаются как происходящие случайным образом, что связано с общей несправедливостью мира, «чтобы я не делал, все равно мир обидит меня».

Для исследования межличностных отношений использовался опросник межличностных отношений (ОМО) А. А. Рукавишникова (таблица 4) и «Тест профиля отношений» Р. Борнштейна, адаптация О. П. Макушиной (таблица 5).

Таблица 4. Средние значения по опроснику межличностных отношений.

Показатели	**Основная (БДСМ)**		**Контрольная**		**U-критерий**	**p**
	Ср.зн.	Ст.отк.	Ср.зн.	Ст.отк.		
Потребность во включении, поведение Le	4,88	1,36	4,18	1,45	308,00	
Потребность в контроле, поведение Ce	5,52	2,97	4,82	2,93	355,00	
Потребность в аффекте, поведение Ae	2,84	1,52	2,64	1,69	362,00	
Потребность во включении, требование Lw	4,56	2,5	4,03	1,78	362,50	
Потребность в контроле, требование Cw	4,28	2,32	3,76	2,24	365,50	
Потребность в аффекте, требование Aw	4,2	2,5	3,88	2,1	392,50	

По опроснику ОМО нет достоверной статистической разницы в выраженности потребностей включения (Le, Lw), контроля (Ce, Cw), аффекта (Ae, Aw) у лиц, которые практикуют и не практикуют БДСМ.

Особенности зависимости исследовались при помощи опросника «Тест профиля отношений» Р. Борнштейна. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Средние значения по методике «Тест профиля отношений» Р. Борнштейна, адаптация О. П. Макушиной.

Показатели	Основная (БДСМ)		Контрольная		U-критерий	P
	Ср.зн.	Ст.отк.	Ср.зн.	Ст.отк.		
Деструктивная сверхзависимость	28,44	6,98	28,97	8,18	402,00	0,87
Дисфункуциональное отделение	34,2	6,2	34,79	5,22	395,50	0,80
Здоровая зависимость	33,8	5,94	35,27	6,08	355,50	0,38

Статистические различия по U-критерию Манна-Уитни не выявлены. Баллы по всем трем профилям отношений выражены на уровне средних для женщин. Для выявления взаимосвязей между особенностями межличностных отношений, убеждений был проведен корреляционный анализ.

Корреляционный анализ проводился с помощью r-критерия Спирмена по двум группам: основной (n=25) и контрольной (n=33). Данные корреляционного анализа результатов основной группы позволяют говорить о взаимосвязи между потребностью в контроле в отношениях с окружающими и убеждениями, о ценности собственного я, об убеждениях относительно собственной ценности (данный показатель является комплексным и включает в себя убеждения «я хороший человек», «я правильно себя веду» и оценку собственной удачливости).

Другими словами, чем больше власти имеют в отношениях, тем большее чувство самоуважения испытывают респондентки БДСМ-группы. Отношения, построенные на жесткой иерархии и проявлении превосходства, позволяют скрыть чувство неуверенности в себе и внутреннюю тревогу.

На первый взгляд, существует противоречие между подчиненной позицией в БДСМ-сценариях и высокой потребностью в проявлении авторитарной власти в отношениях, но стоит вспомнить, что именно нижний партнер составляет сценарий игры, оговаривает границы и в случае нарушения может прекратить исполнение сценария, в то время как верхний партнер является лишь исполнителем фантазии. И именно желание мазохистки определяет позицию другого участника, как верхнюю.

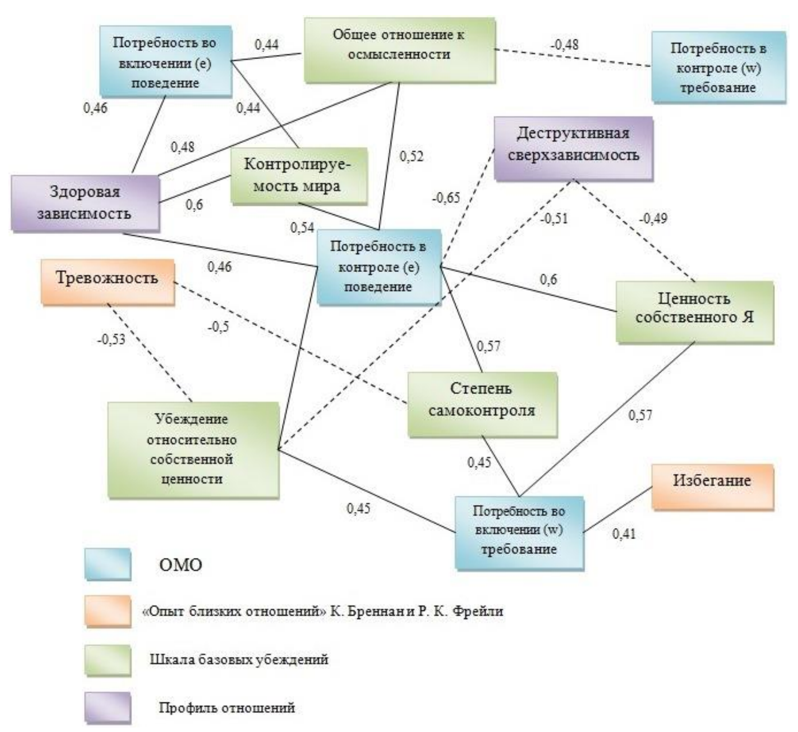

Рис. 1. Корреляционная плеяда показателей между особенностями межличностных отношений, убеждений и типом привязанности в основной группе.

Соответственно, именно потребность в контроле делает возможным разыгрывание БДСМ-практик в сексуальной жизни. Можно предположить низкий уровень доверия к окружающим, поскольку события, происходящие в жизни мазохистов, желанны и оцениваются как положительные только в том случае, если сам представитель основной группы инициировал их.

Доказательством вышесказанного может служить статистически значимая обратная связь между отношением к осмысленности и потребностью во внешнем контроле над респондентками, который реализуется другим участником отношений. Чем больше решений будет приниматься третьими лицами, тем ниже будет ощущение безопасности и ощущение правильности собственного поведения.

Также доказана статистически достоверная обратная связь между степенью самоконтроля, убеждением относительно собственной ценности и тревожностью. Можно предположить, что отношения с жестким распределением ролей заменяют собой потребность в эмоциональной близости, сензитивности и чувственности, и самораскрытие возможно только в том случае, если заранее «прописаны» условия игры, поскольку шкала тревожность характеризуется переживаниями по поводу эмоциональной и чувственной наполненности отношений. И чем выше уровень самоконтроля, тем ниже уровень тревоги, переживаемой в отношениях. Убеждение о собственной ценности имеет прямую корреляцию с потребностью включения в социальные отношения. Приглашение от третьих лиц во вхождение в группу, с одной стороны, снижает бессознательный страх отвержения, подкрепляет убеждение в том, что «я хороший». В то же время между потребностью-требованием приглашения в отношения и избеганием существует значимая прямая корреляция, что можно трактовать как «я хочу, чтобы меня оценивали как хорошего и хочу, чтобы ко мне проявляли интерес, но я боюсь вступать в близкие эмоциональные отношения».

Существует прямая связь между потребностью включения в социальные отношения и степенью самоконтроля. Это может говорить, с одной стороны, о высокой мотивации и высоком чувстве ответственности в сохранении этих отношений, например, при соблюдении правил поведения. А с другой стороны, о скрытом желании быть удобным, постоянном поиске, сборе и анализе ожиданий других, чтобы нравиться.

Особое значение имеет прямая статистически достоверная связь между ценностью собственного я и самоконтролем. «Регуляция самооценки происходит за счет стойкого терпения плохого обращения» [3, с. 357].

Выводы по проведенному исследованию

В основной группе выявлено преобладание деструктивных типов привязанности (64% респондентов), в отличие от контрольной группы (у 64% респондентов — нормальный

тип привязанности). Среди основной группы преобладали избегающий и боязливый типы. Можно сказать, что у большинства респондентов основной группы были высокие баллы по шкале избегания, что характеризуется эмоциональной сдержанностью, осторожность и социальной пассивностью, а также общим избеганием эмоциональной близости.

Выявлена статистически достоверная разница в убеждениях между участниками основной и контрольной группы. Представительницы БДСМ-группы в меньшей степени оценивают внешний мир контролируемым, предсказуемым, положительно к ним настроенным. Выявлена статистически достоверная разница в убеждениях относительно ценности собственного Я: в основной группе участники в меньшей степени оценивают себя позитивно.

Выявлено, что существует прямая корреляционная связь между реализованной потребностью контролировать отношения и следующими характеристиками: ценность собственного Я, здоровая зависимость, контролируемость мира, убеждение относительно собственной ценности, степень самоконтроля.

Выводы исследования позволяют сформулировать следующую рекомендацию для психологов, психоаналитиков и психотерапевтов. Вопросы, которые задаются специалистом для помощи в обдумывании и понимании текущего опыта, не должны содержать в себе фокус на чувствах, эмпатии или поддержке. Терапевтические вопросы могут иметь фокус на то, как тем или иным действием человек достигает того или иного результата, как его решения влияют на отношения с другими, как он контролирует окружающих и для чего он это делает? Так как чувственная сфера пациенток из основной группы является несколько «замороженной» за счет подавления агрессивных импульсов и обращения их на себя. И попытка как-то разрешить и присвоить себе способность быть «злым» может быть решена через обдумывание вопроса: «Как так получается, что я страдаю? Для чего?». Это может быть той дорогой, которая выведет к глубинному страху потерять отношения и остаться одному, что в свою очередь связано с деструктивной привязанностью.

Библиографический список:

1. Кернберг О. Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. — М.: Класс, 2018. — 366 с.
2. Кернберг О. Ф. Отношения любви: норма и патология. — М.: Класс, 2018. — 338 с.
3. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 480 с.
4. Райх В. Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. — М.: Когито-Центр, 2006. — 367 с.
5. Смаджа К. Оператуарная жизнь: психоаналитические исследования. — М.: Когито-Центр, 2014. — 255 с.
6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 338 с.
7. Шарфф Д. Э. Терапия пар в теории объектных отношений. — М.: Когито-Центр, 2008. — 382 с.

FEATURES OF RELATIONSHIPS, BELIEFS AND TYPES OF ATTACHMENT OF WOMEN IMPLEMENTING BDSM PRACTICES IN A MASOCHISTIC POSITION

Terekhova Natalia Sergeevna
psychologist, psychoanalyst,
Moscow

Kudryavtseva Svetlana Viktorovna
candidate of medical sciences, associate professor of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint Petersburg

Abstract. The article presents a study of attachment, beliefs and characteristics of interpersonal relationships in women who implement sexual BDSM practices in the masochistic position. The effective aspect is to formulate a recommendation for the

focus of therapeutic intervention in psychological work with such people.

Keywords: BDSM, type of attachment, beliefs, turning aggression on oneself, control, emotional relationships, bodily response

3.6. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНЩИН, СТРАДАЮЩИХ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ

Сенаторова Елена Васильевна
бакалавр V курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Кудрявцева Светлана Викторовна
кандидат медицинских наук, доцент кафедры психотерапии
АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлены данные эмпирического исследования женщин, страдающих бронхиальной астмой. Проведено сравнение эмоционально-личностных характеристик женщин с БА и здоровых женщин. Были исследованы параметры межличностной зависимости, личностные особенности и сепарационная тревога. В результате исследования были выявлены достоверные различия по семи шкалам: эмоциональная опора на других, неуверенность в себе, стремление к автономии, аффективная неустойчивость, интровертированная направленность личности, ипохондричность, социальная неадаптивность.

Ключевые слова: бронхиальная астма, личностные особенности, аффективная неустойчивость, социальная неадаптивность

Психосоматика рассматривает человека целостно, как многофакторную систему телесного и психического. Взаимодействуя с телесной частью системы, можно получить проявления в другой, и наоборот. В этом аспекте исследование психологических особенностей психосоматических больных дает возможность открыть новые взаимосвязи, определить методы и направления психологической коррекции и психотерапии.

Бронхиальная астма (БА) вошла в первый список психосоматозов Ф. Александера и сегодня находится в числе больших

психосоматических заболеваний. БА — хроническое заболевание дыхательных путей, характеризующееся наличием приступов удушья, вследствие диффузного нарушением бронхиальной проходимости при локализации аллергической реакции в тканях бронхиального дерева. Клинические симптомы определяются бронхоспазмом, отеком, нарушением секреции, а также повышенной готовностью к реагированию трахеобронхиальной системы на определенные стимулы [3].

В настоящее время в мире БА страдают около 300 миллионов человек, что составляет почти 4% населения. В России заболеваемость БА регистрируется в диапазоне от 4 до 10%. Так, по данным А. Г. Чучалина (2007) о распространенности в мегаполисах, наибольшее количество больных выявляется в Санкт-Петербурге — 7,3%, в Москве и Екатеринбурге 6,3—6,2%, в Иркутске — 5,6%. Общее число больных БА по России составляет примерно 7 миллионов человек [6].

В научной литературе накоплены данные о психологических характеристиках и нозогенных реакциях больных бронхиальной астмой. В. Бройтигам, П. Кристиан и М. Рад отмечают, что у данной категории больных наличествуют агрессивные побуждения, которые не всегда осознаются и не проявляются в поведении из-за значительной потребности в нежности, любви и поддержке. Агрессия астматиками переживается как опасная, больные не могут ее выразить, не могут «выпустить свой гнев на воздух», что проявляется в приступах удушья. «Астматики очень сильно переживают агрессивность, но не проявляют ее; они недоверчивы и подозрительны, и поэтому не склонны к самопожертвованию. Они отличаются сильным "Я" и таким же сильным "сверх-Я"» [3, с. 112].

Б. Любан-Плоцца с соавторами подчеркивают, что при астматических приступах «одновременно с воздухом могут задерживаться и эмоции» [9, с. 13]. И. Г. Малкина-Пых отмечает также инфантилизм, неадекватное представление о себе, недостаточную устойчивость к стрессам, хрупкость и незрелость психологической защиты; особенности внутренней картины болезни (тревожно-депрессивные, анозогностические, фобические, истерические, ипохондрические типы реакций) [8].

Ряд авторов пишет о преобладании нементализируемых переживаний, чрезмерной возбудимости, тревожности, либо вялости, повышенной истощаемости, склонности подавлять депрессию. Нередко выявляются алекситимические черты (механистичный характер мышления, неспособность фантазировать, стремление оперировать конкретными понятиями). Согласно данным К.А. Батурина (2003), невротические расстройства широко распространены и выявляются примерно у трети больных бронхиальной астмой [2].

Целью проведенного исследования было выявление особенностей эмоционально-личностных характеристик женщин, страдающих БА. В исследовании принимали участие испытуемые в количестве 51 человек, близкого возраста (22—37 лет) и социального статуса. В основную группу были включены 16 женщин, страдающих бронхиальной астмой, в контрольную — 35 условно здоровых (не имеющих хронических заболеваний).

В ходе исследования параметров зависимости, невротических черт личности и сепарационной тревоги в качестве методик использовались:

— Опросник межличностной зависимости Р. Гиршфильда в адаптации О. П. Макушиной [7].

— Многошкальный опросник невротических черт личности (НЧЛ) [4].

— Тест на сепарационную тревогу в адаптации А. А. Дитюк [5].

Результаты исследования наглядно представлены на графике (рис. 1) и в таблице 1.

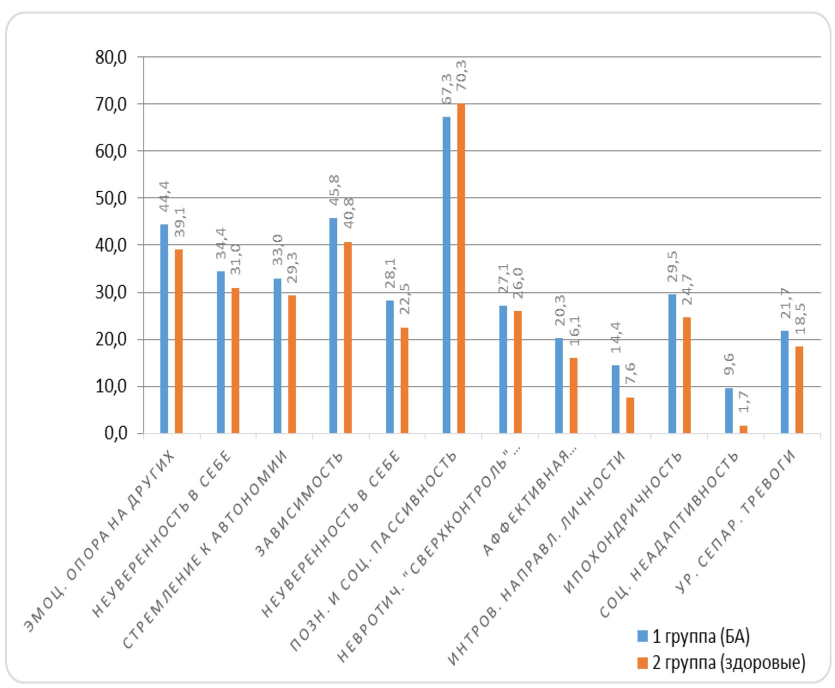

Рис. 1. Сравнение средних значений эмоционально-личностных характеристик женщин контрольной и основной групп.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа контрольной и основной групп.

Наименование опросника и шкалы	**Группа (БА)**		**Группа (здоров.)**		**U эмп.**	**p**
	Сред.	Стд. откл.	Сред.	Стд. откл.		
Результаты по опроснику межличностной зависимости						
Эмоциональная опора на других	44,4	8,1	39,1	8,3	178,5	0,04
Неуверенность в себе	34,4	6,0	31,0	5,2	163	0,02
Стремление к автономии	33,0	5,8	29,3	5,1	185	0,05
Зависимость	45,8	15,3	40,8	12,0	211	0,16
Результаты по многошкальному опроснику невротических черт личности (НЧЛ)						
Неуверенность в себе	28,1	16,7	22,5	15,7	216	0,19
Познавательная и социальная пассивность	67,3	10,6	70,3	12,3	318	0,44
Невротический «сверхконтроль» поведения	27,1	6,0	26,0	7,5	241	0,43
Аффективная неустойчи-	20,3	7,5	16,1	6,9	175	0,03

вость						
Интровертированная направленность личности	14,4	5,6	7,6	6,5	121,5	0,001
Ипохондричность	29,5	8,0	24,7	6,5	168	0,02
Социальная неадаптивность	9,6	7,4	1,7	6,6	120,5	0,001
Уровень сепарационной тревоги						
Уровень сепарационной тревоги	21,7	7,9	18,5	10,8	200,5	0,11

Примечание:
Uкрит для p≤0.05 198
Uкрит для p≤0.01 164

Сравнение двух групп произведено в программе SPSS, по критерию U-Манна-Уитни для непараметрических независимых выборок. При сравнительном анализе были получены достоверные различия по следующим шкалам:

— эмоциональная опора на других;
— неуверенность в себе;
— стремление к автономии;
— аффективная неустойчивость;
— интровертированная направленность личности;
— ипохондричность;
— социальная неадаптивность.

Женщины из группы БА испытывают более сильную потребность в эмоциональной опоре на других, чем условно здоровые женщины. Они в большей степени нуждаются в защите, опеке, одобрении, советах, может присутствовать более выраженная зависимость от внешней оценки и чужого мнения. Они менее уверены в себе, что выражается в сниженной способности самостоятельно принимать решения, предпочтении позиции ведомой роли, уступчивости, неуверенности в собственном мнении. Полученные данные соответствуют представлениям Ф. Александера о том, что БА развивается у людей с фрустрированной потребностью в любви, имеющих стремление к защищенности, детской зависимости, уходу от решения проблем (стремление объединить, получить, принять) [1].

Уровень сепарационной тревоги у женщин с БА располагается в диапазоне средних значений, в контрольной группе — низких. Выявить достоверные различия с контрольной группой

не удалось, однако полученные результаты позволяют говорить о тенденции. Возможно, необходим больший объем выборки.

Вместе с тем у женщин основной группы более высокие результаты по шкале «стремление к автономии» (склонность к дистанцированию от других), что свидетельствует о возможном наличии конфликта «близости — дистанцирования», описанного Г. Фрайбергером (1999). Данный конфликт разворачивается между инфантильной зависимостью и противоположным желанием межличностного дистанцирования, в результате чего значимый другой одновременно сильно притягивает и отталкивает [10].

Страдающие бронхиальной астмой женщины (по сравнению с условно здоровыми) более склонны к проявлениям аффективной неустойчивости. Аффективная неустойчивость может проявляться в повышении эмоциональной возбудимости, раздражительных и гневливых реакциях, ослаблении способности к волевому управлению эмоциями, неустойчивом характере поведения при взаимодействии с другими людьми, повышенной чувствительности, склонности «накапливать» отрицательные переживания, повышенной восприимчивости к стрессу.

Относительно большая (p=0,001) интровертированная направленность личности женщин основной группы (повышенные значения у половины респондентов) позволяет говорить, что они в значительной степени ориентируются на свой внутренний мир и свои переживания. Возможно подавление внешнего проявления эмоций и стремление отдалиться от социального окружения, заниматься деятельностью, предполагающей минимальное социальное взаимодействие. Полученные результаты согласуются с данными научной литературы и позволяют говорить о наличии внутриличностного конфликта между наличием достаточно сильных негативных эмоций и стремлением к подавлению их выражения [3]. Агрессия может выражаться в удушающих приступах БА.

Сочетание повышенных значений интровертированной направленности и потребности в эмоциональной опоре на других могут также быть источником разворачивания конфликта «близости — дистанцирования», о котором упоминалось выше. Либо можно говорить, что больные БА склонны

выстраивать доверительные отношения с очень ограниченным кругом лиц.

Ипохондричность у женщин с БА выявлена на уровне средних значений, но она достоверно выше, чем в контрольной группе. Большая склонность к проявлению беспокойства о здоровье и получению информации о болезни очевидно определяют внутреннюю картину болезни и связаны с нозогенными реакциями.

Социальная неадаптированность в основной группе женщин значительно выше, чем в контрольной (p=0,001), однако результаты не превышают нормативных значений и отражают сбалансированное социальное поведение, основанное на усвоении общепринятых норм. Важно отметить, что любое хроническое заболевание приводит к постепенному истощению адаптивных возможностей личности. Очевидно, на процесс социально-психологической адаптации негативное влияние оказывает длительность и тяжесть болезни. С другой стороны, психосоматическое расстройство можно рассматривать как способ болезненной неадекватной адаптации — в том смысле, что приспособление удалось выстроить только с помощью заболевания.

Таким образом, проведенное исследование позволило очертить психологический портрет женщин с БА и предположить наличие внутриличностных конфликтов, типичных для психосоматических больных:

— конфликт между стремлением к автономии, с одной стороны, и потребностью в близости и опоре на значимых лиц — с другой;

— конфликт между наличием выраженных негативных эмоций и стремлением к подавлению их выражения.

Высказанные предположения нуждаются в дальнейшей разработке с применением дополнительных методик и факторного анализа. Тем не менее результаты исследования доказывают наличие у женщин, страдающих БА, специфических эмоционально-личностных характеристик, способствующих появлению и развитию заболевания, а также позволяют определить направления психокоррекционной работы с данной нозологической группой.

Библиографический список:

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. — М.: Изд-во Институт общегуманитарных исследований, 2015. — 250 с.
2. Батурин К. А. Невротические расстройства у больных бронхиальной астмой. Дис. … канд. мед. наук. (14.00.18). — М., 2003. — 159 с.
3. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина. — М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. — 376 с.
4. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Щелкова О. Ю., Червтская К. Р. Психологическая диагностика невротических черт личности: методические рекомендации. — СПб., 2003. — 31 с.
5. Дитюк А. А. Адаптация теста сепарационной тревоги взрослых ASA-27 (Adult Separation Anxiety Questionnaire) на российской выборке [Электронный ресурс] // Психологические исследования. — 2016. — Т. 9. — № 46 — С. 6. — URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1260-dityuk46.html (дата обращения 15.02.2021).
6. Либердовская Е. Д. Клинико-генеалогические и соматотипологические аспекты бронхиальной астмы. Дис. … канд. мед. наук. (14.00.05, 14.00.43). — Красноярск, 2009. — 215 с.
7. Макушина О. П. Методы психологического изучения девиантного поведения. — Воронеж, 2006. — 79 с.
8. Малкина-Пых И. Г. Справочник практического психолога. «Психосоматика». — М.: Эксмо, 2008. — 589 с.
9. Психосоматические расстройства в общей медицинской практике. — СПб., 1999. — 286 с.
10. Старшенбаум Г. В. Динамическая психиатрия и клиническая психотерапия. — М.: Изд-во Высшей школы психологии, 2003. — 367 с.

EMOTIONAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF WOMEN, SUFFERING FROM BRONCHIAL ASTHMA

Senatorova Elena Vasylyevna
bachelor of East-European psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Kudryavtseva Svetlana Viktorovna
candidate of medical sciences, associate professor of East-European Psychoanalytic Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the data of an empirical study of women suffering from bronchial asthma. The comparison of emotional and personal characteristics of women with BA and healthy women is carried out. Were investigated: parameters of interpersonal dependence, personality traits and separation anxiety. As a result of the study, significant differences were revealed on seven scales: emotional reliance on others, self-doubt, desire for autonomy, affective instability, introverted personality orientation, hypochondriacalism, and social maladjustment.

Keywords: bronchial asthma, personality traits, affective instability, social maladjustment

3.7. ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАСКУЛИННЫХ И ФЕМИНИННЫХ МУЖЧИН ГОМОСЕКСУАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Гафурова Юлиана Сергеевна
психолог,
г. Санкт-Петербург

Кудрявцева Светлана Викторовна
кандидат медицинских наук, доцент кафедры психотерапии
АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлены исследования психологических характеристик мужчин маскулинного и фемининного типа. Исследованы личностные особенности, гендерная идентичность, отношения к значимым объектам у представителей гомо- и гетеросексуальной ориентации. У мужчин с гомосексуальной направленностью не выявлено психопатологических отклонений, что подтверждает современный взгляд на депатологизацию гомосексуальности. Незначительное количество достоверных различий наблюдается между маскулинными и фемининными мужчинами вне зависимости от их ориентации. Психологический пол партнера может быть как схожим, так и противоположным. Маскулинность и фемининность связаны с личностными характеристиками.

Ключевые слова: психология, гомосексуальность, маскулинность, фемининность, личностные особенности, гендерная идентичность

В настоящее время в мире все большее количество известных и неизвестных широкой публике личностей объявляют о «coming out» — открытом заявлении о своей гомосексуальной ориентации. С тех пор. как в 1993 году ВОЗ официально исключила гомосексуальность из списка психических заболеваний, а в Российской Федерации был отменен закон об уголовном преследовании гомосексуально ориентированных мужчин,

в нашей стране было несколько волн роста толерантности к гомосексуальности. Однако толерантность сменилась в различной степени выраженной общественной гомофобией и стигматизацией [1]. По данным Pew Research Center (2014), гомосексуальность считают морально неприемлемой 72% россиян. Ситуация социального «неподтверждения», в которой находятся гомосексуально ориентированные лица в России, не только оказывает негативное воздействие на их личность, но и толкает на создание обособленной, «закрытой» субкультуры. Психологический анализ личностных особенностей гомосексуальных мужчин представляется важным и своевременным как в аспекте гендерной психологии, так и в аспекте текущих реалий социального развития.

В обыденном сознании гомосексуальные мужчины представляются фемининными, что совсем не соответствует действительности. Среди них так же, как и среди гетеросексуалов, есть представители с преобладанием и фемининных, и маскулинных черт. Названные характеристики определяют различные модели построения гомосексуалами своей идентичности [2].

Проведенное исследование имело целью вывить различия психологических характеристик гетеро- и гомосексуальных мужчин в связи с сексуальной направленностью и психологическим полом. Для выявления эмоционально-личностных особенностей испытуемых был сформирован методический комплекс, включающий 4 методики:

— Методика Сандры Бем (опросник по изучению выраженности маскулинности и фемининности);

— Я-структурный тест Аммона (Опроник ISTA);

— Цветовой тест отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда;

— Методика изучения гендерной идентичности (тест МИГИ) Л. Б. Шнейдер.

В исследовании (март 2019) приняли участие 26 мужчин, добровольно обозначивших себя гомосексуалами с выраженным гомосексуальным эротическим и поведенческим предпочтением. В группе сравнения были опрошены 28 гетеросексуальных

мужчин. Возраст респондентов от 23 до 40 лет. Все испытуемые были разделены на 4 группы:

— маскулинные мужчины с гомосексуальной ориентацией (13 человек);

— фемининные мужчины с гомосексуальной ориентацией (13 человек);

— маскулинные мужчины с гетеросексуальной ориентацией (13 человек);

— фемининные мужчины с гетеросексуальной ориентацией (15 человек).

Мужчины, психологический пол которых выявился как андрогинный, в исследование не включались.

Средние значения маскулинности и фемининности оказались близкими у маскулинных гомо- и гетеросексуальных мужчин, а также у фемининных гомо- и гетеросексуальных мужчин. Маскулинность достоверно выше в группах маскулинных гомо- и гетеросексуальных мужчин. Фемининность достоверно более высокая в группах фемининных гомо- и гетеросексуальных мужчин (таблицы 1 и 2.).

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа по методике С. Бем.

Показатель	**Маскулинные мужчины с гомосексуальной ориентацией**		**Фемининные мужчины с гомосексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Маскулинность	0,58	0,25	0,27	0,24	26,5	0,003
Фемининность	0,37	0,23	0,58	0,13	36,5	0,014

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа по методике С. Бем.

Показатель	**Маскулинные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**Фемининные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Маскулинность	0,57	0,09	0,32	0,16	14,5	0,000
Фемининность	0,29	0,16	0,56	0,10	16,5	0,000

Помимо исследования собственного психологического пола, респондентам было предложено оценить маскулинность/фемининность партнера (партнерши). Результаты показали, что в ряде случаев партнеру приписывается тот же психологический пол, что и у испытуемого (у мужчин как гомосексуальной, так и гетеросексуальной ориентации). Достаточное количество мужчин видят в своем партнере человека одинакового с ним психологического пола (рис. 1).

Среди маскулинных мужчин гомо- и гетеросексуальной ориентации:

— 61,5% видят своего партнера/партнершу фемининными,

— 38,5% — маскулинными.

Среди фемининных мужчин гомосексуальной ориентации:

— 69,2% воспринимают своего партнера фемининным,

— 23% — маскулинным,

— 7,7% — андрогинным.

Среди фемининных мужчин гетеросексуальной ориентации:

— 60% видят свою партнершу фемининной,

— 40% — маскулинной.

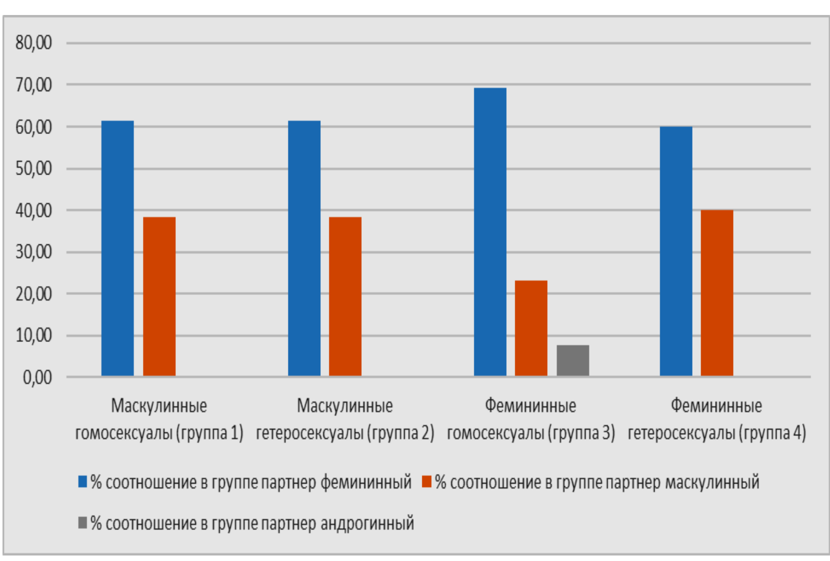

Рис. 1. Результаты оценки партнера с точки зрения психологического пола по методике С. Бем.

Полученные результаты соотносятся с данными научной литературы, в которых опровергается стереотип, что однополая пара обязательно включает в себя маскулинного и фемининного человека, и, соответственно, представитель фемининного типа ищет себе маскулинного партнера и наоборот [8].

При исследовании личностных особенностей по методике Г. Аммона в группе гомосексуально ориентированных мужчин не было выявлено завышенных показателей по деструктивным и дефицитарным шкалам. Конструктивные показатели агрессии, тревоги, нарциссизма и сексуальности несколько ниже нормативных значений, но сходны с аналогичными результатами фемининных гетеросексуалов (достоверных различий нет).

Маскулинные гомосексуальные мужчины обнаружили более высокие показатели по шкалам деструктивный нарциссизм и дефицитарная сексуальность, которые, однако, располагаются в пределах нормативных значений (таблица 3). Аналогичные показатели гетеросексуальных маскулинных мужчин несколько ниже нормы.

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа маскулинных гомо- и гетеросексуальных мужчин по методике Г. Аммона.

Показатель	**Маскулинные мужчины с гомосексуальной ориентацией**		**Маскулинные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Деструктивный нарциссизм (N2)	48,36	10,88	38,65	9,99	43,50	0,037
Дефицитарная сексуальность (S3)	48,47	8,01	38,76	2,37	19,00	0,000

Фемининные гомосексуальные мужчины показали достоверно более высокие (но не выходящие за пределы нормативных значений) результаты по деструктивной сексуальности, чем аналогичная группа с гетеросексуальной ориентацией (таблица 4).

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа фемининных гомо- и гетеросексуальных мужчин по методике Г. Аммона

Показатель	**Фемининные мужчины с гомосексуальной ориентацией**		**Фемининные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Деструктивная сексуальность (S2)	47,32	9,14	37,86	7,31	26,5	0,003

Сравнение маскулинных и фемининных гомосексуальных мужчин выявило более низкие показатели конструктивной тревоги в группе гомосексуалов с фемининным психологическим полом (таблица 5.).

Таблица 5. Результаты сравнительного анализа маскулинных и фемининных гомосексуальных мужчин по методике Г. Аммона.

Показатель	**Маскулинные мужчины с гомосексуальной ориентацией**		**Фемининные мужчины с гомосексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Конструктивная тревога (C1)	47,17	9,02	36,03	12,44	40,00	0,024

Полученные данные свидетельствуют о сниженной способности дифференцированно относиться к различным опасностям и собственному опыту переживания угрожающих ситуаций, может отмечаться либо «захлестывающая» переоценка степени опасности, либо ее полное субъективное отрицание. Достоверных различий по данному параметру в группах гомо- и гетеросексуальных фемининных мужчин не обнаружено. В группе фемининных гетеросексуалов усредненный показатель данного параметра также ниже нормативных значений.

При сравнении гетеросексуальных мужчин с различным психологическим полом выявлены различия по параметрам сексуальности. У маскулинных гетеросексуальных мужчин достоверно ниже дефицитаная сексуальность. У гетеросексуалов фемининного психологического пола — более низкая конструктивная сексуальность (относительно маскулинных

мужчин и относительно дефицитарной сексуальности). Согласно автору методики, при такой ситуации может иметь место недостаточная способность к партнерскому сексуальному взаимодействию, сексуальная активность, возможно, либо слишком стереотипизирована, либо обеднена [5].

Таблица 6. Результаты сравнительного анализа маскулинных и фемининных гетеросексуальных мужчин методике Г. Аммона.

Показатель	**Маскулинные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**Фемининные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Конструктивная сексуальность (S1)	45,06	11,41	34,64	12,94	50,5	0,032
Деструктивная сексуальность (S2)	43,14	5,95	37,86	7,31	49,5	0,028
Дефицитарная сексуальность (S3)	38,76	2,37	43,82	7,47	53,5	0,045

Анализ неосознаваемого отношения к значимым фигурам с использованием методики ЦТО [5] выявил различия только при сравнении между группами маскулинных и фемининных мужчин гетеросексуальной ориентации (таблица 7). У маскулинных гетеросексуалов более позитивное отношение к отцу (средние значения — ниже, чем в других группах). Полученные результаты акцентируют значимость роли отца в развитии маскулинности мальчика, описанную в психологической литературе [3; 4].

Примечательно, что в группе гомосексуальных мужчин аналогичные данные не обнаружены. В остальных группах выявлена средняя степень напряженности в отношении к обоим родительским фигурам. Во всех исследуемых группах самоотношение более позитивное, чем отношение к другим персонам (отцу, матери, партнеру) и категориям (мужчинам и женщинам). Отношения к мужчинам и женщинам достоверно не различаются и у маскулинных, и у фемининных гомо- и гетеросексуалов.

Таблица 7. Анализ результатов сравнительного исследования по Цветовому тесту отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда.

Показатель	**Маскулинные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**Фемининные мужчины с гетеросексуальной ориентацией**		**U эмп.**	**p**
	Ср. арифм.	Станд. откл.	Ср. арифм.	Станд. откл.		
Самоотношение	5,92	4,31	6,00	4,34	97,5	1,000
Отношение к отцу	9,46	3,93	15,13	5,19	34,5	0,003
Отношение к матери	12,77	6,10	10,87	5,33	78,0	0,381
Отношение к мужчинам	8,69	5,07	9,47	5,80	87,5	0,661
Отношение к женщинам	12,23	5,95	12,40	4,69	95,5	0,944
Отношение к партнеру	8,69	4,25	11,07	5,92	78,0	0,381

Исследование гендерной идентичности проводилось с помощью методики Л. Б. Шнейдер (тест МИГИ). Результаты представлены на рис. 2. Согласно определению автора, «гендерная идентичность — единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли» [6, с. 39].

Ни в одной из групп не была выявлена достигнутая идентичность. Небольшое количество испытуемых: 7,7% фемининных мужчин гомосексуальной ориентации и 6,6% фемининных мужчин гетеросексуальной ориентации достигли статуса «мораторий». В статусе «мораторий» человек может пребывать в состоянии кризиса идентичности и пытаться его разрешить, используя различные варианты. «Мораторий» обычно предполагает высокий уровень тревожности, а «преждевременная идентичность» — низкий. Для более высоких уровней идентичности характерно более высокое самоуважение.

Основная часть мужчин всех групп исследования обнаружила преждевременную и диффузную идентичность. У лиц с преждевременной идентичностью могут отмечаться высокие показатели по авторитарности и низкие по самостоятельности, по мнению автора — это навязанная идентичность. Критериями

диффузной идентичности являются сомнения в самоценности, неявная неудовлетворенность собой, ригидность Я-концепции, тенденции к самообвинению, возможно наличие внутри личностных конфликтов [6].

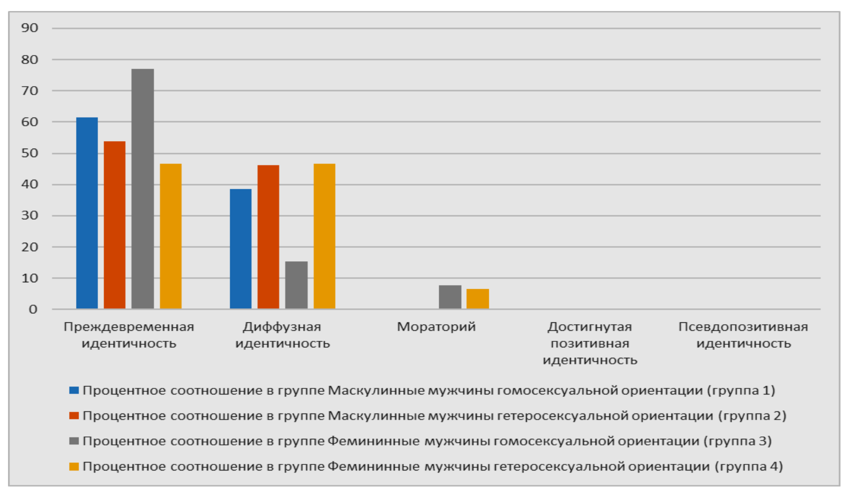

Рис. 2. Результаты исследования гендерной идентичности по методике МИГИ.

Корреляционный анализ, проведенный раздельно в каждой группе, позволил выявить ряд взаимосвязей между исследуемыми параметрами (кроме идентичности). Ниже рассмотрены некоторые (наиболее важные и интересные) из них.

В группе маскулинных гомосексуальных мужчин маскулинность прямо связана с конструктивной агрессией, конструктивной сексуальностью и конструктивным внутренним Я-отграничением. Достаточное количество мужественности (маскулинности) позволяет этим мужчинам проявить свою инициативность, креативность, коммуникабельность, способность легко вступать в отношения с партнером, не сливаясь с ним и ощущая свою аутентичность. Вместе с тем в ситуации необходимости подстройки под чувства партнера, уступчивости — отношение к нему становится более напряженным (прямая связь между негативным отношением к партнеру и дефицитарным внешним Я-отграничением).

В группе маскулинных гетеросексуальных мужчин маскулинность связана с иными параметрами (отрицательные связи с деструктивным внутренним Я-отграничением и отношением к матери). Чем выше маскулинность, тем легче доступ к сфере бессознательного, меньше ригидного барьера относительно своих чувств и потребностей, и более позитивное отношение к матери.

В группе фемининных гомосексуальных мужчин фемининность прямо связана с конструктивными характеристиками внешнего и внутреннего Я-отграничения, агрессии, тревоги и сексуальности. То есть именно фемининность способствует личностной стабильности и, очевидно, адаптации. Низкие показатели маскулинности в этой группе прямо связаны с негативным отношением к женщинам в целом (чем ниже маскулинность, тем более негативное и напряженное отношение). Заслуживают внимания взаимосвязи отношения к материнской и отцовской фигуре. Чем лучше отношение к матери, тем выше показатели дефицитарного нарциссизма (недостаток положительного отношения к себе, признания собственной ценности). Чем лучше отношение к отцу, тем более выражены перечисленные конструктивные личностные характеристики.

В группе фемининных гетеросексуальных мужчин конструктивные характеристики тревоги, нарциссизма, внешнего и внутреннего отграничения прямо связаны и с фемининностью, и с маскулинностью. Чем выше фемининность, тем лучше отношение к женщинам как таковым. Конструктивная сексуальность более выражена при более позитивном отношении и к отцу, и к матери. Вместе с тем доброжелательное, ненапряженное отношение к материнской фигуре увеличивает конструктивные агрессивность и нарциссизм, а также дефицитарную тревогу.

Проведенное исследование показало, что личностные особенности, отношения к значимым фигурам и гендерная идентичность практически не связаны с сексуальной ориентацией. Определенное количество мужчин как гомосексуальной, так и гетеросексуальной направленности видят в своем партнере человека одинакового с ним психологического пола, то есть

психологический пол партнера может быть как схожим, так и противоположным.

Мужчины с гомосексуальной направленностью не имеют структурных личностных нарушений, что еще раз подтверждает современный взгляд на депатологизацию гомосексуальности. Незначительное количество достоверных различий наблюдается между маскулинными и фемининными мужчинами вне зависимости от их ориентации.

И фемининные, и маскулинные мужчины гомосексуальной ориентации продемонстрировали достаточно высокую самооценку и положительное отношение к партнеру. Отношения гомосексуальных мужчин к родительским фигурам, женщинам и мужчинам в целом такое же, как в группе гетеросексуалов, результаты располагаются в пределах средних значений.

Результаты исследования не позволяют говорить, что у гомосексуально ориентированных молодых мужчин есть особенности гендерной идентичности, отличающие их от гетеросексуалов. Очевидно, этот вопрос нуждается в дополнительной разработке.

Данные корреляционного анализа дополнили результаты исследования. Каждая из исследованных групп имеет свою специфику структурных связей. У маскулинных гомосексуальных мужчин именно маскулинность взаимосвязана с конструктивными личностными характеристиками, а у фемининных — фемининность. У последних выраженность конструктивных характеристик также связана с позитивным отношение к отцу. Выявленные взаимосвязи между отношением к родительским фигурам и личностными характеристиками свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования в этом направлении.

Библиографический список:

1. Исаев Д. Д. Демонизированная гомосексуальность // Отечественные записки. — 2013. — № 1 (52). — С. 103—113.

2. Исаев Д. Д. Особенности половой идентичности у лиц с гомосексуальной направленностью влечения // Обозр. психиатр. мед. психол. — 1992. — № 2. — С. 56—57.
3. Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. — 2009. — № 3 (52). — С. 29—41.
4. Кон И. С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. 15. — № 1. — С. 48—64.
5. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование. — СПб.: Институт им. В. М. Бехтерева, 2003. — 438 с.
6. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. — 128 с.
7. Эткинд А. М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика. — М., 1987. — С. 221—227.
8. Bailey J. M. Butch, femme or straight acting? Partner preferences of gay man and lesbian // Journal of Personality and Social Psychology. — 1997. — № 173. — P. 960—973.

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF MASCULINE AND FEMININE HOMOSEXSUAL MEN

Gafurova Yuliana Sergeevna
psychologist,
Saint-Petersburg

Kudryavtseva Svetlana Victorovna
candidate of medical sciences, associate professor of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the research of psychological characteristics of masculine and feminine men. Personality properties, gender identity, relationships to significant objects of homosexual and heterosexual men were investigated. Homosexual men have not psychopathological abnormalities, that confirms

modern notion on homosexuality depathologization. A small number of significant differences are observed between masculine and feminine men, regardless of their orientation. The psychological gender of the partner can be both similar and opposite. Masculinity and femininity are related to personality characteristics.

Keywords: psychology, homosexuality, masculinity, femininity, personality characteristics, gender identity

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беркутова Вероника Валерьевна — филолог, психоаналитик, научный сотрудник научно-исследовательского отдела, старший преподаватель кафедры теории психоанализа АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: veronika.berkutova@yandex.ru

Богач Елена Викторовна — бакалавр V курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Москва.
E-mail: lena_bogach@yahoo.com

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУПТД, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: g_boeva@rambler.ru

Буланов Сергей Олегович — кандидат педагогических наук, главный тренер сборной команды РФ по французскому боксу сават, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: rfsavate@mail.ru

Воронов Игорь Анатольевич — доктор психологических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: woronoff1960@mail.ru

Гафурова Юлиана Сергеевна — психолог, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: gafurova.yuliana@gmail.com

Гржибовская Виктория Витальевна — практикующий психолог, студент ДПО «Психоанализ» АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: grjibovskayav.v@mail.ru

Гурина Елена Сергеевна — старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «НГПУ», педагог-психолог ДОЧУ «Созвездия», Россия, Новосибирск.
E-mail: elena.s.gurina@yandex.ru

Гусенцова Наталья Александровна — практикующий психолог, директор Психологического онлайн-центра, Мексика, Толука де Лердо.
E-mail: n@gusentsova.com

Ким Мария Юрьевна — магистрант I курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: missguiness@gmail.com

Ким Ольга Андреевна — психоаналитик, магистрант II курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: olga.kim.psy@gmail.com

Кудрявцева Светлана Викторовна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры психотерапии АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: kcv@inbox.ru

Куликова Ольга Юрьевна — кандидат исторических наук, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: oksovetnik09@gmail.com

Лабанова Анна Михайловна — магистрант II курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: a.m.labanova@gmail.com

Левчук Валерия Алексеевна — магистрант II курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: valerialevchuk@gmail.com

Ломоносова Наталья Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, возрастной и дифференциальной психологии АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: nslomonosova@yandex.ru

Мелехин Алексей Игоревич — кандидат психологических наук, психоаналитик, сомнолог, клинический психолог высшей квалификационной категории, доцент Гуманитарного института им. П.А. Столыпина, Россия, Москва.
E-mail: clinmelehin@yandex.ru

Пантелеева Галина Владимировна — кандидат психологических наук, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: bell.pant@mail.ru

Савельева Светлана Сергеевна — бакалавр III курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: itinisan@mail.ru

Сенаторова Елена Васильевна — бакалавр V курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: lena.senatorova@gmail.com

Сенчило Владимир Валентинович — психоаналитик, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: sencilo.vladimir@gmail.com

Скибинцева Наталья Викторовна — психоаналитик, перинатальный психолог, гипнолог, Россия, Челябинск.
E-mail: zlenkon@mail.ru

Терехова Наталья Сергеевна — психолог, психоаналитик, Россия, Москва.
E-mail: 9304701@mail.ru

Тихопой Виктория Вадимовна — магистр философии, студент ФГАОУ ВО УрФУ им. Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург.
E-mail: veelka.t@gmail.com

Токарева Валерия Игоревна — магистрант I курса АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: psyhollo.psy@gmail.com

Толкачева Оксана Николаевна — кандидат психологических наук, ассистент кафедры консультативной психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов.
E-mail: tolkoksana@ya.ru

Усатых Галина Николаевна — психолог, психоаналитик, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: galinz@mail.ru

Шарова Анастасия Борисовна — руководитель Студенческого научного общества, старший преподаватель АНОВО «ВЕИП», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: anastasya.sharova@gmail.com

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕРИЯ: «Эпоха психоанализа»

Рекомендуется к печати научно-исследовательским отделом
АНОВО «ВЕИП» (Протокол № 2 от 12.04.2021 г.).

Издательство «ВЕИП»
197198, Санкт-Петербург, Большой пр. ПС, д. 18, литер А
Тел./факс:
8 (800) 3333-77-6

Тираж 1000 экз.